

Вода принимает форму сосуда, в который ее налили, а человек набирается добра или зла от своих друзей.

книга о пути жизни дао-дэ цзин

ЛАО-ЦЗЫ

издание подготовлено Владимиром Малявиным

УДК 355.4 ББК 68 Л 23

Перевод с китайского, составление, предисловие, комментарии *Владимира Малявина*

Лао-цзы

Л 23 Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин) : с комментариями и объяснениями / Лао-цзы; пер. с китайского, сост., предисл., коммент. В. Малявина. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 256 с. — (Исключительная книга мудрости)

ISBN 978-5-17-109221-4

«Книга о пути жизни» Лао-цзы, называемая по-китайски «Дао-Дэ цзин», занимает после Библии второе место в мире по числу иностранных переводов. Происхождение этой книги и личность ее автора окутаны множеством легенд, о которых известный переводчик Владимир Малявин подробно рассказывает в своем предисловии. Само слово «дао» означает путь, и притом одновременно путь мироздания, жизни и человеческого совершенствования. А «дэ» — это внытренняя полнота жизни, незримо, но прочно связывающая все живое. Главный секрет Лао-цзы кажется парадоксальным: чтобы стать собой, нужно устранить свое частное «я»; чтобы иметь власть, нужно не желать ее, и т.д. А секрет чтения Лао-цзы в том, чтобы постичь ту внутреннюю глубину смысла, которую внушает мудрость, открывая в каждом суждении иной и противоположный смысл.

Чтение «Книги о пути жизни» будет бесплодным, если оно не обнаруживает ненужность отвлеченных идей, не приводит к перевороту в самом способе восприятия мира.

УДК 355.4 ББК 68

ISBN 978-5-17-109221-4

© В.В. Малявин, перевод, составление, предисловие, комментарии, 2018 © 000 «Издательство АСТ», 2018

Предисловие переводчика

Древний китайский мудрец Лао-цзы и его книга, называемая по-китайски «Дао-Дэ цзин», не нуждаются в рекомендации. Утверждают, что книга Лао-цзы занимает после Библии второе место в мире по числу иностранных переводов. Происхождение этой книги и личность ее автора, как легко догадаться, окутаны множеством легенд.

В официальной биографии таинственного старца, которую в начале I в. до н.э. написал великий историк древнего Китая Сыма **Цянь.** фактически объединены рассказы о трех разных лицах. Сначала Сыма Цянь пересказывает родословную даосского патриарха, который, как он сообщает, носил фамилию Ли, а имя Эр (что значит «ухо») и был выходцем из южных краев тогдашней китайской ойкумены, причем из какой-то особенно несчастливой местности: родился он в деревне Цюжэнь (букв. «искривленная доброта») в местечке Ли («жестокое») уезда Ку («горький»). Этот Ли Эр прожил долгую и неприметную жизнь, много лет занимая должность хранителя архивов при дворе правителя царства Чжоу. что весьма располагает, с одной стороны, к письменному творчеству, а с другой – к скептическому взгляду на политику и человеческую историю вообще. Во всяком случае, с древности в Китае укоренилось мнение о том, что школа даосов была детищем придворных историографов.

С жизнью Ли Эра связано несколько необычных историй. Считалось, что Лао-цзы принимал у себя Конфуция, который поклонился ему как учителю и расспрашивал его о ритуалах, еще точнее — о погребальных обрядах. Лао-цзы в своем ответе — по

крайней мере так, как он записан у Сыма Цяня, — ничего не сказал про ритуалы, а просто, как подобает старшему и умудренному жизнью человеку, отчитал наивного посетителя: «От тех, кто тебе интересен, уже давно и костей не осталось! Нам известны только их слова. Однако же, если благородный муж схватывает свое время, то ездит в экипаже чиновника. А если он свое время не может схватить, то блуждает по жизни, словно сухой лист, гонимый ветром. Я слышал, что у доброго купца, даже если он владеет большими сокровищами, дом кажется пустым, а благородный муж, даже обладая сполна добродетелью, с виду кажется глупцом. Отринь свою гордыню, свои многочисленные желания, свое чванство и суетные помыслы. Ничего из этого не принесет тебе пользы!»

Рассказ о встрече Конфуция с Лао-цзы появился довольно рано и, возможно, имеет под собой какие-то исторические основания. Во всяком случае, последователи и потомки Конфуция с древности признавали, и даже с готовностью, что Учитель Кун просил у чжоуского архивиста наставлений, молчаливо соглашаясь тем самым, что даже величайший мудрец всех времен мог нуждаться в наставлениях и, стало быть, учиться никому не вредно. Было и еще одно обстоятельство, подмеченное в древности: допуская, что «учитель всех времен» сам учился у неприметного архивиста. конфуцианцы давали понять, что настоящая мудрость не совпадает с мирским успехом, и тем самым оправдывали неудачу самого Конфуция на политическом поприще. Ну а Лао-цзы? Нет ни малейшего намека на то, что у него был учитель. Оно и понятно, ведь Лао-цзы учил следовать простейшей данности жизни. «таковости» всякого существования. Своего учителя он находил очень просто – «оставляя свое сознание в покое». Но все дело в том, что самое простое дается людям как раз труднее всего.

Без учителя и учеников, стоящий в стороне от всех, этот «темный» поклонник всего естественного и спонтанного сумел слиться с китайским укладом жизни в его самых глубоких и общих основаниях. Если в такой судьбе даосского патриарха есть своя закономерность, то она странным образом перекликается с заветами самого Лао-цзы, учившего о жизни, текущей до и помимо всякого понимания, о мгновенных, непознаваемых схождениях, «воздействиях-откликах» разных планов бытия. Столь радикальное соответствие мысли и собственной жизни — привилегия немногих гениев.

Почти все прочие сведения в рассказе китайского историка явно относятся к области легенд: Ли Эр. предчувствуя гибель чжоуской династии, оставляет службу и «возвращается к себе», где «живет затворником». В конце концов, предвидя грядущую смуту, он уезжает верхом на «темном быке» в пустынный Западный край. Когда бывший архивариус прибывает на пограничную заставу, ее начальник, которого якобы звали Инь Си, просит старца оставить людям в наследство свои наставления, поскольку «Великий Путь вот-вот скроется в мире». И Лао-цзы, взойдя на смотровую башню, в один присест написал свою знаменитую «книгу из пяти тысяч слов». Засим он «ушел в пески, и никто не знает, как он окончил свои дни». А начальник пограничной стражи стал первым учеником Лао-цзы и восприемником его мудрости. Как сказано о даосском патриархе и его не менее таинственном последователе в сборнике жизнеописаний даосских святых, они «вдвоем миновали зыбучие пески и вместе возвратились в царство чудесных свершений».

Впрочем, исчезновение основоположника даосизма в Западной пустыне и отсутствие его могилы в Китае не помеша-

ло Сыма Цяню назвать его посмертное имя: Дань. В позднейших преданиях даже утверждается, что Лао-цзы выехал только из западной заставы владений Чжоуского государя — формально верховного властителя тогдашнего Китая — и далеко не уехал. С древности известно и место предполагаемого захоронения даосского патриарха: оно находится в уезде Чжоучжи провинции Шэньси. Появилось оно, как и положено предметам легендарным, не сразу. Если Сыма Цянь еще ничего о нем не знал, то уже в первые столетия н.э. одну из гор на западных рубежах чжоуских владений в народе называли «холмом Лао-цзы». С недавних пор там даже соорудили туристический аттракцион с мемориальной плитой на могиле мудреца, храмом в его честь и т.д.

Романтическое предание об отъезде Лао-цзы на Запад, кажется, и вовсе основано на недоразумении. В западных царствах не существовало должности «начальника пограничной заставы», а имя Си (букв. «радость») скорее всего означает в оригинале: «радостно сказал». И даже если бы почтенный Ли Эр действительно написал одним махом свою книгу, при тогдашней постановке книжного дела и неупорядоченности письма у него не было никаких шансов передать свой труд потомкам в неискаженном виде.

Еще одна версия биографии Лао-цзы отождествляет последнего с неким мудрецом по имени Лао Лай-цзы, тоже уроженцем царства Чу и даже земляком таинственного Ли Эра. Этот Лао Лай-цзы якобы жил «в одно время с Конфуцием» и написал какую-то «книгу из 15 глав, в которой поведал, как применять учение о Дао». Но об этом лице больше нет никаких сведений.

Наконец, третья версия изображает Лао-цзы дворцовым архивистом по имени Дань (записывается другим иероглифом), ко-

торый жил спустя более века после смерти Конфуция, разуверился в возрождении Чжоуской династии, после чего ушел на Запад и имел аудиенцию у правителя царства Цинь Сянь-гуна, которому предрек возвышение Цинь по прошествии 70 лет.

Недавно появился новый, и самый интригующий, взгляд на Лао-цзы, согласно которому имя Ли Эр является неправильной записью прозвища Лао-цзы, которое означало на южном диалекте «тигренок», поскольку Лао-цзы родился в год тигра (572 г. до н.э.) и жил в царстве Сун, где действительно существовала фамилия Лао. Как раз в год рождения Лао-цзы царство Сун подверглось нашествию войска царства Чу, и многие его мужчины были убиты в сражении, что, возможно, дало повод для появления легенд о том, что Лао-цзы родился без отца.

Попытки определить время и место создания «Дао-Дэ цзина» исходя из содержания и лингвистических особенностей самого памятника до сих пор не дали конкретных результатов. В книге ни разу не упоминаются чьи-то имена или названия местностей, нет ни одной отсылки к историческим событиям, отсутствуют и сколько-нибудь надежные внутренние критерии ее датировки. Конечно, в ее тексте есть образы и лексические обороты сравнительно позднего происхождения, но это не означает, что в своей основе «Дао-Дэ цзин» не мог появиться сравнительно рано. Едва ли не единственным более или менее объективным, хотя и расплывчатым, лингво-хронологическим признаком является принятая в тексте система рифм. Исследования этого аспекта даосского канона. а также его лексических особенностей говорят в пользу его раннего происхождения или, точнее, о его близости рифмам, принятым в древнейшем китайском каноне «Книга Песен», сложившемся при дворе Чжоу. В то же время исследования лексики даосского ка-

нона позволили обнаружить в его тексте около трех десятков случаев употребления диалектизмов, относящихся к южнокитайскому царству Чу. Итак, автор «Дао-Дэ цзина» был хорошо знаком с южнокитайским диалектом той эпохи, как, впрочем, и с традициями чжоуской словесности.

Как бы там ни было, в лице Лао Даня – Ли Эра мы имеем дело с основоположником великой религиозной традиции, и вокруг этой личности сложилась обширная житийная литература. Еще в доимперский период имя Лао-цзы оказалось тесно связанным с именем легендарного Желтого Императора, знатока секретов бессмертия, и Лао-цзы стал одним из покровителей древних магов, гадателей и искателей вечной жизни. Эти качества Лао-цзы привлекали к нему интерес многих императоров Древнего Китая, мечтавших о физическом бессмертии. Позднейшие предания наделяют Лао-цзы как космической, так и человеческой ипостасями. Он предстает олицетворением предвечного Пути и чистейшей энергии мироздания. С помощью волшебного зеркала он отделяется от себя и входит в чрево некой Сокровенной Яшмовой Девы. тем самым «превратив свое тело чистой пустоты в тело своей земной матери по фамилии Ли». А вошел он в свою мать в виде звездочки или «разноцветной жемчужины», упавшей с неба. В материнской утробе Лао-цзы провел 81 год, безостановочно читая свою книгу из 81 главы. Он вышел из левой подмышки матери и при рождении имел седые волосы. Появившись на свет, Лао-цзы сделал девять шагов, преображаясь с каждым шагом. Он отличался необыкновенно высоким ростом, имел «квадратный рот», 48 зубов и три отверстия в ухе. В земной жизни он развивался наперекор естественной эволюции и год от года молодел.

Многими красочными деталями обросла и легенда об отъезде Лао-цзы на Запад. Инь Си превращается в мудреца, который, увидев мчавшееся на запад фиолетовое облако, понимает, что нужно ждать появления великого мудреца на западной заставе. Он добивается у чжоуского правителя назначения на должность ее начальника, а накануне приезда даосского патриарха приказывает подмести дорогу перед заставой и зажечь вдоль нее благовония. после чего, облачившись в парадные одежды, со всем почтением встречает дорогого гостя. У самого Лао-цзы появляется слуга по имени Сюй Цзя, который, как и подобает в такого рода сюжетах, не отличается ни умом, ни добродетелью. Этот Сюй Цзя подпал под чары некой красавицы и стал требовать от хозяина расчета. Лао-цзы наказывает своего глупого помощника весьма неординарным способом: заставляет его открыть рот, изо рта вываливается подаренный ему хозяином эликсир бессмертия, отчего Сюй Цзя тотчас превращается в груду костей. Совместно с начальником заставы Лао-цзы возвращает слуге жизнь в качестве платы за его службу, а сам уходит на Запад, где, как позднее стали утверждать даосы, принял облик Будды.

Для исследователя философского содержания «Дао-Дэ цзина» гораздо больший интерес представляет тот факт, что Лао-цзы и другие древние даосы предстают мыслителями без собственной школы, личностями одинокими и таинственными, несмотря на широкую известность их писаний. Позднейшие даосы объясняли отсутствие отдельной школы Лао-цзы очень просто и по-своему убедительно. Они утверждали, что ученики Лао-цзы стали бессмертными небожителями и скрытно пребывают среди людей, подбирая себе учеников. Однако посвященные в таинства Дао «не должны открывать наставления учителя даже за тысячу серебря-

ных слитков». Но взглянем на вопрос по существу: какую школу и тем более идеологическую «партию» может создать мыслитель, который призывает подняться над условностями культуры и всякой аргументации, прославляет «жизнь как она есть», в ее неисчерпаемом разнообразии и спонтанности, а себя уподобляет младенцу, восхищенно и бесстрастно взирающему на мир? В тексте даосского канона мы находим прямые указания на то. что мудрый смотрит глубже всякой точки зрения и всегда поступает «наоборот». Лао-цзы призывает вернуться к тому, что «таково само по себе», некой спонтанности жизни, которая, очевидно, не может быть выражена в понятиях. Совершенно закономерно Лао-цзы соединяет эту интуицию чистой актуальности существования с народным бытом, даже поэтизирует эту анонимную стихию. Его премудрый человек «в своем постоянном отсутствии помыслов принимает в себя помыслы народа». Это не значит, конечно, что он эти помыслы разделяет. Людям вообще-то свойственно куда больше интересоваться «хитростью разума», чем наслаждаться безыскусностью жизни. Вот здесь мы наталкиваемся на фундаментальную проблему понимания Лао-цзы. Не имея своей особой «точки зрения», даже не имея «предмета» сообщения, даосский патриарх, по его собственным словам, только «нехотя», «вынужденно», «предположительно» пользуется естественным языком, и притом пользуется им как нельзя более естественно, говорит, по собственному признанию, просто и общедоступно. Но он говорит о неназываемом и поэтому... ничего не говорит. Это значит: говорит немногословно и загадочно. Речь Лао-цзы есть как бы одно большое сказание «ни о чем» или, если угодно, о том, что дается, задано нам прежде всех понятий и останется с нами после того, как все понятия пройдут. О чем бы ни говорил этот

«темный» мудрец, он говорит о «другом» и все же говорит именно то, что говорит.

Как словесная фигура речь Лао-цзы есть анафора, некий параязык, сам себя упраздняющий, но и вечно возобновляющийся в своем самоупразднении: несотворенное не может быть и уничтожено. Такая мыслительная посылка требует говорить, по слову самого Лао-цзы, «как бы наоборот», не ища опоры в знании и опыте, не держась за собственные постулаты. Истина Лао-цзы настолько безыскусна и безусловна, что ею не может владеть ни одна школа, ни даже он сам! Она принадлежит всем и никому, не противоречит ни одной доктрине и не совпадает ни с одним мнением. Согласимся: не так-то просто спорить с тем, кто говорит только для того, чтобы упразднить собственное суждение! Да и не будет такой мыслитель ни с кем спорить. Его интересуют лишь глубины его собственного опыта.

Теперь мы можем по-новому взглянуть и на уход Лао-цзы на Запад. Перед нами на самом деле аллегория претворения себя в полноту родовой жизни. Лао-цзы ушел, чтобы вернуться; он исчез только затем, чтобы стало возможным явление истины, присутствующей здесь и сейчас, и настоящим памятником Лао-цзы — единственному из древних мудрецов Китая, имеющему только символическую могилу, — стал сам уклад китайской цивилизации, безмерная мощь его многотысячелетней традиции. Охотно верится в то, что Лао-цзы, согласно преданию, был знатоком именно поминальных обрядов: его мудрость и есть не что иное, как памятование незапамятно-непреходящего.

Вот где таится главный секрет Лао-цзы: чтобы стать собой, нужно устранить себя; чтобы получить власть, нужно не желать (именно: не желать) власти. Здесь обнаруживается неформулиру-

емая связь между нравственным совершенством и царским могуществом. А секрет чтения Лао-цзы заключен в постижении той внутренней глубины смысла, которая внушает мудрость, ни с кем не вступая в спор, все понимая *наоборот*. Лао-цзы, напомню еще раз, сам утверждает, что он «не такой, как другие». Он живет с миром вне мира; мир не властен над ним.

Композиционно «Дао-Дэ цзин» состоит из 81 афоризма, или «главы». Число явно символическое, соответствующее вершине творческого начала мироздания (9х9). Считалось также, что изначально даосский канон включал в себя ровно пять тысяч знаков. Книга разделяется на две части: «Канон Пути (Дао)» и «Канон Совершенства (Дэ)». Внутри отдельных глав легко различить разные стилистические и смысловые слои. Нередко в них имеются вступительные афоризмы, определяющие тему главы, и афоризм завершающий, формулирующий вывод из предшествующего рассуждения. Ядро главы составляют иллюстрации темы, нередко включающие в себя более отвлеченное понятие. Повсюду господствует стилистика афоризма, в которой наиболее значимыми являются как раз безмолвие, пауза, разделяющие и обступающие слова. Читателю предлагается самостоятельно постичь неизъяснимое.

В последние десятилетия в двух местах Центрального Китая — сначала в Мавандуе, а затем в Годяне — были обнаружены древние списки «Дао-Дэ цзина», местами существенно отличающиеся от традиционной версии. Данные этих находок были учтены в предлагаемом здесь переводе.

В современной семиологии после Р. Барта принято противопоставлять произведение и текст. Мы можем сказать, что в «Дао-Дэ цзине» модус текста решительно преобладает над мо-

дусом произведения. Обостренный интерес древних китайских переписчиков к числу знаков в этой книге и в ее отдельных частях (в мавандуйских списках численность иероглифов в каждой части обозначена особо) красноречиво об этом свидетельствует. Текст и есть не что иное, как пространство рассеивания смысла, его растворения в пустотной цельности бытия. Не существует «доктрины Лао-цзы». Книга «темного» мудреца выражает не тот или иной предметный смысл, а чистый жизненный порыв, пульсацию живого тела бытия, случайность, превосходящую всякое правило.

Удивительное свойство «Дао-Дэ цзина» состоит в том, что его текст обнажает производность произведения. Возможно, именно поэтому наследие Лао-цзы долгое время не было вовлечено в доктринальные споры. В даосской же традиции этот примат текстового начала породил одну важную особенность культурного бытования главного даосского памятника: его полагалось читать громко, нараспев и по возможности непрерывно — и наяву, и даже во сне. А все потому, что в тексте канона воплотилось реальное жизни, всегда отсутствующее в мысли. Непрерывное чтение «Дао-Дэ цзина» позволяло как бы телесно усвоить его текст, делало канон нормативной инстанцией опыта переживания и, можно сказать, животворения жизни. Один из ранних даосских текстов обещает, что тот, кто прочитает «канон пяти тысяч слов» десять тысяч раз, узрит воочию самого Лао-цзы.

Мистическое отношение даосов к своему канону напоминает о том, что перед нами не просто изложение тех или иных взглядов, что чтение «Дао-Дэ цзина» бесплодно, если оно не обнаруживает вдруг ненужность своих идей, не приводит к радикальному перевороту в самом способе восприятия мира, и притом такому, который освобождает нас от оков самоутверждающегося интеллекта и позво-

ляет прозреть истину как бы по ту сторону нашего понимания и, значит, в непосредственной, простейшей данности жизни.

В таком случае выражение «загадка Лао-цзы», которое кажется на первый взгляд журналистским штампом, приобретает для нас глубокий и отчасти даже — страшно сказать! — юмористический смысл. Мудрость перемен, исповедуемая Лао-цзы (а вслед за ним и всей китайской традицией), требует признать реальностью самоотсутствие мысли, искать единство в акте умственного «рассеивания», в бесконечном богатстве разнообразия — принципиально непонятном. Для даосского патриарха мысль и бытие — одно, но Лао-цзы — мастер «темных речей», потому что у него не язык навязывает свой порядок бытию, а само бытие проступает сквозь язык.

Итак, истина Лао-цзы обосновывается актом превозмогания или. лучше сказать, претворения субъективности в полноту бытия. Это истина именно бытийствующая; она жива и деятельна тогда, когда не предъявлена умозрению. И сам образ «Лао-цзы» в китайской традиции есть только заместитель отсутствующей реальности, своеобразная антиикона, которая устанавливает различие в видимом сходстве, стирает самое себя, маскирует собственную маску. Не следует ли сказать в таком случае, что наследие Лао-цзы только и может жить как (ис)толкование, загадочные иносказания, умение говорить «наоборот» и с точки зрения общепринятых значений «невпопад»? Древние глоссы, определяющие смысл терминов по, казалось бы, случайному признаку омонимии, и в еще большей степени вновь открытые древние списки «Дао-Дэ цзина», где большая часть знаков записана по принципу того же фонетического заимствования, с особенной наглядностью свидетельствуют о присутствии в «темных» речах даосского патриарха неисповедимого «прародителя» всех значений, этого сокровенного истока бесконечной игры смысла. Опознание этой преобразовательной силы языка превращает текст в тайнопись и заклинание. Не случайно поэтому канон в Китае, как мы уже знаем, воспринимался как пред-словесный — или, если угодно, за-словесный — прообраз мироздания. Лао-цзы «наставляет без слов» не потому, что ему нечего сказать, а потому, что он способен, как гласит чань-буддийская сентенция, «все сказать, прежде чем откроет рот». Знаменитая начальная сентенция «Дао-Дэ цзина» служит тому наглядной иллюстрацией: объявляя все слова пустыми, она как бы возвращает мысль к истоку всего сказанного. Первая фраза канона оказывается, в сущности, и последней. Для даосского патриарха каждое слово — лишнее.

Такая позиция Лао-цзы до некоторой степени предопределена особенностями китайского текста с его относительной семантической самостоятельностью каждого иероглифа, очень слабо развитыми морфологией и синтаксисом. Но языковая специфика в данном случае находит прямое продолжение в характере мышления даосского патриарха. Мысли Лао-цзы свойственно «ходить кругами», следуя некоему центростремительному движению. Это мысль, выражающая принцип, как говорил сам Лао-цзы, «удержания срединности», проникнутая почти инстинктивным стремлением уйти в глубину, в тень и так сохранить и укрепить свои жизненные силы, а следовательно, власть. Ибо власть действенна, когда она не видна.

Итак, Лао-цзы может говорить лишь тогда, когда мысль открывается не-мыслимому. Он говорит по праву не-говорения. Между его отдельными суждениями как будто нет логической связи, но все сказанное им проникнуто внутренней преемственностью. Принцип «удержания срединности» у Лао-цзы означает претворение в каждый момент времени полноты всеединства.

Академическая наука, так жаждущая понимания, немало преуспела в том, чтобы сделать наследие Лао-цзы непонятным и неинтересным широкому читателю именно потому, что всегда стремилась установить предметный смысл речений провозвестника Великого Пути. Но ни метафизические или мифологические теории, ни математические схемы не раскроют той последней глубины смысла, которой странные писания «Старого Ребенка» обязаны своей долгой жизнью. Структура сказки никому не интересна, кроме горсти кабинетных ученых. Сказка всегда будет интересна детям. Но сознание пробудившееся будет вечно интересоваться той неисповедимой бездной, тем предвосхищающим все сущее зиянием, которые отверзаются в нашем опыте, когда начинает звучать осмысленная речь.

Лао-цзы сродни ребенку в том смысле, что живет в сердечной близости с миром и лелеет по-детски целомудренное нежелание разбивать обыденно-безличным словом полноту и цельность бытия. Вот почему, чтобы прочитать «Дао-Дэ цзин», мало быть грамотным, а чтобы понять его — мало уметь логически мыслить. Здесь требуется, как заявляет сам Лао-цзы, идти всегда другим, обратным путем: разучиться читать и думать и научиться открывать себя истоку происходящего, разучиться накапливать и научиться «каждый день терять» и... давать жизни жительствовать.

Лао-цзы называет Путь «предельно малым» и «мельчайшим», ибо природа сознания и есть предельная конкретность. Между тем в позднейшей даосской литературе Путь часто приравнивался к неисчислимо малой «паузе», «перерыву» (си) в опыте. Речь идет, в сущности, о бесконечно малой длительности кругового движения «от себя к себе», событии вечного (не)возвращения. Путь никогда не является данностью, но как бы непрерывно приходит, в нем все исчезает прежде, чем проявится вовне, и поэтому его истина постигается не умом, а сердцем. Это момент откровения, открывающего внутреннюю правду и скрывающего внешнее правдоподобие. Откровение Лао-цзы есть постижение бытийственной основы языка как со-бытия — схождения вещей несоизмеримых и несовместных: предельной конкретности и высшего единства, глубинности глубины и явленности яви.

«Диалектика» Лао-цзы не просто придана его речи в качестве некоего «понятийного аппарата», а встроена непосредственно в ее семантику. Сокрытие, чтобы воистину быть собой, должно сокрыться и стать... пределом явленности. Потеря должна быть потеряна и стать чем-то вездесущим и неизбывным и т.д. Парадоксы Лао-цзы, в которых сгорает обыденный смысл слов, возвращают к безыскусности речи как вестника бытия, зова настоятельного в настоящем. Это движение свершается само собой, повинуясь внутренней логике самого смысла. И язык Лао-цзы не был бы воистину символичен, если бы его неизменная ино-сказательность не отсылала бы к чистой выразительности слова как оно есть, отменяющей (как бы отменяющей!) все фигуры речи, выводящей глубину метафор на поверхность смысла. Этому «возврашению к актуальности» в тексте «Дао-Дэ цзина» соответствуют. казалось бы, обыденные, вполне тривиальные суждения, которые кажутся результатом наблюдений над повседневной жизнью и напоминают бесхитростные народные поговорки. Нередко они помещены в начале или в конце речения, как бы обрамляя собой парадоксы, обнажающие внутреннюю глубину кружной и кружащей мысли о Великом Пути.

Истина Лао-цзы — это само действие, но действие неимоверно тщательное, тщательное до полной беспредметности и потому как

бы... бездеятельное. Даосский канон — это не система умозрения, но и не руководство к действию, а скорее указание на сами условия действенности действия. Он есть повод к нескончаемому вдумыванию — нескончаемому потому, что оно не позволяет ничего «придумать», а только освобождает от оков деловитого «думания». А цель чтения «Дао-Дэ цзина» — возвращение к чистой, не поддающейся именованию актуальности жизни.

Владимир Малявин

¹ Подробный текстологический и содержательный анализ «Дао-Дэ цзина» см. в книге: *Лао-цзы.* Дао-Дэ цзин. Книга о Пути жизни / Пер. Владимира Малявина с вступительным исследованием, подробными текстологическими пояснениями, парафразами отдельных глав, сводом китайских комментариев, а также переводами годяньских текстов «Лао-цзы» и «Извечно преждесущее». М.: Феория, 2013.

канон пути

О пути можно сказать, но то не предвечный Путь. Имя можно назвать, но то не предвечное Имя. Что имени еще не имеет, то начало всех вещей, А что уже имеет имя, то мать всех вещей.

Посему, обращаясь к полноте отсутствующего, постигаешь его исток; Обращаясь к полноте явленного, постигаешь его исход. То и другое являются совместно, но именуются по-разному. Совместность их зовется сокровенностью. Сокрытое еще скрывается: Вот врата бесчисленных чудес.

Эта начальная глава выглядит самой загадочной во всей книге. Сама тема главы трактуется по-разному в комментаторской традиции. Одни толкователи видят в ней краткое изложение даосской метафизики, другие — наставление в личном совершенствовании, третьи — суть военной стратегии, четвертые — принципы управления государством и т.д. В действительности перед нами не метафизический фрагмент и не техническая инструкция, а свидетельствование о самых что ни на есть естественных основаниях человеческого бытия, эскиз феноменологии человеческой практики, в которой нечто новое, смутно предчувствуемое, еще не отлившееся в слова всегда соседствует с плодами рефлексии, устойчивыми и общеизвестными понятиями. Смутную интуицию вечно отсутствующего, но и всегда грядущего нужно доводить до предела: «предвечное» у Лао-цзы — это абсолютное самоотсутствие

(«несущее»), которое делает возможным всякое существование. не творя мир актом воли, но, как мать, невольно питая, давая произрасти всему живому. В бытии и в сознании (именно: в живом, растущем, бытийственном сознании Пути) существует некая точка абсолютного покоя или, скорее, вечно отсутствующая перспектива всеединства, совершенной уравновешенности, взаимной обратимости или взаимной проницаемости всех моментов существования. В этой перспективе присутствие и отсутствие, именуемое и безымянное, очевидное и сокровенное в своей неопределимой утонченности, постоянном внутреннем скольжении оказываются собранными воедино, причем в свете этого круговорота бытия, взятого как целое, отсутствующее и безымянное выступает условием всего наличного и предметного. Речь идет не об умозрительно постигаемом единстве, а о переживаемой конкретности существования, вечно уникального и притом вечно смещающегося «здесь и теперь». Это смещение великолепно передано композицией главы, где значение отдельных понятий постоянно меняется, как бы ускользает за свои пределы, оставаясь в рамках единой, хотя и не обозначенной явно структуры миропонимания. Живя конкретностью опыта, мы нигде не находимся, не находим себя. «Здесь и теперь» — это всегда «еще и здесь» и «еще и теперь». Оно есть везде и всегда, и его... нигде и никогда нет. Познание пути жизни не позволяет ничего фиксировать, но предполагает вживание в текучесть самой жизни, рост духовной чувствительности, способность проводить все более тонкие различия в опыте, одухотворение сознания. Премудрый человек теряет предметное знание, но приобретает способность видеть бытие бездной чудес, кладезем откровений.

Высказанное в первой главе «Дао-Дэ цзина» — это одновременно плоды размышлений о недостижимом и по-детски чистой веры в него. Тот же, кто движим желанием представить и определить реальность, будет воспринимать только поверхность вещей и знать лишь то, что сам определит предметом своего знания (со-

гласно одному из толкований, которое, возможно, только имплицитно содержится в тексте Лао-цзы). Предметная деятельность человечества, однако, *не* отделена от истины бытия, – всегда имманентной опыту! – а ограничивается лишь умопостигаемым измерением сушего. В конечном счете Великий Путь превосходит различие между наличным и отсутствующим, известным и неизвестным, мыслью и бытием, духом и материей. Он есть реальность мета-символическая, не-двойственность чистой духовности и чистой вещественности, данная во внешне неопределенном, но внутренне внятном содержании опыта. где действительное уже неотделимо от первозданной фантомности опыта, ибо только так и предстает реальность бесконечно малых превращений. Эта реальность есть образ безмерной внутренней дистанции с ее неопределимой точкой схода всех явлений, где вещи достигают своего предела и не могут не быть именно потому, что... не могут быть. Будьте не в себе – и вы пребудете вечно: вот завет Лао-цзы, над которым непременно посмеются «здравомыслящие люди».

Если перед нами формула континуума сознания, значит, мы имеем дело не с различиями, а, строго говоря, различениями, не попыткой описания мира, а свидетельством внутреннего опыта. Другими словами, здесь есть только единичности, отмечающие проблески сознания, в которых проявляет себя жизнь духа. В отличие от различия различение не разрушает, а удостоверяет единство опыта. Отсюда вся двусмысленность отношений между «истоком» и «исходом» мира, «началом вещей» (или «началом мира») и «матерью вещей». Эти понятия отмечают не состояние, а Путь, и притом Путь абсолютный, который вечно возвращает к себе. Поэтому «исток» может оказаться завершением пути (причем одновременно бытия и познания.

Не так уже трудно вообразить мир «сокровенности», о которой толкует Лао-цзы. «Сокровенное» — это глубина сумеречного неба. Взглянем вдаль в густых сумерках, скрывающих формы предметов и расстояние между ними. Если мы будем покойны, расслаблены

и, следовательно, способны открыться миру или, вернее, впустить его в себя, мир предстанет для нас бездной нюансов, полузнакомых «обрывков смутных фраз». Это будет чужой и все же интимный мир, отменяющий самое различие между внутренним и внешним, доверительно шепчущий о близости недоступного, навевающий грезы о невообразимом величии. Это будет мир, где, согласно Ж. Делезу, «речь доведена до предела и стала чем-то одновременно неизъяснимым, но по этой же причине доступным только произнесению, а зрение доведено до границы, которая одновременно незрима и может быть только наблюдаема». Это мир густых, как лесная чаша. различий, где всего «видимо-невидимо». Вот так сущее и не сущее, фантазм и действительность становятся неразличимы, не лишаясь своеобразия. Но есть еще и второй этап «сокрытия», относящийся к открытию внутренней осиянности бодрствующего духа, ясному видению подлинности жизни. Лао-цзы неоднократно настаивает на том, что речь идет о познании «постоянства». Очевидно, фиксации нефиксируемого – одухотворенной, наполненной сознанием и сознательно прожитой жизни, где мгновение и вечность сливаются воедино. Этой интенсивно проживаемой жизни соответствует избыточность образов и звуков вовне нас. Но бормотанье сумеречного мира внезапно прерывается гулким ударом колокола, пронзительным криком живого существа, вспышкой далекой зарницы. И мы пробуждаемся среди несказанных чудес...

Когда в мире узнают, что прекрасное — прекрасно, является уродство.

Когда в мире узнают, что доброе – добро, является зло.

Наличное и отсутствующее друг друга порождают. Трудное и легкое друг друга создают. Длинное и короткое друг друга выявляют. Высокое и низкое друг друга устанавливают. Музыка и голос друг другу откликаются. Предыдущее и последующее друг другу наследуют. Так всегда бывает в мире.

Вот почему премудрый человек предается делу недеяния И претворяет учение, не имеющее слов. Дает всему случиться и ни о чем не помышляет. Дает всему появиться и ничем не владеет. Дает всему завершиться и ни за что не держится. Достигнув успеха, не присваивает его себе. Ничего не считает своим — и от него ничего не уходит!

Лао-цзы указывает на субъективную природу человеческих суждений и поступков, не отрицая объективного характера добра, истины и красоты. Он учит ни к чему не стремиться, но и ничего не отвергать в жизни. Поистине, тот, кто ни за что не держится, ничего не потеряет. Такой каждое мгновение предстоит вечности и поэтому... счастлив. А те, кто живет мирскими понятиями, хотят выглядеть красивыми только потому, что боятся казаться уродли-

выми. Но нельзя быть красивым нарочно. Тот, кто *старается* выглядеть красивым, выказывает свое уродство. Тот, кто щеголяет своим умом, демонстрирует собственную глупость. Тот, кто имеет одно неизменное абстрактное понятие о добре и зле, становится рабом этого понятия и как раз поэтому навлекает на себя тревоги и беды. «Премудрый человек» Лао-цзы все видит как одно и не разделяет мир на противоположности. Он пребывает в средоточии всеобщего круговорота, в «оси Пути». Оттого же он никого и ничего не утесняет, но предоставляет всему сущему свободу быть... Он и сам свободен *от* всего, чтобы быть свободным *для* всего. Вот это и значит воистину быть собой.

Не возвышайте «достойных» — И люди не будут соперничать. Не цените редкостные товары — И люди не будут разбойничать. Не давайте явиться соблазну, И в сердцах людей не будет смущения.

Вот почему премудрый человек, управляя людьми, Опустошает их головы И наполняет их животы, Ослабляет их устремления И укрепляет их кости. Он всегда делает так, что у людей нет ни знаний, ни желаний, А знающие не осмеливаются ничего предпринять.

Действуйте посредством неделания – и во всем будет порядок.

Мудрый правитель, по Лао-цзы, не подстрекает людей к соперничеству, не обольщает их наградами и не запугивает наказаниями. В конце концов, и то, и другое бессмысленно: злодея никакими наказаниями не устрашить, а порядочный человек и без наград будет трудиться честно. Мудрое правление вообще не должно устанавливать каких-либо норм. Оно лишь обеспечивает минимальные материальные условия для человеческого благосостояния, но, что гораздо важнее, учит ценить индивидуальное своеобразие людей, благодаря чему только и возможно дости-

жение или, точнее, восстановление органической цельности жизни. Для этого потребны смирение и терпение, то есть разумное ограничение претензий рассудка — источника чрезмерных желаний. Великий Путь мироздания исключает любое насильственное, нарочитое действие и сам собою осуществляется там, где нет соблазнов, порождаемых богатством, властью или славой. Политики же, которые кормят людей красивыми словами о «прогрессивном развитии» и «общественном мнении», в лучшем случае не ведают, что творят: рано или поздно они станут жертвой собственной близорукости.

Секрет успешной политики — в «упорядочивании себя» (по-китайски буквально «упорядочивании своего тела»), что означает отречение от своего эго или, что то же самое, освобождение от гнета себялюбия. Мудрый правитель «наполняет животы» своих подданных. Живот — физический центр тела и одновременно средоточие жизненных сил организма. Он вбирает в себя и материальную пищу, и духовные токи жизни. Он дает устойчивость нашей жизни. Отказываться от основы и средоточия своего бытия ради чего-то периферийного и вторичного не есть ли большая глупость? И надо иметь в виду, что Лао-цзы говорит не о технике духовного совершенствования, а об условиях, делающих это совершенствование возможным. Заниматься йогой, не сделав сознание «пустым», — все равно, что, как выразился один позднейший писатель, «отгонять мух тухлятиной». А тот, кто воплотил в себе покой, уже не нуждается ни в какой технике.

Путь всех напоит. Пользуйся им— не переполнится чаша. Пучина! Он словно прародитель всех вещей!

Притупляет свои острые края, Развязывает свои узлы, Смиряет свечение свое, Вид принимает праха своего.

Ускользающее! Как будто есть оно и нет его. Неведомо, чье оно дитя. Образ его — предвестье Высшего Владыки!

Глава содержит очень смелые и тонкие, долгим размышлением порожденные суждения о природе Великого Пути как вечнопреемственности отсутствующего. В ней обозначен ряд важнейших черт дао: бытийная первичность Пути и его деятельная беспредметность, фантомная природа бытия, «прикровенность» Пути и его свойство предшествовать всему сущему, его уподобление «пыли» тончайших восприятий бодрствующего духа (ср. понятие «множества утонченностей» в гл. І), причастность к абсолютному самоподобию всегда нового и всегда прежнего Пути и, наконец, «великое сомнение», сопутствующее моменту самопознания беспредметного духа, чистый динамизм которого предопределяет формы культуры, не совпадая с ними. Реальность в горизонте этого мировосприятия как бы мерцает, или пульсирует: чем она неопределеннее в словесных формулах, тем шире открыт для нас источник твор-

ческих превращений мира, тем больше радости сулит нам жизнь. И нет ничего долговечнее того, что постоянно прерывается. Эта бездна бесчисленных метаморфоз бытия внушает сознанию, ему предстоящему, подлинно священный ужас. Лао-цзы учит благочестию без культа, сыновству без отца. Все его учение — гимн «величайшему», каковое есть просто то, что не может не быть, потому что его нигде нет в мире. Прообразом же Пути выступают богатство и полнота родового существования, в котором открывается еще большая глубина опыта. И нельзя не видеть, что проповедь — вне доктрины! — даосского патриарха созвучна стремлению современной философии преодолеть метафизику «первоначала», «субстанции» или «истинно-сущего».

Небо и Земля лишены человечности, Для них все вещи — что соломенные собаки. Премудрый человек лишен человечности, Для него все люди — что соломенные собаки.

Пространство между Небом и Землей Подобно кузнечным мехам: Пустое — а нельзя устранить, Надави — и выйдет еще больше.

Кто смотрит по сторонам, быстро утомит себя, Не лучше ли блюсти срединность?

Люди создают свой мир из того, что знают, и оправдывают его наспех придуманными словами. Они знают просто то, что знают. Они желают свое желание. И, столкнувшись с невозможностью разорвать этот порочный круг, срываются в насилие. Гораздо труднее принять самое простое: реальность такова, какова она есть, и она не обязана соответствовать людским желаниям. Для мыслителя, столь непреклонно преданного истине, как Лао-цзы, человеческая речь именно в той мере, в какой она призвана оправдать все «человеческое», есть только попытка заговорить действительность. Напрасно люди убеждают себя, что владеют жизнью. На самом деле жизнь владеет ими, давая каждому его шанс пройти свой круг в ее вечном хороводе, реально прожить свой день — и уйти навеки. Но Лао-цзы далек от бескрылого фатализма, которым люди

столь часто прикрывают свою немощь и умственную лень. Человек может и должен *свершить* свой Путь. Ему дано в урочный час сполна претворить свои жизненные возможности.

Держаться центрированности бытия, где нам каждый миг открывается несказанное величие нашей жизни, методично и радостно возвращаться к бесконечности в себе — это занятие, не имеющее предела. В несотворенности покоя, в средоточии мирового круговорота все сходится, и все вещи возвращаются к подлинности своего существования, хотя там ничего нет. В этой точке человеческое смыкается с небесным. Это исток творческих метаморфоз, несводимый к «данности». Он существует по противоположным, нежели земное бытие, законам: чем меньше он явлен, тем больше его мощь. А потому чем больше отдаешь, тем больше получаешь. Благодаря ему мы способны бесконечно восполнять в себе силу жизни (см. тему накопления и бережливости в «Дао-Дэ цзине»). Вот почему восьмая строка главы имеет особенное значение для даосской практики. Она указывает, как человек может возобновлять, накапливать в себе одухотворенность жизни независимо от ее материальных условий.

Всевместительный дух не умирает; Сие зовется Сокровенной Прародительницей. Врата Сокровенной Прародительницы Назову корнем Неба и Земли.

Вьется и вьется, не прерываясь. Пользу его исчерпать невозможно.

Быть может, глубочайшая интуиция жизни скрывается в ощущении, что наше тело вмещает в себя всю полноту творческих потенций бытия и что поэтому человек призван не познавать жизнь, тем более не ущемлять ее, а беречь ее божественную цельность. Цельность реальную именно потому, что она пребывает... вне себя самой! Оттого же жизнью нельзя овладеть, можно только дать ей быть. Но для этого нужно быть в известном смысле «прежде жизни». Данная глава, одна из самых загадочных во всей книге, дает понять, что такое подлинное бытие, которое существует прежде материального или мыслимого мира и хранит в себе изобилие жизненных сил.

«Дух долины», «сокровенная прародительница» — это метафора, одна из многих в «Дао-Дэ цзине», пустотной цельности — духовного источника жизни. Самоопустошение обеспечивает самовосполнение; кто умеет отдавать, способен получать, и мать живет своим ребенком. Даосские комментаторы усматривали здесь некое зашифрованное сообщение о секретах личного совершенствования. Хэшан-гун разъясняет:

«Долина означает «питать». Тот, кто умеет питать свои ду-

ховные силы, никогда не умрет. Дух означает духовные силы внутренних органов. «Сокровенная» означает Небо в человеке: это соответствует носу. «Прародительница» означает Землю в человеке: это соответствует рту. Небо питает человека посредством пяти видов энергии, которые входят через нос и достигают сердца. Эти пять видов энергии порождают дух и семя, зрение и слух и внутренние органы. Земля питает человека посредством пяти вкусов, которые входят через рот и достигают живота. Они порождают телесный облик и скелет, кости и плоть, кровь и лимфу, а также чувства. Вдохи и выдохи, осуществляемые через нос и рот, должны быть плавными и не должны прерываться».

Небо вечно, Земля неизбывна. Небо и Земля вечны и неизбывны потому, Что не существуют для себя. Вот почему они могут быть вечны и неизбывны.

Оттого премудрый человек ставит себя позади, а оказывается впереди;

Не заботится о себе — и умеет себя сберечь. Не желает ничего для себя — Не потому ли имеет все, что ему нужно?

> Высшая, и самая надежная, мудрость Лао-цзы – в том, чтобы уподобить себя Небу и Земле, то есть предельной цельности и беспристрастности «мира в целом». Но эта предельная цельность есть не просто космос или «мироздание», но – Великая Пустота, «постоянное не-наличие», бесконечное само-различение, вездесущая щель бытия, в которой осуществляется круговорот бытийственности сущего, уход сущего от себя к себе и которая поэтому вмещает в себя всю бездну времен. Обычно люди стараются побольше успеть, побольше прибрать к себе. Им приходится не идти, а поистине, бежать по жизни, и им кажется, что стоит им остановиться, как все в их жизни рухнет. Они сами создали свои проблемы. Человек Дао идет «обратным» путем: для него получить – значит отдать, обрести себя – значит потерять себя, жить вечно – значит вечно отсутствовать. В даосском идеале самоуподобления мудрого «Небу и Земле» нет ни грана расслабляющего благодушия, в нем содержится властное тре-

бование превзойти себя, пойти против инерции бытия — и сполна себя осуществить! Мудрый правит миром или, лучше сказать, направляет мир потому, что бескорыстно служит ему. Отдавая себя миру, он приобретает больше, чем мир: он обретает свою подлинность. В круговороте Пути, в вечном не-возвращении Хаоса все существует «совместно», не образуя формального единства. Человек и Небо велики и живут наравне друг с другом не сами по себе, а в собственном пределе: подлинное бытие есть там, где... его нет.

Человек высшего блага подобен воде: Вода — благодетель всех вещей и ни с чем не борется, Скапливается в местах, которых люди сторонятся. Вот почему она близка Пути.

Жилищу благо — твердая основа, А сердцу благо — бездонная глубина. Общению благо — радушие. Словам благо — доверие. Правителю благо — порядок. Работе благо — умение. Деянию благо — своевременность.

Никогда не вступай в борьбу – и не потерпишь ущерба.

Воистину побеждает тот, кто умеет уступать. Китайская мудрость учит, что тот, кто сделает шаг назад, продвинется на два шага вперед. Уподобление Великого Пути и его премудрости воде — один из самых примечательных мотивов «Дао-Дэ цзина», ведь вода не имеет собственной формы, бесконечно уступчива и подвижна без усилий, но питает все живое и заполняет всякое пространство. Вот лучшая иллюстрация силы, обретаемой в видимом бессилии. Согласно традиционной формуле, она порождается «Небесным единством» и в соединении с Огнем творит все метаморфозы.

Но водный поток течет далеко. Как говорили в Китае, «вода навевает думы об отделенном...» Размышление о воде помогает

постичь то, что пребывает по ту сторону ощущаемого и мыслимого и вечнопреемственно в своей текучести. В своей жизни мы должны иметь прочную основу. И чем ниже эта опора, тем она прочнее. Хотя латинская поговорка гласит: «Кто ясно мыслит, ясно излагает». человеческому уму, тем более уму китайскому, угодна глубина несказанного и немыслимого, а речь осмысленная всегда иносказательна. Оттого же человеческая речь ценна не красотами слога. а доверием, которое внушает говорящий: доверием, которое проистекает из чувства причастности к глубине смысла, хранимого в словах. Чтобы постичь смысл, говорил даосский мудрец Чжуан-цзы, нужно «забыть слова». Поистине, всякая вещь в мире обретает свое основание не в том, чем она является сама по себе. Подобная «метафизика» служит у Лао-цзы оправданию жизни, «как она есть», во всем ее обыденном величии. Лао-цзы при всех его «отрицаниях» – не нигилист, он безусловно доверяет жизни и даже самой простой, обыденной жизни, потому что прозревает в ней бесконечное. Подлинным источником авторитета является то, что никогда не дано, не предъявлено, но всегда остается за кадром наличной ситуации. Что никогда не есть, но вечно остается. Этим нельзя манипулировать, этому можно только открыться.

Мудрый завоевывает доверие людей и, более того, воистину защищает себя своей безусловной открытостью миру. Это он, скрытный и неприметный, живущий в стороне от толпы, погруженный в житейскую обыденность незаметно наполняет жизнь людей теплотой бдящего и понимающего сердца. Он всегда поступает вовремя и уместно, ибо только тот, кто умеет быть целым, знает цену всего частного. А в жизни вообще-то ценно только уникальное, в ней всякое событие имеет собственную меру. Правила и нормы — ловушки для дураков, война — соблазн для слабоумных.

Чем держать чашу, наполненную до краев, Лучше вовремя остановиться.

Кто хочет точить лезвие до самого предела, Ненадолго добьется желаемого.

Когда яшмой и золотом набит дом, Невозможно их уберечь. Кто кичится богатством и знатностью, Навлечет на себя беду.

Подвиг сверши, а сам отойди — Вот Путь Небесный.

Поистине, лучшее — враг хорошего. А перфекционизм, во-первых, привязывает человека к тому, что тот сумел совершить, делает его рабом собственных успехов и, во-вторых, так или иначе грозит ему большими неприятностями в мире, пронизанном соперничеством, завистью и злобой. Вообще говоря, стремление к совершенству от природы присуще людям, и отказываться от него равносильно нравственному самоубийству, но только тот извлечет из него пользу, кто поймет, что настоящий результат совершенствования есть внутреннее удовлетворение, открытие незыблемой опоры своей жизни в самом себе, а не в пустых понятиях света. Жить славой — значит губить себя. Истинное совершенство не требует совершенствования. Даосская мудрость учит жить просто живостью жизни. И это означает: не бежать вперед, а вновь

и вновь возвращаться к всегда уже заданной, внутренней полноте своего бытия. Небесный Путь противоположен людским путям, но как раз по этой причине не противостоит им. Просто, в отличие от решительно всех человеческих занятий, он дарит безмятежный покой и отдохновение. Вся глава служит иллюстрацией к максиме Лао-цзы: «Обратное движение — действие Пути».

Пестуй душевное чутье, обнимай Единое: Можешь не терять его?

Сосредоточь дух, достигни высшей мягкости: Можешь быть как младенец?

Очищай сокровенное зеркало: Можешь убрать все препоны видению?

Люби народ, блюди порядок в царстве: Можешь претворить недеяние?

Небесные врата отворяются и затворяются: Можешь женственным быть?

Внимай всем четырем пределам: Можешь обойтись без знания?

Порождает и вскармливает, Все рождает и ничем не обладает. Всему поспешествует, а не ищет в том опоры, Всех старше, а ничем не повелевает: Вот что зовется сокровенным совершенством.

Глава написана как будто намеренно туманным, иносказательным языком, предоставляющим читателю свободу догадываться о кон-

кретном значении упоминаемых в ней образов. Пожалуй, в ней зафиксированы главные установки даосской медитативной практики, но без опьяненности «технологиями освобождения» и «измененными формами сознания» столь частой в современной литературе. Правда духовного опыта выражается в ней единственно возможным, истинно целомудренным способом — посредством многозначительных недомолвок. Но в них нет никакой нарочитой усложненности: секрет даосского прозрения – умение видеть мир, как он есть в его первозданной цельности. В даосской традиции тема этой главы определялась как «способность свершить». Созерцание в действительности и есть свершение, и единственной преградой для созерцания себя является... самое сознание! Возможно, употребленные здесь метафоры не составляли загадки для первых читателей «Дао-Дэ цзина» – в конце концов, речь идет о конкретных, непосредственно переживаемых плодах духовной практики. У этих плодов свои законы: загадочные метафоры могут скрывать несомненную внутреннюю ясность, легко узнаваемое качество духовного состояния. Есть у этих законов и своя высшая закономерность: правда самовосполнения, или самовозрастания духа, не подверженного причинно-следственным связям.

Всякое совершенствование предполагает достижение абсолютной, всегда не-данной, только *грядущей* полноты жизненного опыта, в котором внутреннее и внешнее, субъективное и объективное сходятся в «сокровенном» единстве, и бытие становится бытийствованием, обретает качество *вечнопреемственности* или даже, точнее, наследования вечноотсутствующего. Такая цель достигается только уступлением; она предполагает способность «все вмещать, но ничем не владеть», жить предустановленным. Поэтому она дарит способность *предвосхищать* все сущее и притом оставаться неприметным, не вызывающим неприязни или зависти у окружающих. Счастливые качества! Они, конечно, присущи ясному зеркалу, так что просветленное сердце становится, поистине, *волшебным* зеркалом мироздания. Предваряя, предвосхищая мир, оно не просто

отражает вещи, но высвечивает их, в известном смысле — создает их. Где вещи, а где их отражения? Мудрый может быть Царем мира именно потому, что на этот вопрос невозможно ответить. По той же причине он направляет ход событий, не пытаясь воздействовать на них. Вот почему после упоминания о «сокровенном зеркале» речь заходит об управлении государством, и все последующие строки китайские комментаторы толкуют как максимы политической мудрости. Некоторые исследователи считают их позднейшей вставкой. С этим мнением трудно согласиться. Но оно показывает, как трудно порой распознать связующую нить в суждениях даосского патриарха.

Тридцать спиц колеса сходятся в одной ступице, А польза от колеса в том, что в ступице нет ничего. Лепят из глины сосуд, А польза от сосуда в том, что внутри него нет ничего. Пробивают окна и двери, чтобы сделать дом: А польза от дома там, где дома нет.

Поистине:

То, что имеешь, приносит выгоду. А то, чего не имеешь, приносит пользу.

> Важная тема даосизма: «полезность бесполезного». Все предметное держится всеобщностью беспредметного, и полнота бытия заявляет о себе через лакуны в опыте и предел всякой «данности». В очередной раз Лао-цзы находит яркие и точные образы для иллюстрации своей излюбленной мысли о нераздельности всеобщего и уникального, единого и единичного. Нераздельности деятельной, удостоверяемой самим способом существования вещей. Но польза выше выгоды: первая не прейдет вовек, вторая сиюминутна и ограниченна, держаться за нее недостойно мудрого. Великую же Пользу Пути способен извлечь только тот, кто умеет удержать бытие в его цельности, не повелевая вещами. Поистине, сосуд содержит в себе нечто благодаря своему отсутствию как вещи. Великая польза проистекает из предоставления всему свободы быть, вечно распространяющегося пространства жизненного роста, подчиняющегося все тому же закону духовной реальности: чем больше отдашь, опустошишь себя, тем более великим станешь.

От пяти цветов у людей слепнут глаза.
От пяти звуков у людей глохнут уши.
От пяти ароматов люди не чувствуют вкуса.
Тот, кто гонится во весь опор за добычей, теряет голову.
Редкостные товары портят людские нравы.
Вот почему премудрый человек
Служит утробе и не служит глазам
И потому отвергает то и берет это.

Лао-цзы – в своем роде очень строгий моралист. Он требует осознать, что наши вожделения есть просто безумие или ведут к безумию, потому что они соотносятся со спроецированным нами на самих себя и потому, в сущности, иллюзорным «я». Этот фантом исполнен гордыни, тщеславия и... неугасимого беспокойства. В той мере, в какой мы отождествляем себя с ним, мы забываем о подлинном в себе – о том, что служит в нашей жизни источником покоя и безмятежной радости. И надо помнить, что наше тело, наша «утроба» ничего в особенности не хочет. Живет – символ нашей самодостаточности, нашей прочной основы в жизни и того, что нам действительно необходимо. Что же касается наших желаний, то их на самом деле порождает наш ум. Покой доступен каждому в каждое мгновение его жизни: нужно только перестать относиться к себе как к кому-то «чужому» и просто быть собой или, если угодно, позволить себе быть... Премудрый имеет «постоянное знание», которое есть «внутренняя просветленность» (см. гл. 55).

Милость позорит: ее остерегайся. Беду же цени как себя самого.

Что значит «милость позорит: ее остерегайся»? Милость для нас — униженье. Бойся, когда ее получаешь, Бойся, когда ее теряешь. Вот что значит «милость позорит: ее остерегайся».

Что значит «цени беду как себя самого»? Моя беда в том, что У меня есть «я». Коли не будет моего «я», откуда взяться беде?

Поистине: тому, кто ценит себя больше мира, Можно вверить весь мир. Тому, кто любит себя, как мир, Можно вручить весь мир.

Мудрость учит не полагаться на внешнее, ибо все внешнее — призрачно. Это не значит, конечно, что мудрый живет в шизофренической отрешенности от мира. Напротив, внутреннее прозрение, о котором толкует Лао-цзы, снимает ложное противопоставление своего «я» и мира, а вместе с тем — бремя субъективного существования. По этой же причине такое прозрение в высшей степени практично. Лао-цзы с поразительной последовательностью

продолжает свою нить *счастливых* парадоксов: чем меньше мы думаем о себе, тем больше живем воистину и тем большего достигаем в мире; мы должны считать наше существование великим несчастьем, и такое отношение к себе принесет нам великое счастье. Хотя бы потому, что тот, кто действительно избавился от зуда властвования, без усилий приобретет власть, ведь источник власти — сама свобода. Самая простая и самая труднодостижимая истина: чтобы быть совершенным, нужно решиться *не* быть. Мудрость Лао-цзы — не секрет личного совершенства и не секрет властвования в мире. Она есть секрет нераздельности того и другого. Как выразился средневековый комментатор Ван Юаньцзэ, «Вся тьма вещей и я составляем одно, и тогда воцаряется сокровенное единство с Путем».

Смотрю на него и не вижу: называю его глубочайшим. Вслушиваюсь в него и не слышу: называю его тишайшим. Касаюсь его и не могу схватить: называю его мельчайшим. Эти три невозможно определить, Посему я смешиваю их и рассматриваю как одно.

[Это одно] вверху не светло, внизу не темно,
Тянется без конца и без края, нельзя дать ему имя.
И вновь возвращается туда, где нет вещей.
Сие зовется бесформенной формой, невещественным образом,
Сие зовется туманным и смутным.
Встречаешь его — не видишь его главы,
Провожаешь его — не видишь его спины.

Держаться Пути древних, Чтобы повелевать ныне сущим, И знать Первозданное Начало — Вот что такое основная нить Пути.

Перед нами очередная попытка передать в словах — по необходимости иносказательных и туманных, даже нарочито невнятных — неизъяснимый опыт вселенской сообщительности; который возвышает познающего над его частным «я» и укореняет сознание в безбрежности пространства и в бездонной глуби времен, оставаясь, разумеется, всецело конкретным и неотделимым от человеческой индивидуальности. Этот опыт выражен в формуле: «Путь

все пронизывает одним» и засвидетельствован «глубоким безмолвием» мудреца. Здесь же он обозначен рядом примечательных образов, которые в совокупности позволяют с немалой долей уверенности судить о мировосприятии Лао-цзы. Среди них понятия «бесформенной формы» и «невещественного образа» напоминают о том, что учение Лао-цзы не знает метафизического разделения мира на преходящие вещи и неизменные идеи: притом что эмпирическим и умозрительным различиям предшествуют различия символические, не поддающиеся определениям и потому неотделимые от нашего опыта. Премудрый человек, понимающий эти тонкости, владеет секретом безупречно действенного действия. Он погружен в «незнание» реальной деятельности (именно положительное незнание равнозначное точной соотнесенности с мировым Все) и потому способен управлять этим вечно волнующимся миром (точнее: выправлять мир и направлять его), воплошая собой незыблемый покой посреди волн житейского океана.

Те, кто в древности претворяли Путь, Достигали утонченности в мельчайшем, сообщительности в сокровенном. Столь глубоки они были, что нельзя их познать.

Оттого, что нельзя о них знать,
Облик их могу лишь условно описать:
Робкие! Словно переходят реку в зимнюю пору.
Скрытные! Словно остерегаются соседей.
Сдержанные! Словно находятся в гостях.
Податливые! Словно лед тает на солнце.
Безыскусные! Словно Первозданное Древо.
Все вмещают в себя, словно широкая долина.
Все вбирают в себя, словно мутные воды.

Если мутной воде дать отстояться, она станет чистой. А то, что долго покоилось, постепенно сможет ожить.

Кто хранит этот Путь, не стремится к пресыщенью. Не пресыщаясь, он лелеет прошедшее и не ищет новых свершений.

«Проявление совершенства» — так обозначена тема этой главы в даосской традиции. Казалось бы, странный заголовок для пассажа, расточающего похвалы скрытности, неприметности, уступчивости, даже как бы *стертости* облика мудреца, который, как го-

ворили древние даосы, живет «погребенным среди людей». Да, мудрость Лао-цзы недоступна для ума поверхностного и торопливого, вечно поглощенного собой, своими желаниями и болячками. Она требует углубленности, покоя и превыше всего утонченной чувствительности духа. Извечная апория морали: чем больше мы отличаемся от мира, тем больше принадлежим ему. Эту апорию нельзя разрешить, как нынче говорят, «дискурсивным» знанием. Люди не знают, за что любят друг друга, а если бы знали. то не любили бы. Даже на поверхности жизни их объединяют не идеи и понятия, а простой факт телесного соприсутствия в мире, который начинается с тождественности нашего чувственного восприятия. «Слушает ушами и видит глазами народа», – говорили о мудреце в Китае. Мы лучше ошущаем свое единство за совместной трапезой, чем на научных собраниях. Но и такое единство еще далеко не все. Его предваряет и делает возможным сообщительность бодоствующего сознания. живущего предельной конкретностью опыта, ее бездонной глубиной. Жить этой исконной сообщительностью душ и значит быть по-настоящему человечным. И, следовательно, быть совсем непохожим на массу. Тот, кто воистину любит людей, не может не скрывать свою любовь. - хотя бы для того, чтобы не сделать ее предметом «спекуляций». Описание «мужей Пути» по стилистике и пафосу представляет в известном смысле традиционный даосский жанр. Очень похожий пассаж о «настоящих людях древности» мы встречаем в гл. 6 другого древнего даосского канона – «Чжуан-цзы». И в обоих случаях можно лишь условно, предположительно передать по-русски смысл определений, которые прилагаются авторами этих текстов к подвижникам Пути. Ведь их подлинная жизнь – внутренняя и, главное, неимоверно тщательно переживаемая.

Одно простое следствие из сказанного здесь применительно к политической сфере гласит: власть дается не званиями и полномочиями, а авторитетом и притом негласным, сердцем принимаемым. И эта истинная власть осуществляется не принуждением,

а благодатным влиянием. Авторитет имеет свои внутренние корни: он приходит только к тому, кто умеет превозмочь себялюбие и овладеть секретом чистой сообщительности людских сердец. благодаря которой только и становится возможной гармония в обшестве. Власть по определению публична, но, как знал еще Гегель, ее исток находится в «потустороннем» и, значит, в подлинной любви. Тот, кто хочет публичного признания, должен научиться быть незаметным. И высшая награда мудрой жизни – способность без пресыщения наслаждаться просто нажитым или, как говорит Лао-цзы, «накопленным без накопления»: старой дружбой, старыми, ставшими родными вещами, знакомым с детства пейзажем. Ведь и в любимом человеке или в любимом предмете нам дорого и отсутствие броскости, даже несовершенство. Как хорошо понимали китайские знатоки, «щербинка на благородной яшме вызывает прилив чувств». Лао-цзы проповедует не холодное равнодушие отрешенного «мудреца», а, напротив, правду мгновенного сопереживания или, если угодно, сознательное переживание каждого мгновения жизни, наполненное бездонным смыслом. Он восхищен бездной любви.

Достигай предела пустоты. Блюди покой неотступно. Все вещи в мире возникают совместно, Я так прозреваю в них возврат.

Вещи являются в великом разнообразии,
И каждая возвращается к своему корню.
Возвращение к корню — это покой,
Покой — это возвращение к судьбе.
Возвращение к судьбе — это постоянство,
Знание постоянства — это просветленность,
А не знать постоянства — значит навлечь на себя пагубу.

Кто знает постоянство, тот все вместит в себя; Кто все вместит в себя, тот беспристрастен. Кто беспристрастен, тот царствен, Кто царствен, тот подобен Небу. Кто подобен Небу, тот претворяет Путь. Кто претворяет Путь, Тот пребудет долго И, даже лишившись себя, не погибнет.

Путь Лао-цзы потому и велик, что, пребывая в нем, никуда не идут, но «хранят срединность» и потому каждое мгновение возвращаются к истоку (название данной главы в даосской традиции). Воис-

тину пребывает вне мира тот, кто без остатка в мир погружен. Нет ничего кроме радужных отблесков реальности. Человек живет отсветом своего духовного света, почившем на других. Он становится собой, когда не живет для себя и «уподобляется праху», являя миру тень, декорум непоколебимого покоя. Путь Лао-цзы безумен или, скорее, совершенно безумственен: он есть чистое различение как повторение неповторяющегося, промельк бездны бытия. неуклонное самоуклонение, невозвращение к себе вечно изменчивого Хаоса и, следовательно, чистая аффективность опыта, сама бытийственность бытия. Мудрый живет так, как живет сообразно принципу: «в горе нет горы, в водах нет вод...» и т.д. Но он не удваивает жизнь и не подавляет ее теориями, моделями и прочими идеальными конструкциями. Его секрет – знание пустотности всех вещей – реальности деятельной и жизненно полезной. «Дойти до предела», согласно Лао-цзы, – значит уйти от всякой идеи и представления. даже от идеи пустоты и покоя и прийти к заданности жизни, воплотив собою незыблемый покой в мятущемся океане перемен. Чистая имманентность, она же «таковость» существования бесконечно превосходит все данное, но не отделена от предметности существования. Ее великая упокоенность неотличима от стихии повседневности, хотя и не совпадает с ней. Она полна всем, чем «богат мир», но не сводится к вещам. В подлинном покое нет ничего покоящегося. В бесконечности взаимоотражений зеркала просветленного духа ничто ни в чем не отражается. Поистине, освобождаясь от бремени вещей, мы возвращаемся к жизни «как она есть» — величественной и таинственной в своем вечнотекучем постоянстве. А общепринятые формы жизни – просто временное, даже случайное и, тем не менее, радостное пристанище в духовном странствии. Как сказал один старый китайский писатель, «этот хрупкий сосуд — наше самое надежное убежище в океане жизни».

С наивысшими было так: низы знали, что они есть. Ниже стояли те, кого все любили и прославляли. Еще ниже стояли те, кого боялись, А ниже всех — те, кого презирали. Тому, в ком нет достаточно доверия, не будет и доверия других.

Бдительный! Слова бережет. Добьется успеха, сделает дело, А люди говорят: «У нас это получилось само собой».

Прежде чем «пользоваться властью» всегда полезно задуматься над тем, из чего происходит власть. Исток же власти — нечто совсем иное, нежели «властные функции». Чжуан-цзы говорил, что истинный правитель «предоставляет мир самому себе». Ницше заметил, что «настоящая власть, как все хорошее на земле, упраздняет себя». Эти афоризмы не об отсутствии власти, а о ее действии. Власть не может воздействовать на общество насилием хотя бы потому, что исток общественности — чистая сообщительность человеческих сердец — лежит по ту сторону всех общественных «форм» и «организаций». Как утверждали даосы, власть, чтобы воистину влиять на людей, должна быть «забыта», и люди должны чувствовать, что живут «сами по себе», без постороннего вмешательства. Вот единственное условие сильного государства и здорового общества.

Гениальное суждение Лао-цзы в первой строке наводит на мысль, что «чувство власти» врожденно сознанию, и поэтому власть наиболее прочна и эффективна как раз тогда, когда люди

предоставлены своему инстинкту предстояния перед чем-то великим и могущественным, не испытывая гнета внешних сил. Вопрос в том, найдутся ли политики настолько разумные, чтобы всерьез думать об этом и руководствоваться наставлениями даосских учителей? Но люди и без поучений знают, что, коли они живы, не может не быть того, кто предоставил им пространство жизненного роста и что жить воистину — значит «оставлять себя» в соработничестве с этим великим благодетелем. Поэтому первую строку в этой главе следует понимать в сильном смысле: все точно знают, что мудрый правитель существует именно потому, что его не видно.

Запомним же эти ступени совершенства и деградации власти, соответствующие отношению подданных к тем, кто ими правит: безмолвное восхищение, любовь, страх, презрение.

Когда Великий Путь в упадке, приходят «человечность» и «долг». Когда есть суета и многознайство, приходит великая ложь. Когда средь родичей согласия нет, приходят покорность и любовь. Когда государство во мраке и в смуте, приходят «честные подданные».

Еще одна простая и колючая истина: любая попытка завести разговор о понятиях отрывает нас от действительности и порождает «Великую ложь» — великую, надо полагать, потому, что ложь эта вездесущая и неустранимая, но... незаметная именно потому, что вечно старается доказать свою истинность. Но правильно заметил один христианский подвижник: истина не нуждается в доказательствах, они даже оскорбляют ее. Великой лжи противостоит не менее великая правда – правда безграничной гармонии, которая коренится в «центрированности» живого опыта и проявляется спонтанно, в неповторимом стечении обстоятельств. Остальное – людоедство. Эта правда непроизвольно осуществляющейся нравственности, разумеется, не отрицает морали и даже не требует полагать, что моральные нормы — это только выдумка и преднамеренный обман. Согласно Лао-цзы, ирония «достижений цивилизации» состоит в том, что проповедь добра и рассуждения о духовности точно указывают, чего лишилось общество (но всегда хранит в себе великий и вечный поток жизни).

Устраните «мудрость», отбросьте «разумность», И польза людям будет стократная. Устраните «человечность», отбросьте «справедливость», И люди вернутся к почтению и любви. Устраните ловкость, отрешитесь от выгоды, И не станет ни воров, ни разбойников.

Три этих суждения не открывают полноты истины, Посему добавлю кое-что к сему относящееся: Будь безыскусен, храни первозданную цельность; Не будь столь себялюбив, сдерживай желания.

Еще один пассаж с критикой отвлеченных моральных норм, обращенной, надо полагать, к последователям Конфуция и Мо-цзы. Но при всей своей нелюбви к прописной морали Лао-цзы в действительности большой моралист. Говоря современным языком, основоположник даосизма предлагает радикальную критику морали, которая призвана выявить бытийные корни нравственности, примирить нравственность с жизнью. Задача, надо сказать, присущая всей китайской мысли. Для него отказаться от одного — значит с неизбежностью принять другое. Тот, кто познал тщету людских мнений, открывает правду в самом себе. И наоборот: отвернувшийся от подлинного в жизни неизбежно угодит в плен иллюзий света. Требования Лао-цзы очень строги и даже невыносимы для ленивого и развращенного ума. Но они столь же последовательны и разумны, потому что совершенно естественны. В них нет нигилизма: как указывает даосский наставник Цао Синьи, отрицание абстрактных ценностей и связанного с ним субъективного «я» сопровождается раскрытием и даже, точнее, самораскрытием в каждом человеке его «подлинного облика».

Отбрось ученость — и не будет печалей. «Конечно!» и «Ладно!» — далеки ль друг от друга? Красота и уродство — чем одно отличается от другого?

Страхи людские — не страшиться их невозможно. Как далеко ведут они! Не достать их дна!

Все вокруг веселятся

Словно празднуют великую жертву или восходят на башню весной.

Я один покоен, ничем не выдаю себя,

как младенец, не умеющий улыбаться.

Бессильно влачащийся путник – и некуда возвращаться!

Все вокруг имеют в избытке,

Я один как будто лишен всего.

У меня сердце глупца – смутное, безыскусное!

Обыкновенные люди так скоры на суд,

Я один пребываю в неведении.

Обыкновенные люди судят так тщательно,

Я один отрешен и бездумен.

Покоен в волнении! Словно великое море.

Мчусь привольно! Словно нет мне пристанища.

У обыкновенных людей на все есть причина,

Я один прост и прям, словно неуч.

Я один не таков, как другие,

Потому что умею кормиться от Матери.

Тот, кто хочет идти великим путем, должен первым делом забыть об условностях, прививаемых воспитанием и ученостью. Мы понимаем собеседника и без книжных мудрований. Нет ничего глупее, чем ученый спор о понятиях. Не нужно уподобляться людям. которые, не умея играть на музыкальных инструментах, спорят о том, кто из них лучший музыкант, показывая друг другу ноты. Во всем даосском каноне не сказано так откровенно и с такой пронзительной силой, как здесь, что «претворение Пути», которому учили Лао-цзы и его последователи, требует особой решимости: решимости выбрать внутреннюю правду жизни. Даосский мудрец может казаться со стороны совсем обычным, даже неприметным человеком, ибо он все превозмогает и самый свой покой «помещает» в движение. Но он – «не таков, как другие». И вовсе не потому, что хочет блеснуть оригинальностью. Просто он живет самой бытийственностью бытия и, значит, исключительными, неповторимыми качествами существования.

Мудрец Лао-цзы ищет опору не в зыбких и обманчивых мнениях света, а во внутреннем самосвидетельствовании духа, в откровении полноты бытия. Как сказано в даосском трактате «Гуань Инь-цзы», «В том, что мудрый говорит, делает и мыслит, он не отличается от обыкновенных людей. А в том, что мудрый не говорит, не делает и не мыслит, он отличается от обыкновенных людей».

Удел «человека Пути» — великое, абсолютное одиночество. Не может не быть одинок тот немыслимый и невероятный человек, кто вместил в себя всю бездну времени и пространства. Ошибаются те, кто видят в этом пассаже образец лирической исповеди. Перед нами бесстрастное и почти со школярской педантичностью запечатленное свидетельство внутренней реальности опыта, которая может открыться духовному видению. И эта подлинность существования дана нам как матерь-матрица бытия, которая сама «не есть», но все предвосхищает. Даос ищет знаний не в мраморных залах Академии, а у материнской груди кормилицы-жизни.

Сила всеобъятного совершенства исходит единственно от Пути. Путь же вещих так сокровенен, так смутен! Смутное! Сокровенное! А в нем есть образы! Сокровенное! Смутное! А в нем есть нечто! Потаенное! Незримое! А в нем есть семена. Эти семена воистину действительны! Они вселяют доверие.

С древности и поныне имя его не преходит, Так можем следовать владыке многих. Откуда я знаю, что владыка многих таков? Благодаря этому.

Даосских философов часто упрекают в скептицизме и релятивизме. Упрек несправедливый, коль скоро человек Пути имеет самоочевидные критерии истинности. В этой главе с виду путано и загадочно, а на самом деле очень последовательно и точно Лао-цзы раскрывает содержание своего внутреннего опыта — по сути символического и потому непереводимого на общепонятный язык предметов и идей, не имеющего в себе ничего субъективного, знаменующего путь «опустошения сердца». Лао-цзы пользуется продуманной, четко обозначающей свойства духовной реальности терминологией, которая фиксирует ступени духовного совершенства или, если угодно, пробуждения. Позднее даосские наставники вывели из этих терминов подробные рекомендации, касающиеся медитативной практики. Поняв Лао-цзы буквально, подыскав его символическим речениям предметное содержание, они вывели из его книги определенную доктрину

и увидели в ней некую техническую инструкцию. В действительности в оригинальном тексте очень органично сплетены метафизика, мистика и общественная практика. Если читать этот пассаж как метафизическое откровение, то мы имеем дело со свидетельством абсолютного Присутствия. Эту реальность нельзя знать, ею нельзя владеть и пользоваться. Этому предвечному истоку всех метаморфоз мира можно позволить использовать себя, а самому – наследовать и «быть вблизи» него. Но именно опыт совместности, состояния несопоставимого удостоверяет реальность нашего существования, нашу бытийственную состоятельность. Эта философия «самопревращения» утверждает спонтанное. внедиалектическое совпадение-расхождение противоположностей. Предельная неопределенность нашего знания дает предельную уверенность в подлинности нашего опыта. Мудрый во всем видит одну истину – предельно конкретную. Недаром Лао-цзы называет ее просто это. Чистая актуальность опыта и есть лучшее свидетельство истины. В ней еще нет ни объективного, ни субъективного миров, а только вселенская «срединность» эмоционально окрашенной среды («в Пути есть чувство...»). В этой среде всеобщей сообщительности мы знаем без знания, как младенец «понимает» мать и безотчетно доверяет ей, еще ничего о ней не зная. И наоборот: ясность инструментального знания заслоняет от нас то единственно правдивое, что есть в нашей жизни. В этом свойстве бесконечной ускользаемости Пути часто видят мистицизм, чуждый всякой общественности. Гораздо реже замечают, что именно это качество реальности оправдывает символизм человеческой культуры и делает осмысленным человеческое общение. Но речь идет не о предметах и сущностях, а о реальности именно сообщения, данного в модусе предвосхищения и памятования отсутствующего. Разговор ни о чем – самый правдивый в делах духа. «Семена» только *чреваты* предметным миром, но лишь грядущее доподлинно внушает доверие. В этом смысле, как уже говорилось, доказательства оскорбляют истину.

Что свернулось — уцелеет. Что согнулось — расправится. Что опустело — наполнится. Что обветшало, обретет новую жизнь.

Имеешь мало — будешь прочно владеть. Имеешь много — сам себя потеряешь.

Вот почему премудрый держит Единое И так становится пастырем мира.

Не имеет «своего взгляда» и потому просветлен.
Не имеет «своего мнения» и потому всем светит.
Не рвется вперед и потому имеет заслуги.
Не хвалит себя и потому живет долго.
Ни с кем не соперничает, и в целом мире ему нет соперника.

Поговорка древних: «свернувшийся уцелеет» — разве пустые слова? Быть воистину целым только такому дано.

Правда Лао-цзы, парадоксальным образом одновременно общая и очень особенная, принадлежит всем и «непригодна», даже безумна для мира. Она легко находит себе опору в народных пословицах, которые обнажают ограниченность и относительность всех понятий, но подтверждают общую для всех мудрость. Это, поистине, веселая мудрость, освобождающая от обязанности что-то

знать, да еще и заставлять других принимать это знание. Всегда полезно «выпасть» из рутины повседневности и перестать быть примечательным и привлекательным для мира. Начинаешь гораздо лучше видеть и понимать мир. Вот странная позиция даосского патриарха: скрыть свой лик за анонимной мудростью мира, но только для того, чтобы обнаружить в простых истинах несказанные, неисповедимые сокровища сердца. Тот, кто всерьез примет мудрость «малых сих», сможет, если не лишится смирения и настойчивости, дойти до последней истины, переворачивающей привычные представления. Он сможет открыть в житейской мудрости еще и родную себе, духовную глубину. Вот почему в конце главы говорится о различии между «целым» и «воистину целым».

«Прибыток в униженности» - гласит название этой главы в даосской традиции. Если единое и единичное совпадают, — а этим совпадением удостоверяется Великий Путь – то каждое понятие и опыт несут в себе свою противоположность. Между свернутостью и цельностью, убытком и прибытком на самом деле нет необходимости выбирать. Оттого же всеединство Пути не вмещается в понятия и остается вовек неприметным, «забытым». Мудрый избавляется от всего лишнего и сосредотачивается на одном. Он верен всеобъятности невыбора. Во всех обстоятельствах он «удерживает одно». В его образе жизни странным образом сходятся строгая дисциплина духа и неопределенность первозданного хаоса. В его поступках нет ничего условного, он сам устанавливает их меру и не ищет оправданий. Но почему, сам не желая того, он привлекает к себе всех людей? Не потому ли, что в своей полной естественности, даже неприметности он являет пример полной жизненной свободы, где таится сокровище сердца? Мы вообще более всего состоятельны именно тогда, когда меньше всего что-то изображаем из себя. Мы воздействуем на других ровно в той мере, в какой свободны от себялюбия. Более того, «согнутость» мудрого указывает на природу Пути как подлинно коммуникативного, культурного пространства, где идут вперед обходительно и называют вещи предупредительным образом. Мудрому в этом мире ничего не нужно, ибо он и мир — одно, и мудрый богат всем богатством мира. Он есть отблеск своего духовного света, лежащий на других. Им он и живет. Поистине, ему достаточно *одного* — того, что, как складчатость, свернутость осмысленной речи и поведения, проницает все пласты жизни до самого ее истока и доносит до всех правду сердца. Того, кто «живет одним», никогда не коснется лихорадка сопоставлений и суждений. Он предоставляет право судить и рядить ученым невеждам. Читатель же «Дао-Дэ цзина» не может не удивляться тому, как тесно сплетены в наставлениях Лао-цзы практическая мудрость, нравственное чувство и метафизические прозрения.

Неслышное веление – то, что таково само по себе.

Сильный ветер не продержится все утро.
Внезапный ливень не продержится весь день.
Кто создает их? Небо и Земля.
Даже Небу и Земле не сотворить ничего долговечного,
Тем менее сие доступно человеку!

Посему тот, кто предан Пути, един с Путем.
Тот, кто предан совершенству, един с Совершенством.
А тот, кто предан утрате, един с утратой.
Того, кто един с Путем, Путь тоже принимает.
Тому, кто един с Совершенством, Путь дает Совершенство.
А того, кто един с утратой, Путь тоже теряет.

Лишь тому, кто недостаточно доверяет другим, Тоже не будет доверия.

Лао-цзы развивает тему, намеченную в предыдущем речении. Власть над миром, говорит он, дается тому, кто способен безупречно держаться *одной истины*, устранив в себе все частные и преходящие чувства, представления, правила. Различие между духовной просветленностью и невежеством подобно контрасту между яростью — «вихрем» и «ливнем» — человеческого мира и неизбывного покоя Вечноотсутствующего. Мудрец пребывает в неуследимой точке равновесия безграничного и ограниченного,

непостижимым образом оправдывая то и другое. Он повелевает без слов и внушает доверие, ничего не обещая. Почему? Потому что он безупречно искренен в своем отношении к миру и принимает всех. Он знает, что каждый имеет тот мир, какой безотчетно хочет иметь и потому имеет свою радость. Его бытие есть сама событийность, предельная сообщительность сердец. Зачем же спорить? Зачем искать признания в свете? Мудрый правитель может «оставить в покое» мир именно потому, что общественная нравственность и общественный уклад не декретируются сверху, а вырастают из спонтанного взаимодействия людей, коренятся в неизъяснимой симпатии душ. В этом прикровенно-символическом пространстве «чудесных совпадений» нет ничего лишнего, ничего преждевременного и запоздалого. И все же, не будь осуществляемого мудрым сверхусилия пресуществления своего бытия в чистую событийность, реальность и наша «картина мира» не смогут сойтись. Самое поразительное открытие состоит в том, что предметность человеческих дел и чистая практика Пути не отличаются друг от друга. Как гласит китайская поговорка: «Когда осуществится путь человека, Путь Неба осуществится сам собой». В таком случае Путь и есть «неслышное повеление» человеческой жизни. Но чтобы принять это «сокровенное единство», требуется виртуозно настроенный духовный слух и в конечном счете – безупречное доверие к силе жизни в нас. Это значит, что от нас требуется великое смирение и терпение...

Кто встал на цыпочки, долго не простоит.

Кто широко шагает, далеко не уйдет.

Кто имеет свой взгляд, немногое поймет.

Кто имеет свою правду, немногих убедит.

Кто рвется вперед, славы не стяжает.

Кто радеет за себя, долго не проживет.

Для Пути это только «лишнее угощение, напрасное усердие».

Для людей это только повод для ненависти.

Посему претворяющий Путь такого не делает.

В мавандуйских списках данная глава помещена перед 22-й главой традиционной версии, с которой она, действительно, имеет много общего.

С удивительной изобретательностью и упорством Лао-цзы продолжает обличать главный порок и корень всех душевных болезней человечества — людское тщеславие. Тщеславие разрушает нас. «Мы силимся стать виртуозами, не замечая, что становимся только калеками» (Розанов). Тем более не желает современный человек замечать того, что природа — проста и не допускает ничего лишнего. Мы постоянно как бы смотрим на себя со стороны — обычно любящим взором, гораздо реже взглядом строгого судьи. Одним словом, люди вечно стараются угодить своему честолюбию, наполняя свою жизнь тщетой мыслей и чувств. Результаты такой жизни оказываются прямо противоположны нашим ожиданиям. Мы считаем это случайностью. Мы даже находим в этом доказательства собственного величия, которое, конечно же, мир неспособен оценить. Лао-цзы

напоминает, что горькие плоды себялюбия — неотвратимый закон, который кажется тем более суровым и невыносимым для себялюбцев, что не является волей богов, а заложен в самом Пути жизни. Но чтобы претворить этот закон, нужны упорство и последовательность. Отсюда традиционный заголовок этого речения: «С трудом добытая милость».

Есть нечто в безбрежной спутанности цельное, Прежде Неба и Земли возникшее. Покойное! Безбрежное! Само себе опора и не меняется. Растекается повсюду, нигде не застаивается.

Можно считать это Матерью Поднебесной.

Я не знаю, как его называть.

Давая ему прозвание, скажу: «Путь».

Если придется определить его, скажу: «Великий».

- «Великое» значит «всегда в движении»,
- «Всегда в движении» значит «удаляется без конца»,
- «Удаляется без конца» значит «возвращается».

Воистину:

Путь велик,

Небо велико,

Земля велика

И Царственный человек велик.

Во вселенной четыре великих, и Царственный человек –

один из них.

Человеку образец – Земля.

Земле образец – Небо.

Небу образец – Путь.

А Пути образец то, что таково само по себе.

Лао-цзы умудряется не без успеха сделать даже заведомо невозможное: описать мир как целое или, говоря словами традиционной формулы, «облечь в образ Изначальное». В неописуемом со-СТОЯНИИ ПОЛНОГО ПОКОЯ ПРИХОДИТ ИНТУИЦИЯ ЧЕГО-ТО «ПОДЛИННОГО» в опыте – того, что всему предшествует, но достигает полноты бытия даже прежде чем появляются зримые формы, ибо пребывает в непрерывном превращении. Это нечто есть чистое, вездесущее, не знающее меры саморазличение, стирающее все различия, но превосходящее всякое тождество, не имеющее идентичности, вечное движение от себя к себе, бесконечно малый и неуловимо быстрый круговорот в беспредельности пространственно-временного континуума. Такова природа «таковости» существования равнозначной абсолютному событию вне причины и следствия. Вот природа Великого Пути: чистый круговорот без протяженности и длительности. «действие адекватное вечности». которое устанавливает перспективу невидения. Такое действие есть движение по спирали, открывающее абсолютное иное в самом себе, небесное в человеческом.

В таковости как универсальном событии все сущее удостоверяет свое подобие себе. Истины в жизни, возможно, нет, но метафора истины безусловно есть. То, что, по-видимому свело с ума Ницше, — прозрение вечно возвращающегося Присутствия, «упрямого факта» бытийственности бытия, неизбежности реального даже в самой невероятной фантасмагории — для китайского мудреца есть норма, благодатная за-данность всякого опыта. Напомним: Лао-цзы проповедует покой среди вездесущего движения. В этом свете абсолютного самоподобия всего сущего человек у Лао-цзы в самом деле стоит наравне с Небом и Землей. И внятный ему круговорот безразличного различения обосновывает всеединство сущего как бесконечное богатство и цельность жизненных свойств. Следовательно, речь идет о мире подлинно человеческом и соразмерном безмерности человека — родном без пошлости и чарующем без чуждости.

Тяжелое — корень легкого.
Покой — господин подвижности.
Вот почему мудрец в странствиях своего дня
Не отходит от повозки, груженной добром.
Даже владея прекрасным дворцом,
Он сидит безмятежно и возносится над миром.

Как может господин тысяч колесниц Относиться к себе легкомысленнее, чем к царству?

Кто легкомыслен, тот лишится корня. Кто спешит, тот потеряет в себе господина.

Лао-цзы в высшей степени серьезен: он радеет о корне всех дел. Он знает, что покой — отец всех движений. Поистине, как сказал пророк, «не в поспешности Бог». Взращивание покоя — первая ступень на пути «сбережения основы» в даосской традиции. А хранить покой и не обременять себя мирскими заботами способен лишь тот, кто имеет центр тяжести внутри себя. Мудрец Лао-цзы всегда тяготеет к центрированности, то есть к своему средоточию. Это нам уже известно из предыдущих речений. Но здесь появляется новый важный мотив: только тот, кто в самом себе имеет незыблемую опору, способен все превозмочь и открыться зиянию бытия. Ибо духовная просветленность присутствует тогда, когда она отсутствует. Оттого же воистину способен обезопасить себя тот, кто не думает о своей безопасности и, следовательно, не отгораживается от мира.

Итак, в этой главе мы впервые встречаем внятное указание на трансцендентные качества подлинного существования. Мудрый должен «отбросить мир, как стоптанные туфли». Что важнее для путешественника: сохранность съестных припасов в дороге или уют постоялого двора? Что лучше для нас: беречь себя, храня в себе центрированность, или жить мирскими утехами? Даосский мудрец, конечно, выбирает первое, но он преодолевает мир, чтобы вернуться к себе, погрузиться в последнюю глубину жизненного опыта. Он «соответствует» каждой метаморфозе бытия именно потому, что вмещает в свое «пустотное» сознание весь мир. Оттого же он обретает безопасность «в собственных чертогах» (обратим внимание на эту загадочную фразу). Он становится сам себе крепостью, когда отбрасывает всякую защиту, предает себя опасности. Этот парадокс можно выразить с помощью игры смысла в соответствующем английском понятии: идеал Лао-цзы — это in-security. Даосская трансцендентность не утверждает какой-либо метафизической, идеальной реальности. Быть может, поэтому незыблемый покой мудреца, претворяющего Великий Путь, имеет у Лао-цзы чисто практический смысл: он служит подлинный источником власти и авторитета. И напротив, тот, кто живет волнениями света, даже обладая незаурядным умом и талантом, обречен на неудачу. Возможно, потому, что он с самого начала покорился миру. Одним словом, даосский мудрец забывает о мирских удовольствиях именно потому, что необыкновенно дорожит собой и своей жизнью. Он имеет власть над событиями мира, ибо умеет держать покой. Власть необходима и реальна, ибо проистекает из внутреннего совершенства.

Итак, подвижник Пути должен сделать так, чтобы его дух и жизненная энергия «вернулись к корню». А тот, кто не умеет блюсти баланс между «тяжелым» и «легким», неизбежно «потеряет слугу», а значит, не сможет быть и государем.

Умеющий ходить не оставляет следов.
Умеющий говорить никого не заденет словом.
Умеющий считать не берет в руки счеты.
Умеющий запирать не вешает засов,
а запертое им не отпереть.
Умеющий связывать не вяжет,
а связанное им не развязать.
Вот почему мудрец всегда спасает людей
и никому не отказывает.
Все восполняет и ничего не отвергает.
Сие зовется «сподобиться просветленности».

Посему добрый человек — учитель недоброму человеку, А недобрый человек — богатство доброго человека. Не чтить своего учителя, не любить своего богатства — Тут и недюжинный ум придет в замешательство.

Вот главное в утонченности.

Жизнь — это не гонки за призами. Мы чувствуем, что в ней есть некая бесконечно осмысленная вечнопреемственность. Вечность бескрайних пространств собрана в мгновении духовного озарения — совершенно спонтанном и естественном. Жизнь одновременно материальна и духовна и даже более того: вещественное и духовное сходится в ней по своему пределу. Вот почему умеющий связывать не нуждается в веревке, а умеющий охра-

нять не вешает замков. Очень хорошо сказал об этом Чжуанцзы: если мы сможем «спрятать мир в мире», нам не о чем будет беспокоиться.

Начальные афоризмы этой главы так красивы, что их часто цитируют, не обращая внимания на контекст. А он в данном случае примечателен, ибо речь идет о том, что можно назвать талантом и даже добродетелью учительства, поднимающегося до высоты чуткого, можно сказать, нежного отношения к бытию. До появления «имен», т.е. до кодификации явлений в культуре, сушествует лишь поток жизни на уровне «семян вещей», мир микрометаморфоз, которые исчезают прежде, чем обретут зримый образ. Умозрение ничего не может добавить к этой «вечно вьющейся нити» бытия. Мудрец живет этой силой сообщительности вещей до и помимо понимания и поэтому распространяет свое влияние совершенно спонтанно и незаметно – до того, как завяжутся узелки жизненных проблем. Поэтому он может обезопасить себя еще до того, как возникает необходимость что-то и кого-то защищать. Он потому и искусен, что действует чисто, не оставляя следов, но он не уклоняется от ответственности. Тот, кто поместил себя в «ось Пути», способен быть там, где его нет, и все в себя вмешать, не ведая обремененности. А все потому, что он проник в «полноту первородства» – в чистую, беспредметную актуальность, где быть, пребывать в уникальности момента – значит наследовать; где уже ничего нет и еще ничего нет. Более того, муж Пути способен спасти всех детей мира. Они или, точнее, их неведение – его богатство. Почему? Потому что он и сам живет незнанием. Жизнь вообще жительствует благодаря незнанию, одаряющему нас сокровищем веры. Пропасть между «изощренными в добре» и неопытными неустранима, но ее и не нужно устранять. Она даже является условием существования общества, ибо проистекает из врожденной ограниченности нашего сознания, а главное, позволяет нам стать по-настоящему добрыми, т.е. творящими добро незаметно для окружающих и без корысти.

Что же есть эта «сокровенная преемственность просветленного сознания»? Не что иное, как способность видеть вещи как они есть, т.е. такими, каковы они есть сами по себе. Нечто в высшей степени естественное, но требующее виртуозного искусства сообщительности сердец. Ибо «таковость» существования есть момент метаморфозы, самопреодоления, функциональность вещи. Благо Пути — это польза и успех, понимаемый как способность успеть что-то сделать. Премудрый имеет успех в общении с любым человеком, даже глупцом и злодеем. Секрет же его успеха есть смирение любви.

Знай свое мужское, но блюди свое женское: Станешь лоном Поднебесного мира. Если сподобишься быть лоном мира, Превечное Совершенство не оставит тебя. Будешь как новорожденный младенец.

Знай свое светлое, но блюди свое темное: Станешь образцом для Поднебесного мира. Если станешь образцом для мира, Превечное Совершенство не потерпит ущерба. Вернешься к Беспредельному.

Зная свою славу, но блюдя себя в умалении, Станешь долиной Поднебесного мира. Если сподобишься быть долиной мира, Превечное Совершенство будет в достатке. Будешь как Первозданное Древо.

Когда Первозданное Древо разрубят, появляются предметы. Премудрый, пользуясь этим, учреждает чины.

Но в великом порядке ничего не разделяется.

В очередной раз Лао-цзы предлагает задуматься над тем, как соотносятся между собой естество человека и понятия, прививаемые

ему обществом. И снова, причем вновь по-новому, с помощью собственных оригинальных образов, он развивает столь важную для него мысль о том, что не существует непреодолимого противоречия между самореализацией личности и жизнью в миру, человеческой общественностью. Мудрый следует всевмещающей пустоте, охватывая собой покой и движение, воздействие и отклик, знание и существование, обладание и необладание, мужское и женское. Поэтому он никакой, но он и всякий. Он свободен принимать мир, потому, что хранит в себе незыблемую основу — безосновную! — существования. Устраняя себя, он дает быть всему богатству разнообразия мира и сам событийствует с этим миром. Ибо воистину быть может лишь тот, кто может не быть.

Человек может выбирать между твердостью и мягкостью, натиском и уступлением, выражением и сокрытием, присутствием и отсутствием. Он даже может соединять, содержать в себе вовек несходные, несопоставимые мужское и женское начала. Эта точка высшего, но вечноотсутствующего равновесия внутреннего и внешнего измерений человеческой жизни превосходит как подчинение индивидуальности обществом, так и нигилистический бунт против цивилизации. Она есть символическая центрированность существования, которая предваряет, предопределяет все явления, но представляет собой «иное» всех видимых тенденций. Наставления этой главы словно разъясняют смысл принципа овладения «силой обстоятельств», или «потенциалом ситуации» (ши), лежащего в основе традиционной китайской стратегии. Такое знание является как бы СПОНТАННО, В МОМЕНТ ОТКРЫТИЯ «ПОДЛИННОСТИ» СВОЕГО СУЩЕСТВОВАния. Как говорили даосские учителя, «когда приходит время, дух сам знает».

Сущность беспредметной практики Пути в том, чтобы ограничивать ограничение и так выявлять безграничное. Мудрый не упраздняет различия в мире, но и не опирается на них, а просто «дает всему быть».

Когда кто-то хочет завладеть миром и управлять им силой, Я вижу, что он не добьется своей цели. Мир — божественный сосуд, нельзя обращаться с ним по своему произволу.

Кто правит им силой, тот его погубит; Кто держится за него, тот его лишится.

Среди вещей одни действуют, другие следуют, Одни излучают жар, другие источают холод, Одни сильны, другие слабы, Одни расцветают, другие клонятся к упадку.

Вот почему премудрый человек отвергает крайности, отвергает излишества, отвергает роскошь.

Мир — это какофония звуков и непостижимо сложный узор очень разных, часто откровенно противоречащих друг другу вещей. Но в этом хаосе едва угадывается некая глубинная гармония, это разнообразие не исключает некой высшей цельности. Лао-цзы развивает здесь свою любимую тему целостной практики и целостного видения мира. Для мудреца, который приникает к средоточию мирового круговорота и последней глубине опыта, всякое действие — крайность, всякое слово — лишнее. Вот лучшее предостережение всем реформаторам: тот, кто живет «сердцевиной» бытия не имеет точки опоры, чтобы перевернуть мир. Последнее столетие преподнесло человечеству один серьезный урок: невоз-

80 ЛАО-ЦЗЫ

можно уговорами или принуждением переделать кого бы то ни было. Действовать таким образом – наивность, быстро переходящая в преступление. Правление будет успешным только тогда, когда оно будет наследовать самой жизни. Мудрый (он же правитель) призван открыть сердце открытости бытия и вместить в себя мир. Самое же поразительное в даосском видении – это, пожалуй, то, что в пределе предметной деятельности человека, где работа уже неотличима от творчества и действие сливается с состоянием, труд, искусство и ритуал предстает как одно нераздельное целое, и это единство наглядно воплощается в ритуальных сосудах для жертвоприношения. Гармония и красота, вообще говоря, изначально врождены жизни, но они реальны и действенны «по случаю», «здесь и сейчас», а не благодаря каким-то формальным законам и нормам. Искусство жить означает умение видеть красоту единичного – неисчерпаемую, как само многообразие мира.

Такова даосская версия «органопроекции» человечества.

Тот, кто берет Путь в помощь господину людей, Не подчиняет мир силой оружия: Ибо сие навлечет скорое возмездие. Где стояло войско, там вырастут бурьян и колючки, Где прошла война, там будет голодный год.

Искусный [стратег] ценит только плод, И не пользуется случаем, чтобы стать сильнее. Одержав победу, не кичится; Одержав победу, не бахвалится; Одержав победу, не гордится. Он побеждает, словно поневоле. Он побеждает — и не показывает силу.

Кто накопил силу, тот быстро одряхлеет: Сие означает «противиться Пути». А кто противится Пути, тот быстро погибнет.

Даосский идеал бесстрастного мудреца и его «недеяния» позволяет радикально разрешить проблему войны, парадоксальным образом соединив последовательный пацифизм с эффективной военной стратегией. Мудрый не воюет и не соперничает уже потому, что насилие — вещь непродуктивная и имеющая массу нежелательных побочных эффектов. Даже в военном каноне Китая «Сунь-цзы» утверждается, что война — крайняя мера, которую следует применять, только если все прочие способы разрешения

конфликта исчерпаны или если она позволяет экономить государственные ресурсы. В любом случае война не может быть основой долгосрочной политической стратегии. Она должна быть молниеносной. А истинное «постоянство» мудрого правителя состоит в том. что он в своих действиех неизменно удостоверяет высшую целостность бытия. Он никому ничего не противопоставляет – он только следует неизмеримому круговороту всеединства, вечно (не)возвращающегося к себе. Он отступает – но только для того. чтобы преобразить поступательное движение в возвратное и тем самым вовлечь противника в предуготовленный поток событий. лишив его самостоятельной воли, подчинив его высшей гармонии. Напротив, всякое произвольное и насильственное, противоречащее этому великому потоку действие по определению обречено на неудачу. Одним словом, быть-с-миром – это и способ наставлять людей, и само наставление, и секрет успеха в мире. Таков смысл китайского понятия «добродетели» как силы безотчетного единения людей. Он лежит, помимо прочего, в основе традиционной военной стратегии Китая и всей системы личного совершенствования посредством боевых искусств. Эту истину можно, без преувеличения, назвать одним из самых глубоких прозрений, выработанных китайской традицией.

Доброе оружие! Вот зловещее орудие! Многим вещам оно ненавистно, И тот, кто имеет Путь, его не держит.

Благой государь в своем доме чтит левое, А, идя войной, чтит правое.

Оружие — зловещее орудие, а не предмет благородного мужа, Применяют его, только если к тому принудят, И применять его лучше сдержанно и бесстрастно.

Одержав победу, не гордись содеянным, Кто гордится победой, тот радуется убийству. А кто рад убийству, тот не преуспеет в мире.

В счастливых событиях ценится левое, В несчастных событиях ценится правое. Младший полководец стоит слева, Старший полководец стоит справа: Значит, они стоят как на похоронах.

На убийство множества людей откликайтесь скорбным плачем, Победу на войне отмечайте траурным обрядом.

ждением жестокостей войны. Впрочем, не единственным в своем роде: захватнические войны в V в. до н.э. резко осуждал ученый Мо-цзы, основатель влиятельной философской школы. Подобный протест против войн должен был бы указывать на сравнительно позднее происхождение данного пассажа. Однако уже в раннем военном каноне «Сунь-цзы» война рассматривается в чисто практическом ключе. Что касается Лао-цзы, то он ссылается на ритуальную практику для доказательства того. что война принадлежит к разряду несчастливых событий. Война для него – повод для траура. И все-таки надо признать, что даже проповедь согласия и покоя, воспитывающие способность побороть «упоение в бою» и равным образом упоение победой, была осознана в Китае как главное условие... успеха в военной кампании. Ненавистник войн Лао-цзы умудрился стать одним из патронов китайской военной стратегии. Напрасно Лев Толстой, так восхищавшийся миролюбием Лао-цзы, утверждал, что допущение «войны поневоле» был приписано даосскому патриарху составителями его книги. Что касает-СЯ ДАОССКИХ УЧИТЕЛЕЙ ПОЗДНЕЙШИХ ВРЕМЕН. ТО ОНИ ТРАКТОВАЛИ СОвет Лао-цзы «одерживать победу, но не радоваться ее плодам» как утверждение приоритета внутреннего совершенствования над внешними достижениями.

Путь вечно безымянен; Первозданное Древо хоть и мало, В мире никто не властен над ним. Если бы князья и цари могли держаться его, Все вещи покорились бы им сами собой.

Небо и Земля в согласии соединятся и породят сладкую росу, И люди без приказания воспримут ее поровну.

Где есть порядок, есть имена. Но когда являются имена, Надобно знать, где в знании остановиться. Кто знает, где остановиться в знании, Тот избежит большой беды.

Великий Путь для мира Все равно, что полноводная река и море для ручья.

Средоточие мира — то, куда втекают все потоки жизни, и куда безотчетно возвращается, словно путник приходит в гости к хозяину, все живое на земле, предстает постороннему взгляду неразличимо малым, «мельчайшим семенем» бытия. Прильнуть к этой «великой малости» и есть не что иное как «совершенство премудрости» (название данной главы у Хэшан-гуна). Только приверженность «единому истоку» всего сущего позволяет опознать и оценить разнообразие жизни и притом дать всем достаточно,

т.е. уравнять всех в полноте индивидуальной природы каждого. Самодостаточность доступна только тем, кто умеет «удерживать срединное», что, по словам Лао-цзы, означает «знать светлое и хранить темное» или, согласно наставлению этой главы, спонтанно и всегда условно пользоваться именами, но «знать, где остановиться», т.е. не принимать имена за реальность и не держаться за них. Осмысленная речь следует творческому началу жизни и потому бесконечно изменчива. Для мудрого, повторим, всякое слово — лишнее, всякое действие — крайнее. Из этого не следует, конечно, что мудрец ничего не говорит и не делает. Всякое слово и дело необходимы и полезны в свое время. Стало быть, не имеют какого-либо отвлеченного смысла. Вот почему мудрый говорит, не говоря, и делает, не делая. Он не позволяет себе увлечься фантазиями и абстракциями разума. Он сосредоточен на происходящем и постигает саму действенность действия.

Знающий других умен. Знающий себя просветлен. Победивший других силен. Победивший себя могуч.

Кто знает, в чем достаток, тот богат. Кто действует решительно, тот имеет волю. Кто не теряет того, что имеет, тот долговечен. А кто не гибнет в смерти, тот живет вечно.

Человек — сам себе единственный друг и единственный враг. Наши победы и наши поражения — в нас самих. Быть самим собой — значит себя превозмочь и открыться возможности, говоря словами Чжуан-цзы, «стать таким, каким еще не бывал». Вот общеизвестные истины, о которых никогда не перестанут напоминать в мире. Но есть и еще одна, может быть, самая универсальная и общепонятная истина человечества: совершенство доступно только тому, кто сумеет превзойти собственное величие и научится все сохранять, ни за что не держась. Восхитительная и пугающая способность, потому что, как заметил Э. Сьоран: «Только безумец способен переходить от ночного существования к дневному, ничего не теряя». Но, как сказал еще раньше Борис Пастернак: «Безумие — естественное бессмертие».

В даосизме, как и во многих других мистических традициях, смерть есть врата в бессмертие. Мудрый сам «устанавливает час своей смерти» (Чжуан-цзы), ибо ему ведома внутренняя преемственность мгновения и вечности, и он стоит выше самого различия между жизнью и смертью. В даосских текстах смерть подвижника — повод для радости.

Великий Путь затопляет мир.
Ему что влево течь, что вправо — все едино.
Все вещи полагаются на него, чтобы жить,
И он не отвергает их.
Во всем достигает успеха,
И не имеет славы.
Он одевает и кормит все вещи,
Но им не хозяин,
Вечно лишенный желаний —
Его можно причислить к вещам ничтожным.
Все вещи вверяют себя ему,
А он все же им не хозяин —
Его можно причислить к вещам великим.

Оттого, что он не считает себя великим, Он может воистину быть великим.

«Небо и Земля долговечны потому, что не существуют для себя». Человек, желающий быть достойным их, должен поступать так же. Правда его жизни, говоря словами Р.-М. Рильке, это «другое дыхание». Если на свете есть что-то великое, оно стало таким потому, что смогло превозмочь свое величие. Возможно, все великолепие мира призрачно, но своей призрачностью бытие мира наилучшим образом удостоверяет присутствие чего-то подлинного. Для Лао-цзы видимое и невидимое, конечное и бесконечное подтверждают друг друга и друг с другом соотносятся, и эта

их соотнесенность — дистанция одновременно бесконечно малая и бесконечно большая – и есть Великий Путь. Последний не имеет пространственных и временных характеристик, но при этом являет собой чистое превращение, непрерывно длящуюся метаморфозу. Как сказал один чань-буддийский наставник: «Все вещи возвращаются в Единое, но куда девается это единое?» Спасительное слово Лао-цзы – «как будто». Отличное наименование небесной бездны превращений, где нет ничего определенного, но есть одна неуловимая для логических формул определенность. Парадоксы даосского мудреца веселые: они сообщают о том, как сумрак сосредоточенного размышления внезапно озаряется, как молния рассекает ночной мрак, сиянием вечносущих небес; они сообщают об истине, которая освобождает. Мы не можем обладать этой истиной, и она, оставаясь собой, тоже неспособна нами владеть. Так раздумье о Пути приуготовляет ликующую радость. А за радостью наступает незыблемый покой.

Это поэтическое прозрение имеет под собой и вполне практическую, даже научную почву. Мир Лао-цзы — это голограмма, где все присутствует во всем. Мы чувствуем себя уютнее и полнее раскрываем свои возможности, когда пребываем в родной среде. Эта среда самостоятельно, спонтанно созидает себя, в ней значимо решительно все, в ней велика каждая мелочь. Жить по Лао-цзы — значит проживать свою жизнь с удовольствием и осмысленно — как вечный праздник. Кого благодарить за эту «радость тихую дышать и жить»? Саму жизнь, сокровенный импульс творческих метаморфоз в нас самих. Оттого же наша среда в конечном счете — мировое всеединство, а наш удел — «самодостаточность в превращениях». Воистину любить мир может только тот, кто свободен от него.

Держи Великий Образ, И Поднебесная к тебе придет, Придет и знать не будет зла, Воцарятся покой и мир.

Где музыка звучит и яства на столе, Там всякий путник мимо не пройдет. Но слово, что исходит от Пути, Так блекло! Различишь его едва ли.

Всматриваешься на него — не можешь его видеть. Вслушиваешься в него — не можешь его слышать. А пользуйся им — за целый век не исчерпаешь.

Люди, бездумно живущие, интересуются только внешним и этим внешним оценивают себя. Они красуются перед миром и собой, а потому жаждут веселья и признания, как будто вечно хотят удостовериться в том, что существуют и что-то значат. Тот, кто действительно знает, что он есть и его жизнь бесконечно ценна, смотрит в себя и в конечном счете *сквозь* себя: его взгляд устремлен к началу всякого опыта, к бездонному мраку, высвечиваемому первым проблеском сознания, — к чему-то незапамятному и невообразимому, но единственно подлинному, вмещающему в себя весь мир и в то же время неразличимо-малому, предельно утонченному. Поэтому мудрый есть зеркало мира или, точнее, зеркало всеединства, не имеющего образа. Среди вели-

кого разнообразия красок, звуков и запахов, он не имеет ни звука. ни цвета, ни своего аромата: «насушный хлеб» жизни – несравненно более питательный и вкусный, чем все земные хлеба. прививающие нам определенный вкус и тем привязывающие нас к условному «я», налагающие на нас путы привычек, желаний. обязанностей. Благодаря человеку Пути проявляется облик всего сущего, тогда как сам он даже не принадлежит себе и тем более не способен противопоставить себя чему бы то ни было. Ибо. вместив в себя мир, он сам без остатка выходит в него. Никому не видимый, он «спасает» мир просто имманентной полнотой жизни, ибо позволяет каждому быть тем, что он есть. Вот, согласно традиции, тема этой главы: «совершенство доброты». Это – «великая» доброта. Ее опора – беспредельная польза пустоты, чуждая всякой ограниченной, общепонятной полезности. Даже самые изысканные яства и самая сладкозвучная музыка быстро наскучат. Но никогда не наскучит питание «насушным хлебом» Пути, ибо это и есть сама жизнь в ее самой чистой и высшей форме. Такая идеальная пиша питает незаметно, проясняя дух и даруя неизъяснимую, чисто внутреннюю уверенность в подлинности существования. А жить нужно так, как пьют доброе вино: без спешки, наслаждаясь каждой каплей.

Если хочешь сжать,
Прежде нужно растянуть.
Если хочешь ослабить,
Прежде нужно усилить.
Если хочешь развалить,
Прежде нужно возвеличить.
Если хочешь отнять,
Прежде нужно дать.
Вот что зовется «предвосхищающим прозрением».

Мягкое и слабое одолеет твердое и сильное. Рыбе нельзя выплывать из глубины, А то, что полезно царству, нельзя показывать людям.

Названием главы стало ее ключевое выражение: «предвосхищающее прозрение». Оно, несомненно, соотносится с выражением «вечнопреемственность прозрения» в главе 27. Преемственность есть абсолютное событие равнозначное всеобщей событийственности. Это значит, что истина доступна тому, кто умеет «переворачивать ситуацию» и видеть все «в другом свете». Премудрый человек, согласно Лао-цзы, знает «одно», а хранит в себе «другое» и потому свободен и от того, и от другого. Вот и недеяние Лао-цзы не сводится ни к бездействию и пассивности, ни к некоему «естественному», соответствующему «течению событий» действию. Его неизбывная и неизъяснимая «утонченность» состоит в том, что в свете символического круговорота Пути всякое явленное действие предполагает действие противоположно направленное. Недеяние, или чистая действенность, имеет свою пространственную форму: таковой является двойная спираль,

которая служит также проекцией вращающейся сферы на плоскость. В пространстве двойной спирали в каждый момент времени по отношению к центру имеется два противоположно направленных движения. Подвижник Пути. говорил даосский философ Чжуан-цзы. «идет ДВУМЯ ДОРОГАМИ»: ОН ОДНОВРЕМЕННО «РАСШИРЯЕТСЯ» И «СЖИМАЕТСЯ». «удаляется» и «возвращается». В китайском искусстве каллиграфии или кулачного боя поворот писчей кисти или руки вправо предваряется внутренним движением влево, и наоборот, в китайской тактике боя атака приуготовляется отходом и т.д. Это не просто технический прием. а следование некоему высшему закону мироздания, исключающее произвол и интеллектуальный анализ. Победа здесь достается тому, кто глубже проник в исток спиралевидной «оси Пути». Тот, кто прозрел сокровенные «семена» явлений, способен предвосхищать и упреждать события. Разыскание фокуса этой двуслойной сферы, выведение глубинного импульса перемен на поверхность сознания непосильное, да и пагубное занятие для ratio. Рыба может выплыть из пучины на поверхность, но это ничего хорошего ей не сулит. Между тем можно догадаться, что есть некая невидимая глубина опыта, где всякое движение предваряется абсолютным покоем. Такая недвойственность одного и другого, неисчислимый, но неустранимый разрыв между ними заслуживает название «тончайшего». Эта внутренняя глубина понимания, равнозначная бесконечной действенности и потому делающая возможным любой успех, не может быть объективирована и представлена на всеобщее обозрение. Стремление свести ее к предмету, представить ее равнозначно забвению Пути.

Мягкость и слабость — вот что приносит благо царству. Но государь не должен показывать истинный источник своей мудрости людям, ибо в таком случае он наплодит себе завистников и врагов, да и особого уважения к себе слишком откровенный человек не вызовет.

Кое-кто в Китае читал эту главу как программу хитроумной стратегии: чтобы взять, надо сначала отдать. Правдоподобно, но по сути неверно. Поистине, от великого до низкого один шаг, а искусная имитация почти не отличается от подлинной мудрости. Даосский мудрец безупречно честен и корыстных целей не имеет. Он уступает, чтобы дать жить всем.

Путь вечно в недеянии, И в мире все делается.

Если князья и цари смогут блюсти его, Вещи сами себя претворят. Если потом они возымеют желание действовать, Я обуздаю их безымянной простотой. Безымянная простота не таит никаких желаний,

Когда в покое не родится желаний, Поднебесный мир выправится сам собой.

> Теперь мы можем увереннее ответить на вопрос, почему Лао-цзы говорит не об отказе от желаний, а о сдерживании их. Как явствует из этой главы, желания для него – неизбежные спутники метаморфоз, которые постоянны и неизбывны, как сам жизненный рост. Каждое новое впечатление рождает и новое желание. Важно только, чтобы они не перерастали в страсть, на службу которой сознание. пораженное себялюбием, стремится поставить и язык, и мысль. Мудрый умеет изживать не собственно желания, а, скорее, свою привязанность к желаниям. Вот почему он «ограничивает желания» парадоксальным на первый взгляд способом – предоставляя всему свободу быть... Все свершается доподлинно именно тогда, когда никто ничего не делает сознательно. Только тот, кто покоен, может владеть движением. В таком случае в мире не происходит ничего нарочитого, насильственного, чрезмерного. Органическая цельность жизни восстанавливает равновесие и в природе, и в человеке сама собой, без насилия. Она не противодействует, а просто придерживает, не дает превысить собственную меру.

канон совершенства

Высшее совершенство не ищет совершенства, Вот почему в нем есть совершенство. Низшее совершенство хочет совершенства, Вот почему в нем нет совершенства.

Высшее совершенство ничего не делает и не ищет повода к действию. Низшее совершенство действует и все ищет к тому повод. Высшая человечность действует, но не ищет к тому повода. Высшая справедливость и действует, и имеет к тому повод. Высшее благочестие действует, и если не встретит согласия, Засучит рукава и потащит за собой.

А посему:

Когда утрачен Путь, является совершенство; Когда утрачено совершенство, является человечность; Когда утрачена человечность, является справедливость; Когда утрачена справедливость, является благочестие. Благочестие — истощенье преданности и доверия, начало смуты.

Знание от прежних времен — цветочки Пути и начало невежества. Вот почему великий муж укореняется в глубоком и не живет мелким, Он пребывает в корне и не живет цветочками. Он отставляет «то» и берет «это».

Нам представлена иерархия ступеней и видов духовного совершенства человека. И строится эта иерархия, как принято во всей

китайской традиции, на принципе последовательной объективации. выведения вовне реальности, начиная от полной беспредметности и всеобъятности Пути и кончая предметным, выраженным в количественных законах знанием, противостоящим реальности как потока превращений – «тысяча перемен, десять тысяч превращений». Но Лао-цзы не ищет Архимедовой точки опоры, которая позволила бы перевернуть мир. Он «оставляет мир», чтобы позволить всем вещам свершить свою судьбу. Соответственно, совершенствование, по Лао-цзы – это усилие (ироническое по своей сути) «опустошения сердца», что предполагает освобождение от предметного знания. Совершенство есть способность быть «зеркалом мира», спонтанно переживать все происходящее в мире или, другими словами, быть-с-миром, не делая расчетов, не подыскивая всему причину и не преследуя целей. Мудрый вмещает в себя все сущее и... ничем не владеет. Для него нет правильного мнения, а есть только правильное время, каковое есть не что иное, как всевременность мгновения. Только ущербный человек стремится к совершенству, не понимая, что он уже имеет всего достаточно. Смысл совершенствования – не победа над миром, а возвращение к себе - к тому, что всегда уже дано нам и дано сполна. Наблюдение обыденное, находящее множество наглядных подтверждений среди окружающих нас людей, но имеющее и глубокие, в своем роде метафизические, корни. Мудрый никогда не позволит фальши и иллюзиям света заслонить правду сердца. В этой связи в главе излагается лестница моральных состояний, каковыми являются сверху вниз: совершенство высшее, совершенство низшее, человечность, справедливость и, наконец, благочестие, неразрывно связанное с правилами и условностями света. Кроме того, Путь (дао) ставится выше его частных проявлений — различных «совершенств» (дэ).

Что до тех, кто в древности обрел единое:
Небо, обретя единое, стало чисто;
Земля, обретя единое, стала покойна;
Духи, обретя единое, стали божественны;
Долины, обретя единое, стали полны;
Вся тьма вещей, обретя единое, живет;
Князья и цари, обретя единое, правят Поднебесной.
Таковы свершения единого.

Небо, не будучи чистым, не расколется ли? Земля, не будучи покойной, не растрясется ли? Духи, не будучи божественными, не обессилят ли? Долины, не будучи наполненными, не оскудеют ли? Вся тьма вещей, не имея в себе жизни, не исчезнет ли? Князья и цари, не имея почета и славы, не падут ли?

Посему корень почета — униженность. Основа славы — безвестность. Оттого князья и цари зовут себя сиротами, одинокими, несчастными.

Не значит ли это, что для них униженность — корень? Разве нет? Имея множество колесниц, считай, что у тебя нет колесницы.

А потому не желай быть ни прекрасной яшмой, Ни простым камнем.

Мудрость есть не что иное, как умение найти опору в том, что есть в нас «истинно так», а не иначе и, следовательно, одновременно уникальное и всеобщее. Разум представляет эту истину как Единое, вездесущее. Но Лао-цзы проповедует разум сердца. который умеет видеть бесконечное разнообразие свойств жизни и чувствовать внутреннее сродство с ними. Вот почему Единое – самая надежная опора в жизни даосского мудреца. Лао-цзы говорит о «Великом Едином», которое превосходит логическое тождество, «не имеет имени». Оно составляет сердцевину всякого существования, самое естество жизни, но не сводится к какой-либо предметности. Это единое есть беспредельная среда и вездесущее средоточие всякого пользования – действенность всех действий, функциональность всех функций. Оно равно себе в бесчисленных превращениях бытия и дарует каждому в каждый момент времени абсолютный покой. В этом вселенском хороводе мы реально сопричастны всему происходящему. Мы на самом деле обретаем себя в... ином. И чем больше мы сознаем свою ничтожность перед Одним Превращением мироздания, тем отчетливее мы понимаем наше несравненное величие, о чем Лао-цзы не раз упоминает с неизбежной здесь доброй иронией. Ибо в этом всепроницающем событии, в этой неисчерпаемой действенности абсолютного покоя мы живем наравне с миром и... сами по себе. Мы познаем свою состоятельность в своем состоянии с миром. Жить в мире с миром способен лишь тот, кто поместил мир в мир и свел бесконечность с бесконечностью. А поскольку такое Единое безымянно и опознается лишь как чистая актуальность этого, пользование им учит великому смирению, жизни с-миром. Самоумаление мудрого - не поза, а единственный способ быть воистину, приносящий к тому же великую пользу тому, кто его усвоил. Мудрость и есть умение жить тем, что доступно каждому из нас в любой момент времени. Нет ничего более ценного в жизни, чем ее простейшая данность.

Возвращение — это действие Пути. Слабость — это применение Пути. Все вещи в мире исходят из сущего, А сущее исходит из несущего.

Лао-цзы раскрывает новые глубины своего закона инакобытности: чтобы быть воистину, нужно уметь «быть наоборот». Что для этого нужно? Буквально ничего! Нужно просто «оставить все» и жить по пределу всего сущего, каковой есть средоточие мира. В том числе, нужно жить по пределу разума. Мудрый потому и может быть властителем мира, что в каждой вещи прозревает иное и живет равновесием того и другого. Не имея ни «своего мнения», ни придуманных себе желаний, он упреждает действия других, успевает (именно: имеет успех) в любом деле. В сущности, он превосходит других только в том, что умеет пользоваться своей... слабостью. А будучи покойнее других, он достигает и большей ясности сознания.

Но вечное и всепроницающее использование, возвратный ход жизни можно мыслить только как непрестанное возвращение к себе, которого... нет. Оно есть то, что происходит, когда ничего не происходит. Этому событию нужно внимать внутренним слухом. Великий Путь как «обратное действие» есть предел всякой деятельности, универсальное «превращение превращения», неуклонное самоуклонение, среда чистого аффекта. Это вечное невозвращение к себе есть сама бытийственность бытия, единое как неисчерпаемое богатство разнообразия, всеобщее различие, которое непрестанно воспроизводит себя, расходится бесконечной чередой самоподобия. Такова природа «того, что таково само по себе», которое на повер-

ку оказывается вечно длящимся разрывом, совместностью вечно разделенного. «Я сам собою сам по себе таков...», — сказал об этом состоянии живописец Шитао. Вот апофеоз уступчивости, который вдруг обнажает «упрямый факт» существования «мира в целом». Более того: в круговороте вечного возвращения угадывается абсолютный покой, бездна «вечно иного», неистощимый «запас» бытия. Возвращаясь, отступая к истоку бытия, мудрый высвобождает и... сохраняет полноту жизни. Он — хранитель чудес и таинств мироздания. Он богат всем богатством мира.

Позднейшие даосы считали эту главу декларацией основных принципов личного совершенствования: нужно «возвратить» жизненную энергию к ее «корню» в организме, и сделать это необходимо посредством предельной «слабости», то есть полного расслабления — физического и духовного.

Высшие люди, прослышав о Пути, являют усердие и претворяют его. Обыкновенные люди, прослышав о Пути, как будто слышали о нем, как будто нет.

Низшие люди, услышав о Пути, громко смеются над ним. Если бы они не смеялись, это не был бы Путь.

Потому заповедано:

Пресветлый Путь кажется мраком.

Путь, ведущий вперед, кажется отступлением.

По ровному Пути идти как будто труднее всего.

Высшее Совершенство подобно долине.

Великая чистота кажется невзрачной.

Беспредельное совершенство кажется ущербностью.

Незыблемое совершенство кажется потворством.

Искренность души кажется притворством.

Великий квадрат не имеет углов.

Великий сосуд отливают дольше всего.

Великая музыка слышна меньше всего.

Великий образ не имеет формы.

Путь столь величествен, что ему нет имени.

Только Путь дает хорошо начать и хорошо кончить.

Мудрость Лао-цзы безошибочно распознается по двум признакам: она интимно понятна и она невероятна. Эта мудрость весьма напоминает житейский здравый смысл, который учит не доверять поверхности явлений, в каждом слове и жесте подозревает подвох. Лао-цзы гениально разворачивает это, в общем-то, пошлое мудрование совсем в другую сторону: он придает ему глубокомыслие мистических парадоксов. Светский «умник» только посмеется над ними и... обнаружит свою глупость и ничтожество. Мудрый, кажущийся миру глупцом, воспримет их серьезно и извлечет из них великое благо. Мудрость Лао-цзы чем более понятна, тем более невероятна. Глупец думает, что слова значат то, что они значат, потому что хочет знать, как нужно жить. Мудрый живет откровением самой жизни, которое раскрывается, скрываясь, и скрывается, раскрываясь. Лучший способ поведать об этой истине – говорить парадоксами, которые напоминают народные поговорки тем, что начисто исключают субъективный взгляд. Такие парадоксы суть словесный образ метанойи, «переворота ума», которого требует постижение Пути: они сметают мыслительные штампы и указывают на какую-то другую, «неслышную» истину, немыслимое единство Хаоса, лежащее по ту сторону оппозиций правильного и неправильного, возможного и невозможного, малого и великого. Это единство бытия само есть воплощенное различие, неуклонное уклонение; оно никогда не тождественно самому себе. Вот тайна творческих метаморфоз жизни и, превыше всего, вечнопреемственности нескончаемого саморазличения, где все передается, но никто никому ничего не передает. Лао-цзы проповедует единство-в-различии не из умозрительных, а из практических соображений. Идущий его путем будет иметь успех в каждый момент времени, будет «хорошо начинать и хорошо заканчивать», потому что он умеет в каждом мгновении возвращаться к неизбывному и в каждом действии постигать вечнодейственное.

Путь рождает Одно, Одно рождает Два, Два рождает Три, А Три рождает всю тьму вещей. Все вещи несут в себе Инь и обнимают Ян, Всепроницающее дыхание приводит их к согласию.

То, чего люди не любят, — Это быть «сиротой», «одиноким», «несчастным», Но так называют себя цари и князья Посему, теряя, порою можно получить больше, А, получая, порою больше теряют.

Чему люди учили, я тоже учу: «Сильный и жадный не умрет своей смертью». Пусть это будет мне отцом поучений.

Всякая оппозиция возникает на фоне некоего единства, но это единая сущность предполагает и нечто неопределимое: нерожденное, непреходящее, бесформенное. Самый важный смысл как раз не дан в обсуждении, в споре никогда не родится истина. Но та же оппозиция становятся творческим началом и способна порождать все вещи, когда ее члены начинают взаимодействовать друг с другом.

В этом мире, где ценятся только видимые успехи, размышление о начале вещей помогает осознать, что во всем, что мы счита-

ем своими приобретениями, мы теряем, быть может, самое важное, что есть в нашей жизни. Только в минуту духовного просветления мы способны ощутить присутствие бездны извечно отсутствующего и забытого, но тем не менее делающего возможным всякое существование. И если наш дух достаточно мужествен, мы способны принять эту бездну как глубочайшую реальность нашей жизни.

Тогда в нашем сознании происходит переворот, и мы начинаем ценить как раз все то, чему раньше не придавали значения. Это не значит, что мы восстаем против мира. Отсутствие само отсутствует в себе и не дает точки опоры для того, чтобы мир перевернуть. Мы возвращаемся ко всему неизбывному, вечноживому в нашем опыте, даже если эта подлинность жизни предстает рутиной повседневности и всеобщностью людского мнения. Мудрец привлекает к себе не многознайством, а искренностью души. Он не таков как другие, ибо ничего не имеет; он — как «сирота». Но он все вмещает в себя и потому может править миром или, точнее, направлять его.

«Превращения Пути»: так именуется эта глава в традиции. Это значит: наши собственные превращения. Мы уже знаем, что такое путь превращений. Он выявляет бесконечное богатство разнообразия и в этом смысле «распространяется далеко». Но каждая из бесчисленных метаморфоз мира подтверждает вечнопреемственность отсутствующего, и потому этот путь каждое мгновение «возвращает к истоку». Мудрый радуется жизни, ибо живет в непрерывно обновляющемся мире. И он покоен в жизни, потому что этот всегда новый мир для него родной. Более того, только человек может соединять в себя мировые силы, и на самом деле только его усилием пробуждения, самоосознания держится Великий Путь мироздания.

Самое мягкое в мире одолеет самое твердое. Невещественное войдет в то, что не имеет пустот. Так можно знать, что недеяние благотворно.

Учение без слов, благо недеяния В мире способны понять немногие.

Мы напрасно думаем, что миром правит тяжесть. Массивные небоскребы рождены невесомой мыслью. Быть свободным – значит воспарять над грубой материальностью мира, отвлекаться от всякой «данности». И чем отвлеченнее наши понятия, тем мы свободнее. Предел же отвлечения и свободы – немысленное, невещественное, неделанное. Чтобы достичь этого состояния, нужно до предела уступить, смягчить свой дух, повысить его чувствительность. Это равнозначно способности проницать духом всю бездну мироздания, ни на чем не застревая, или, говоря еще проще, быть мастером духовной сообщительности. В одном стихотворении У. Йетса нарисован точный образ истинного мастера сообщительности, который, конечно же, является непревзойденным стратегом, неприметным (вследствие своей великой уступчивости) триумфатором мира. Это Цезарь, проводящий в бдении ночь накануне решающей битвы с Помпеем: «Его взгляд направлен на ничто / Его рука под его головой, / Как длинноногая муха на поверхности потока / Его ум мчится по-над молчанием». Вот так куются победы в этом мире. И главное условие победы – безграничная мягкость, т.е. чувствительность сознания, позволяющая уловить смычку мгновения и вечности и, как молния, пребывать в соб-

ственном отсутствии. А молния и есть подлинная сила и власть. Реальность же Великого Пути у Лао-цзы есть «предельно тонкое» различие, в котором уже ничего не различается и потому все сходится. Предел развертывания Пути – схождение «наибольшего» и «наименьшего»: вот почему Путь все «проницает» и все «одолеет». Согласно классической формуле, «Путь так велик, что не имеет ничего вовне себя, и так мал, что не имеет ничего внутри себя». Даосское же «vчение без слов» – это единственно возможный способ сообщить о чистой сообщительности. – одновременно сущности и пределе коммуникации – лежащей в основе всякого общения, всякой встречи. Ведь человек не может без Пути, потому что он на самом деле живет сообщительностью. Мудрость предстает молчанием потому, что в ней нет ни формальной доктрины. ни внешнего воздействия, ни технического проекта, всегда имеющего целью господство над миром. «Бессловесное учение» Лао-цзы — это только артикуляция актуального опыта, который всегда есть превращение, чистая текучесть. Оно учит, собственно, не предметному знанию, а пребыванию в абсолютной всевременности существования.

Слава или жизнь — что дороже? Жизнь или богатство — что важнее? Иметь или потерять — что неприятнее?

Вот почему кто сильно любит, тот многого лишится, А кто много накопил, тот понесет большой ущерб.

Если знаешь, как быть довольным, не изведаешь позора. Если знаешь, где остановиться, избегнешь опасности И сможешь жить долго.

В жизни рано или поздно приходится делать свой выбор, и выбирать (или не выбирать) в конце концов приходится самого себя. Этот самый насушный, подлинно судьбийный выбор тоже предполагает известный расчет, но только превосходящий обычные человеческие понятия. Он оперирует с реальными величинами — вроде предложенной Паскалем «ставки на бесконечность». Истинно доволен может быть только тот. кто выбирает все. Впрочем, в пользу правильного выбора говорит даже обыкновенная житейская мудрость: когда мы увеличиваем наше богатство, приобретаем славу или даже делаем нашу жизнь более комфортабельной, мы в действительности ничего не прибавляем к тому, что мы есть. Потеря этих мнимых приобретений на самом деле не болезненна для нас. Осознание этой простой истины уже позволяет по-НЯТЬ, ЧТО МЫ *ВСЕГДА* ИМЕЕМ ДОСТАТОЧНО, И НАМ НЕЧЕГО ИСКАТЬ ВО ВНЕШНЕМ мире. А дальше начинается внутреннее восхождение – наш настоящий Путь, где поиск важнее цели, сердечнее доверие – формальной истины, а внутренняя удовлетворенность — удовольствий плоти. Для Лао-цзы, впрочем, никакого героизма здесь нет. Это единственный здравый, безоговорочно полезный выбор в жизни.

В великом свершении как будто есть что-то незаконченное, А польза его беспредельна. В великом изобилии как будто чего-то не хватает, А польза его неистощима.

Великая прямота не дает ходить прямо. Великое искусство не дает сделать искусно. Великое красноречие не дает сказать красиво.

Быстрые движения одолеют холод, Но покой одолеет жару. Кто чист и покоен, тот сможет выправить мир.

Жить по меркам и понятиям безликой публичности — тяжкий и неблагодарный труд. Культивировать в себе качества и способности угодные толпе и приносящие известность — труд вдвойне тяжелый и неблагодарный. Ничто не утомляет так, как лицемерие. Лаоцзы, подобно Христу, предлагает жить, не обременяя себя заботами о завтрашнем дне или воспоминаниями о дне минувшем. Он предлагает жить настоящим, т.е. непреходящей открытостью несотворенной открытости Небес. Ну, а если уж заниматься собой, то разумнее всего отыскивать в себе великие таланты — те, которые хороши для меня самого и по этой причине... хороши для всех, даже если их польза не имеет вещественного выражения. Все гениальное излучает детскую чистоту и свежесть чувств. Такова же даосская работа по взращиванию в себе «всеобъемлющего совершенства» (название данной главы в даосской традиции). Эти «великие таланты» кажутся в свете ничтожными — неустранима пропасть между живым опытом и мертвенной публичностью. Но они реальны и делают людей по-настоящему счастливыми. Поэтому великое и малое для Лао-цзы неразделимы. «Весь мир – в моих DVKAX, ВСЯ ТЬМА ПРЕВРАЩЕНИЙ — ВО МНЕ САМОМ». — ЗАМЕЧАЕТ СОВРЕменный даосский наставник Цао Синьи, разъясняя смысл этой главы. Стать самим собой можно, только отказавшись от всего своего. Лао-цзы исподволь, но твердо наставляет быть стойким и идти своим путем в этом мире. Он предлагает оценить наши свершения по их... незавершенности! Поистине, всякое свершение сталкивает с чем-то вовек неосуществимым, и сам человек ценен не тем, что он уже сделал, а тем, что он еще не совершил! Незавершенность – понятие на самом деле положительное. Выявляемая по мере того, как меркнут и рассеиваются призрачные ценности света. она становится главным условием общности людей за пределами всех общественных форм. Людей в действительности связывает то, *чего нет.* Все пройдет, а это – останется.

Когда в мире есть Путь, Верховых лошадей отводят унавоживать поля. Когда в мире нет Пути, Боевых коней растят на дальних заставах.

Нет большего преступления, чем потакать вожделению. Нет больше беды, чем не знать, что имеешь довольно. Нет большего порока, чем страсть к обладанию.

Будь доволен тем, что имеешь довольно, — вот неизбывное довольство.

От природы человеку неведомо чувство неполноценности, и ему не свойственно иметь заведомо неутолимые и нереализуемые желания. Мы изначально самодостаточны и довольны просто... своим довольством. Пребывая в покое, мы способны возвращаться к полноте жизни в нас, как младенец припадает к материнской груди. Вожделеем же мы только то, что навязывает нам наше субъективное, взращенное — а лучше сказать, исковерканное — социальными условностями, отчужденное от внутреннего самоощущения и потому насквозь призрачное «я». И поэтому мы тревожимся только из-за своей... тревоги. Мы желаем своим желанием. Наш химерический двойник, которого лепит из нас наше социализированное «я», как раз и подвержен влиянию анонимной публичности с ее понятиями авторитета, власти, славы, благополучия, «достойной жизни» и т.п. Как всякий раб, он тщательно скрывает свое безволие за маской личного достоинства и разумности. Когда он

завладевает нашим сознанием, наша жизнь превращается в бесконечную, со временем становящуюся все более яростной погоню за вещами, без которых вполне можно обойтись. Разумеется, всегда найдутся охотники эксплуатировать этот самый распространенный вид духовного недуга, логическим следствием которого, как предостерегает Лао-цзы, является бессмысленное человекоубийство на войне. Но каждый человек способен в любой момент остановить эту безумную гонку. Для этого ему достаточно вспомнить, что он рожден быть не рабом, а хозяином самого себя. Он должен просто предоставить себе быть самим собой. Желание своего желания обрывается единственным и притом симметричным этому безумию способом: удовлетворенностью своим довольством. «Быть довольным своей удовлетворенностью» звучит как «самому по себе быть самим собой», самому дать себе свободу быть. На самом деле нет ничего более естественного.

Не выходи со двора, если хочешь познать мир. Не гляди в окно, если хочешь узреть путь небес. Ибо чем дальше уходишь, тем меньше узнаешь.

Вот почему премудрый человек Никуда не выходит, а все знает, Ни на что не смотрит, а все понимает, Ничего не предпринимает, а все свершает.

Тот, кто «выходит в мир», теряет себя. Тот, кто живет бытийственностью бытия, не имеет нужды куда-то идти. Он всегда «у себя дома». Он держится вездесущей центрированности жизни. Не будучи ни к чему привязанным, он живет в родной среде.

Идти своим путем — значит всегда быть «здесь и сейчас». Правда нашей жизни — это актуальность, чистая временность, проницающее все прошлое и будущее, раскрывающая все события в их единовременности. Вот почему мудрость не есть какое-то особое знание. Это просто знание, слившееся с жизнью. Она не добывается произвольным усилием мысли, а, подобно плоду, вызревает во времени. У мудрости — свои сроки: существуя во времени, она проявляется только в конкретных обстоятельствах, но хранит в себе бесконечно долгий путь сердца. Она есть только открытость открытости бытия и потому предоставляет всему свободу быть. Неважно кем и как. Сама в себе укорененная, воплощающая органическую полноту существования, мудрость есть не что иное, как добродетель и чистая, совершенно безыскусная радость жизни, довольство своим довольством. Отворачиваться от радости ради знания всеобщих, но никому не интересных истин есть глупость, граничащая с безумием.

Тот, кто учится, каждый день приобретает. Тот, кто претворяет Путь, каждый день теряет. Потеряй и еще потеряй — так дойдешь до недеяния. Ничего не будешь делать — и все будет делаться.

Завладеет миром тот, кто никогда не занимается делами, А тот, кто занимается делами, никогда не завладеет миром.

Лао-цзы находит все новые слова для того, чтобы как можно отчетливее противопоставить истинную мудрость суетному многознайству света. Обратим внимание, что здесь противопоставляется «учащийся» и «действующий». Учащийся потому и является учеником, что обязан давать себе отчет в том, что именно он знает, а лучший критерий для этого – практическая эффективность знания. Полезное и даже нужное занятие, но в меру. Ибо ученики – всегда немного близорукие инженеры. Они распахивают целину, перекрывают плотинами реки, а потом оказываются без продовольствия и воды. Но еще страшнее нравственные последствия твердолобого ученичества. Ибо учение воспитывает не только восприимчивость, но и железную волю. Чрезмерно усердный ученик, для кого самооправдание стало глубоко укоренившейся привычкой, усваивает замашки диктатора. Недоучка опаснее неуча. Рано или поздно ученик должен стать учителем и обрести свободу не доказывать свою правоту, даже не знать. Ибо есть истины, которых доказательства оскорбляют. Долг ученика – схватывать. Привилегия учителя – с царственной щедростью все оставлять. В сущности, учитель потому и соответствует своему званию, что лучше ученика знает ограниченность своего знания. Теряя пред-

метность знания, каковая лишь ограничивает и сковывает нас, а стало быть, избыточна в нашей жизни, мы погружаемся в бездну покоя и в конце концов приходим к единственно подлинному и — единому. В эпоху танской династии император попросил даоса Сыма Чэнчжэня вычислить его гороскоп. на что даосский наставник ответил цитатой из рассматриваемого здесь изречения: «Тот, кто посвящает себя Пути, – каждый день теряет, – ответил он. – Теряя и теряя, мы доходим до единицы. Какой же прок в счете?» Разумеется, позднейшие комментаторы усмотрели в загадочном совете Лао-цзы «потерять и еще потерять» и более глубокий смысл: они поставили его в один ряд с известной формулой «сокрой и еще сокрой» и истолковали его как описание пути нравственного совершенствования. В таком случае становится понятной и концовка главы: это не дань «мистическому практицизму» царедворца-отшельника, а результат непроизвольного овладения миром того, кто все потерял и теперь способен все вместить в себя. Усилие (самое непроизвольное и потому равнозначное некоему сверхусилию) само-потери с какой-то абсолютной неизбежностью делает мудреца властителем Поднебесной. Но оставим ученическую психологию и не будем зацикливаться на власти и политике. «Оставление» — непременное условие раскрытия человеческих талантов и доброго сотрудничества людей. Оно и есть основа сердечной сообщительности и, следовательно, всякого общества.

Нужно ли в таком случае отказаться от техники и от цивилизации вообще? Дело не в технике, а в нашем отношении к ней. Технические средства не представляют угрозы человеку, пока он сохраняет центрированность духа. Сами даосы часто видят свой идеал в мастеровых людях, виртуозах своего ремесла, способных в самозабвенном порыве творчества слиться со своим материалом, «забыть себя и мир». Человек Пути делает небесную работу вне противостояния субъекта и объекта, и эта работа удостоверяет подлинно живое единение людей в незавершенности наших свершений. Сообщительность людских сердец постигается по ту сторону формального знания и даже вопреки ему.

Премудрый постоянством жив и не имеет своего ума. Душа народа — вот его душа.

Добрых принимай как добрых. Недобрых тоже принимай как добрых. Вот совершенство добра.

Снискавшим доверие доверяй, Не снискавшим доверия тоже доверяй. Вот совершенство доверия.

Премудрый человек, царствуя в мире, Все вмещает и ради мира замутняет свой ум.

Вот люди: все напрягают зрение и слух, А он их привечает как детей.

В первых двух строках этой главы очень важное в китайской мысли понятие «сердечного разума» проделывает головокружительный слалом. Но за видимыми парадоксами Лао-цзы стоит, как всегда, очень простая, но и глубоко продуманная мудрость. Сначала разоблачаются предрассудки, порожденные нашим главным врагом — себялюбием. Для каждого человека в свете, тем более ученого и наделенного властью, главное достоинство — иметь собственное мнение. Еще почетнее — упрямо держаться за «свое» мнение, даже если оно явно ошибочно, совсем не оригинально и причи-

няет вред другим. Люди редко замечают, что их мнения, которыми они так дорожат, в действительности внушены им извне. Идиосинкразия индивидов и ослепленность толпы – явления одного порядка, одно порождает и питает другое. Еще реже люди созна-ЮТ. ЧТО. ОТКАЗАВШИСЬ ОТ СВОИХ ПРЕДРАССУДКОВ. ОНИ НЕ ТОЛЬКО СНЯли бы с себя тяжкое бремя, но и открыли бы в себе источник абсолютного добра, не зависящего от частных мнений. Жить нужно не мнением. – обшим или частным – а актуальностью опыта. предваряющей мнение. Ищущий добра должен не думать, а не-думать. Ибо искать нужно не какое-то «измененное состояние сознания», а живой и конкретной сообщительности с людьми, которая способна изменить их отношение к миру, открыть им новые горизонты жизни. Человечное в человеке только и держится этим чувством глубинного родства и близости. Оно требует, конечно, жертвенной любви, которая у Лао-цзы совершенно несентиментальна, поскольку, во-первых, покоится на ясной нравственной удовлетворенности и, во-вторых, носит даже стратегический характер, дает власть над миром (не ради власти, конечно, а ради пользы миру).

Вот он, секрет мудрости Лао-цзы: безусловная, совершенно безыскусная открытость миру. Это мудрость Пути: она *предвосхищает грядущее*, дает всему случиться и свершиться. Она требует неистощимой веры, что и отличает мудрого от обыкновенных людей. Ведь обыкновенные люди ищут для себя защиты в неверии. Неверующему легко жить. Напротив, вера налагает ответственность, а вера абсолютная требует принятия и абсолютной ответственности, и абсолютной справедливости: Бог равно посылает дождь на поля грешников и праведников.

Попробуем выразить это прозрение более философским языком. Недостижимая для индивидуальной рефлексии первичная интуиция «предвечного» бытия совпадает с равно непостижимой стихией народного духа, народного «мы», отчетливо ощущаемого, но исчезающего, как только мы хотим вывести его на «свет разума». Современная философия знает о существовании этого прикровен-

ного «мы». Отец феноменологии Э. Гуссерль замечал: «Община людей обладает сознанием и даже самосознанием в полном смысле слова. У нее есть воля к самооформлению». Но гораздо раньше изощренной феноменологии ее знали все люди на земле, которые пели народные песни и рассказывали старинные предания. Ибо народ — живой организм, имеющий свою память и даже свои мечты. Для Лао-цзы природа сознания — самопревращение. Мудрый ловит, вмещает в свое сознание сам акт преображения, «переплавки» индивидуальных мнений и чувств в необъективируемое, но каждому внятное сознание народного бытия. И дает этому сознанию жить и расти, удерживая его в «безымянной цельности», не позволяя самовлюбленным политикам говорить от его имени

Итак, в глубине изначальной интуиции бытия личное и народное сознание преемственны в акте преодоления себя, перехода в «иное»; они существуют под знаком забытья, вмещают в себя свое инобытие. Оттого же истина Лао-цзы подобна материнской утробе: будучи пустой, она вбирает в себя весь мир, ничего не подавляя, не ущемляя, но, напротив, взращивая все сущее, давая всему быть. В ней вещи «раскрываются» в полноте бытия. Но она существует лишь постольку, поскольку «замутняется», скрывает себя. Народная душа живет и питает нас. когда она не видна: она отдает себя нам. Так и отдельные люди живы не изошренностью ума, а бескорыстием любви, которая не гордится собой как раз потому, что она – любовь. А общество живо и едино не формальными истинами, методично вбиваемыми в головы работниками «образовательного фронта», а спонтанной, непосредственной, совершенно реальной сообщительностью сердец. Но должен быть кто-то, не может не быть того, кто сознает эту нравственную дистанцию, эту сердечную глубину сознания и благодаря такому постижению может быть незримым властелином или, лучше сказать, подлинным лидером света. По Лао-цзы, эта спонтанная способность и делает человека человеком и притом высшим мудрецом. Другими словами, для Лао-цзы мудр тот, кто позволяет свершаться этой сооб-

щительности и вызревать неизъяснимому, но всем внятному этосу общества. Скажем еще резче: бесподобнее всех тот, кто со всеми сообщителен. Вспомним, что этот мудрец «один возвышается над всем» даже в окружении прекрасных дворцов и пейзажей. Нам всегда хорошо в этой родной, но всегда свежей, зовущей к сотворчеству, свободной игре жизненных сил и вместе с тем иерархически выстроенной среде. Нам всегда легко в этой атмосфере по-детски непосредственного радушия. Только так мы можем достичь цели, завещанной Лао-цзы: «прожить сполна свою жизнь». Слово «сполна» означает здесь: «переживать всю полноту свойств жизни».

У Лао-цзы термин «сердце-ум-душа» указывает не на мысли и чувства в собственном смысле, а, скорее, на безусловную искренность, открытость отношения к миру. Он обозначает не что, а как. Мудрый всех считает добрыми и всему доверяет. Он подобен людям не тем, что чувствует и думает, как они, а тем, что способен переживать все с детской непосредственностью, полной искренностью. Он человечнее всех именно безукоризненной естественностью своих чувств. Начальная же строка главы очень ярко иллюстрирует тот феномен смещения или скольжения смысла, который характеризует стиль даосского канона и указывает на природу реальности как непрерывного превращения: слово «сердце» употреблено в ней, по крайней мере, в трех, а, согласно принятому здесь варианту, даже четырех смыслах. Оно обозначает и первичное, дорефлективное самосознание, и сознание индивидуальное, и «народный дух», и чувствительность мудрого к всеединству народной жизни. Одно и то же сердце может быть органом и взаимной отчужденности, и взаимного радушия.

тоже три из десяти.

Глава 50

Выходишь в жизнь – входи в смерть.

Дорог жизни — три из десяти, Дорог смерти — три из десяти. А тех, кто в жизни жаждет жить и оттого влечется к смерти,

Почему так? Все из-за жажды в жизни быть живым.

Известно: кто постиг мудрость сбереженья жизни, В пути не встретит тигра или носорога, В сраженье избежит разящего клинка. В нем носорогу некуда воткнуть свой рог, Тигру некуда вцепиться острыми когтями, Воину некуда вонзить свой меч. Почему так? Потому что смерти негде поселиться в нем.

В жизни, помимо всех ее мимолетных удовольствий, есть одна неизбывная радость — радость переживания безграничности возможностей, открытых человеку. Принять эту свободу, быть кем угодно и означает жить воистину, «быть живым в жизни». И, однако же, такой выбор, в своем роде единственный и окончательный, предполагает и приятие смерти.

Человеческая свобода сводит воедино жизнь и смерть — здесь таится исток трагического мироощущения на Западе. Современное

«общество спектакля» подтверждает эту истину с особенной убедительностью. Чем более яркой и разнообразной предстает жизнь в сегодняшней индустрии развлечений с ее компьютерными эффектами и мрачными фантасмагориями, тем сильнее отсвечивает она бледным маревом смерти. «Образ жизни» в современном медиапространстве следовало бы назвать, скорее, образом смерти. Попробуем отвлечься от присущего западному мировосприятию трагизма, и мы получим исходную точку рассуждений Лао-цзы: мудрый не ведает опасностей не потому, что дорожит своей жизнью, а потому, что уже вобрал в себя смерть, ибо не имеет своего «я», сам в себе отсутствует. На вопрос апостола: «Смерть, где твое жало?» Лао-цзы мог бы дать краткий и точный ответ: в себялюбивом «я». Мы смертны в той мере, в какой привязаны к своей жизни.

Согласно традиции, эта глава, во многом загадочная, почти фантастическая, учит самой простой вещи: «ценить жизнь». Но для даосов уважение к жизни равнозначно забвению жизни. Справедливость этого тезиса проверить легко хотя бы методом от противоположного. Разве разглагольствования о ценности жизни не оборачиваются сплошь и рядом чудовищным пренебрежением к этой же самой жизни?

Путь рождает их, Совершенство взращивает, Вещество придает им формы, сила вещей приводит к завершению: Вот почему все вещи почитают Путь и ценят Совершенство. Путь почитают и Совершенство ценят не по приказу: Так всегда происходит само собой,

Посему Путь рождает их, Совершенство взращивает, Они вынашивают их и вскармливают их, Дают им вырасти, дают им созреть, Пестуют их, оберегают их.

Все рождает и ничем не обладает. Всему поспешествует, а не ищет в том опоры, Всех старше, а ничем не повелевает: Вот что зовется сокровенным Совершенством.

В глубине туманных и часто парадоксальных речений Лао-цзы таится безмятежный покой, проистекающий из непоколебимого и радостного доверия к самому источнику жизни. В сущности, вся глава есть плод спокойного и любовного наблюдения над жизнью «как она есть». А жизнь такова, что в ней все рождается и растет как бы само собой, не требуя особого внимания. И когда что-то или кто-то умирает, жизнь так же равнодушно идет дальше. Теперь вглядимся пристальнее: все вещи от рождения несут на себе печать полноты бытия. Путь «сбережения центрированности» не только не подчиняет жизнь неким идеальным моделям или зако-

нам, но, напротив, предоставляет свободу выражения каждому сушеству. Не имея «объективной» нормы, он, в сущности, и не действует сам, а как бы предоставляет всему сущему пространство жизненного роста, свободу быть тем, чем оно может - и не может не быть. Путь – это все вмешающая в себя, пустотная в своем неисчерпаемом изобилии плерома бытия. Ему противостоят не универсальные идеи и отвлеченные понятия, а совершенно конкретные свойства мгновения и места. Мир – бесконечно сложная паутина обстоятельств, служащая средой для выявления всех свойств жизни. В нем каждая вешь несет в себе свой «утонченный принцип», некое внутреннее совершенство, которое не существует вне сообщительности с бесчисленным множеством других качеств. Пустотная цельность и чистое, беспредметное качество, лишенный предметности внутренний образ тела и его столь же пустотные декорум, тень подобны двум значимым отсутствиям, которые освобождают друг другу место, взаимно определяют и удостоверяют друг друга.

Со-небытийность – вот способ существования Пути. Вещи в мире едины не по своему тождеству, а, напротив, по своему различию. Но именно поэтому все сущее «само по себе» вовлекается во всеобщий Путь, который, как «сокровенное совершенство», совершенство совершенств, одаривает милостью целый мир, водворяет все сущее на свое место, никак не проявляя себя, ни к чему не имея пристрастия. А потому жизнь каждого существа совершенно самоценна и свята. Мир для Лао-цзы — «священный сосуд». А люди без принуждения примут власть того, кто достоин быть государем, ибо он живет «одной жизнью» с народом, хотя и не имеет намерения облагодетельствовать человечество. И слава Богу, ибо дорога в ад известно чем вымощена. В конце концов, если Путь позволяет всему быть тем, что оно есть, для чего переживать за судьбы мироздания? Всякие хлопоты – лишние, они ничего не добавят к затаен-ной участливости просветленного сердца.

В мире есть начало, Можно считать его Матерью вселенной. Тот, кто постигает мать, чтобы знать ее дитя, И познает дитя, чтобы держаться за мать, До конца дней не потерпит ущерба.

Завали свои дыры, затвори свои ворота — До конца жизни не будешь знать забот. Раскрой свои дыры, займи себя делами — До конца жизни не будет отдохновения.

Прозреть мельчайшее зовется просветленностью. Держаться мягкости зовется силой. Воспользуйся свечением, чтобы вернуться к светочу. Так сумеешь избегнуть беды: Вот что значит сподобиться постоянству.

В мире, который дан нам в словах, образах и понятиях — а по-другому представлять мир мы и не можем — Путь присутствует лишь как акт сокрытия, движения инволюции, ухода в глубину, «возвращения к истоку». Путь не имеет своих «проявлений» и тем более своей истории. Да, у всякого существования есть своя причина, но для взгляда со стороны она есть нечто предельно неопределенное. Каждый должен искать истину в себе — во внутренней, «вечно отсутствующей», чисто символической глубине опыта, которая несводима к какой-либо «данности», но и не противостоит

ей как отдельная сущность. Мудрый умеет соотносить внешние обстоятельства с внутренней полнотой бытия и поэтому не подвергает себя риску. Он «смиряет свой свет»; от света физического восприятия восходит к внутренней просветленности духа. Отношения между внутренним светом и его внешними отсветом подобны отношению матери и ребенка, который, выйдя из материнского чрева, стал самостоятельным, но в известном и даже. скорее, наглядно буквальном смысле, являет собой продолжение материнского тела. Наша мать всегда с нами, но к ней можно только вернуться. Мудрость и состоит в знании того, что все явленное есть дитя своей матери. Дитя происходит от матери, но и мать бесконечно уступает себя ребенку и не имеет самостоятельного бытия. Одно преемственно другому в самоуступлении и в нем сокровенно продолжается. В даосской традиции боевых искусств. в частности, принято возводить нормативные позы и движения, имевшие боевое применение, к их общему истоку – так называемой «материнской фигуре», знаку онтологического состояния. Открытие несказанной глубины «материнства» в жизненном опыте не дает знания и связанной с ним пользы. Вернее, оно приносит только одну пользу: оно дает ясную, как день, уверенность в причастности к подлинному в жизни, каковым может быть только вечнопреемственность в метаморфозах. Это равнозначно пределу духовной чувствительности или сердечного бодрствования как умению различать «мельчайшее», «утонченнейшее» в жизненном опыте – пустоту немыслимо короткой дистанции, вездесущее различие, которым держится все изобилие жизни. Речь идет и о прозрении грани между внутренним светом и внешним отсветом. Мудрый вмещает в себя мир, ясно сознавая свою непричастность к нему.

Имей мы хоть толику знания, то, идя Путем, Боялись бы только сбиться с него. Великий Путь так ровен, так широк, Но людям нравятся кружные тропы.

Палаты царские так чисто прибраны, Поля же заросли бурьяном, житницы пусты. Носят узорные шелка, на поясе мечи, Вкусно едят, дома набиты добром.

Распутство! Распутство! А вовсе не Путь!

Мудрость приносит довольство. Но жажда чувственного удовольствия губит мудрость, потому что она делает человека бесчувственным к тому, что происходит вокруг него. Вот главный урок для моралистов: неотступное, лишенное всякого пафоса блюдение своей духовной чистоты само по себе способно сделать человека более нравственным, чем самые громкие речи в защиту добродетели. «Для чистого все чисто», ибо он в своей душевной искренности открыт миру и тем... спасается! Чувствительность чистого духа дарит нам живую связь с миром, в которой пребывает вечноживая событийность. И, конечно, не позволяет смотреть на мир хищным взглядом. В литературе древнего Китая едва ли отыщется еще один образец столь же страстного и искреннего обличения аморальности тех, кто использует свою власть в корыстных

целях. Людям свойственно отходить от всеобщего ровного пути, потому что они руководствуются субъективным, корыстным расчетом. Но и мириться с этим нельзя. Пафос опрощения у Лао-цзы проистекает не из рациональных соображений и даже не из желания научить людей быть добрее и лучше, а из глубоко вошедшего в сердце, совершенно органичного неприятия всякого излишества и фальши. Только тот, кто умеет довольствоваться необходимым, в полном смысле нравственен. Необходимо же человеку только одно: быть в Пути. Все прочее — излишество, которое развращает и влечет к гибели.

Того, кто хорошо стоит, нельзя столкнуть. Тот, кто хорошо хранит, ничего не потеряет. Того потомки не перестанут чтить вовек.

У того, кто это пестует в себе, совершенство будет подлинным. У того, кто это пестует в семье, совершенство будет преизобильным. У того, кто это пестует в селении, совершенство будет вечным. У того, кто это пестует в царстве, совершенство будет безбрежным. У того, кто это пестует в мире, совершенство будет всеобъемлющим.

А потому в человеке прозревай всех людей.

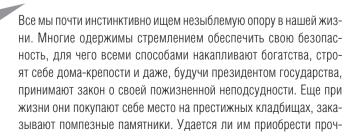
В семье прозревай все семьи,

В селении прозревай все селения.

В царстве прозревай все царства.

В мире прозревай все, что есть мир.

Откуда я знаю, что мир так устроен? Благодаря этому.

ное основание в жизни и благодарную память потомков? Конечно, нет. Их деньги растаскивают, их дома переходят в чужие руки, их памятники стоят заброшенными. А все потому, что они жили только для себя.

«Совершенствование узрения» - так определена тема этой главы в даосской традиции. Узрения чего? Ответ не приходит сразу. хотя угадывается мгновенно: совершенствуя свое духовное видение, мы прозреваем свое совершенство. Звучит почти как тавтология, но в ней есть глубокий смысл. Начальные афоризмы главы хорошо демонстрируют «утонченность» писательской стратегии даосского патриарха. Они исходят из здравого смысла и житейской мудрости, полагающей, что величие человека отмерено его посмертной славой и благодарностью потомков. Переходя к рефлексии, мы понимаем, что речь идет не о предметах физического мира, ибо любой из них можно столкнуть или перенести при наличии точки опоры и достаточной массы. Потом мы догадываемся, что абсолютное укоренение не означает укорененности, а абсолютно надежное хранение не требует замков и сейфов. Как раз наоборот: только тот, кто оставит себя, приобретет не только себя, но и весь мир и, следовательно, пребудет вечно.

Вообще-то мудрец Лао-цзы видит мир в момент его творения, когда все еще только начинает начинаться... Когда еще нет ни письма, т.е. установленных смыслов, ни дорог, ни законов, ни даже привычек. В таком случае люди могут жить только чистой актуальностью происходящего и, значит, вольно наслаждаться жизнью. Вот тут-то выясняется, что люди имеют самую прочную опору в жизни и самую тесную связь между собой и даже разными поколениями именно тогда, когда не имеют ни образов прошлого, ни «видов на будущее». Что же связывает здесь людей? Не что иное, как единичность начала, взаимная открытость конечных существ в зиянии бытия как самоотсутствия. Всего прочнее люди связаны как раз тем, чего у них нет. Вот так мудрый обретает одну «незыблемую опору», одну меру познания вещей в мире, каковая есть чистая сообщитель-

ность всего сущего, всеобщее самоуподобление в «таковости» бытия. Мы говорим: «зазрение совести». Прекрасное выражение. Этическая точка зрения и есть такое запредельное зрение, зрение из-за горизонтов видимого. Оно требует метанойи, превосхождения ума. Давая всему быть тем, что оно (не)есть, мудрый сам не перестает быть в мире и быть (не)собой. Есть истина жизни, в которой все люди равноценны и достойны друг друга. Даосское «недеяние» – подлинное условие реального, т.е. живого, непосредственного общения. Не будем забывать, что именно ритуальная практика, преемствование опыта в поколениях – опыта родового самоосознания в конечном счете! – были главным источником вдохновения и стимулом духовного совершенствования для основоположников китайской традиции. Последовательное расширение предмета знания от своего жизненного опыта до жизни мировой на этом пути самоосознания напоминает процесс совершенствования мудрого, описанный в конфуцианском каноне «Великое Учение». отчего некоторые исследователи усматривают здесь влияние конфуцианской мысли. Правда, в конфуцианстве различные ступени предполагают и разные перспективы видения мира, тогда как Лао-цзы говорит об универсальной этической мере, и это, конечно, «таковость» бытия. Эта абсолютная мера морали сама по себе... безмерна. Назвать ее можно только безликим словом это, которое у даосского автора служит ничего в сущности не обозначающим знаком предельной конкретности. Таков ответ Лао-цзы на главный вопрос этики, произнесенный Гельдерлином: «Есть ли мера на Земле?» Лао-цзы – оптимист. Он считает, что можно быть нравственным и не формулируя свои нормы, свою меру нравственности. Для него все решает искреннее доверие к жизни.

Тот, кто хранит в себе глубину совершенства, Подобен новорожденному младенцу: Ни скорпионы, ни осы, ни змеи его не ужалят, Хищные птицы н дикие звери его не схватят. Его кости мягки, мышцы нежны, а хватка крепка, О соитии полов не знает, а мужская сила в нем есть — Ибо семя в нем пребывает сполна. Целый день кричит, а не хрипнет — Ибо согласие в нем не имеет изъяна.

Полнота согласия означает «быть в постоянстве». Знать постоянство — значит «стоять в свете». Кто хочет прибавить к жизни, тот навлечет несчастье. Кто умом напрягает силы жизни, тот надорвется. А кто кичится своей силой, быстро ослабеет. Вот что значит «противиться Пути». А кто противится Пути, долго не живет.

Вновь перед нами тема совпадения внешнего и внутреннего, духовного и материального в просветленном (не)видении. А путь к такому совпадению — полное духовное расслабление, высвобождающее внутреннюю мощь жизни и, как говорил Ницше, «великий разум» тела. Простейший пример: глаз закрывается перед соринкой прежде, чем сознание ее заметит. А дух, искушенный в расслаблении, еще и методически воспитывает чувствительность тела. Как гласит афоризм учителей тайцзицюань, «сначала в со-

знании, потом в теле». Расслабление, по Лао-цзы, вскармливает «полноту согласия жизненной энергии». в которой мы реально сопричастны мировой гармонии Пути. Все это означает, что мы все узнаем, когда отказываемся от знания. А поучительным примером для такого «переворота ума» может служить младенец воплощенное незнание. Реакции и рефлексы новорожденного совершенно непроизвольны и свободны от диктата самосознания. Младенец не отделяет себя от мира и свободен от бремени собственного «я». Даже его крик не несет в себе негативных эмоций – он лишь свидетельствует о естественной потребности. Отсутствие рефлексии устраняет все преграды для свободного и гармоничного проистечения жизненной силы, как предопределено природой. Такая свобода раскрывает во всей полноте врожденный «разум жизни»: младенец способен «понимать» свою мать, даже не имея никакого понимания о мире. Именно младенец есть самый человечный человек, ибо он способен всегда быть самим собой. ничего о себе не зная, не имея в себе ничего «слишком человеческого». Слова французского философа Ж.-Ф. Лиотара читаются как комментарий к этому речению Лао-цзы: «Лишенный речи, не умеющий стоять прямо, не имеющий устойчивых интересов и неспособный вычислять свою выгоду младенец воистину человечен, потому что он огорчает глашатаев и предвещает все возможное». Но это еще не все. Младенец – образец необыкновенной цельности духа. Вот тут выясняется, что люди устают не потому, что много двигаются, говорят или думают, а вследствие постоянной раздвоенности своего сознания. Нет более тяжкого бремени, чем бремя человеческого лицемерия, потому что его невозможно сбросить волевым усилием. Только сон, освобождающий душу и тело от борьбы воли и чувства, – и прежде всего внутренней борьбы с самим собой! - приносит настоящий отдых. Поэтому к жизни, утверждает Лао-цзы, нельзя ничего «прибавить», ее можно только освободить. Не пытайтесь воздействовать на жизнь. не ищите «настоящей» жизни. Можете быть уверены: результат

будет обратным ожидаемому. Тот, кто хочет привнести в мир гармонию, должен сначала сам стать гармоничным. Это значит: научиться уступать и в конечном счете — *отсутствовать* в себе, постоянно изменяться даже по отношению к самому себе. Напротив, тот, кто стремится силой овладеть жизнью, с неожиданной для себя быстротой лишится сил, ведь он хочет найти им и всей своей жизни какое-то самовольное и, значит, неестественное применение. К разговорам про героическое действие нельзя не относиться с подозрением. Это чаще всего или подростковая фантазия, или соблазн от расчетливого интригана. Вывод прост: не слушай других, но живи даже не «своим умом», а своим животом в смысле: средоточием своей жизни.

Знающий не говорит, Говорящий не знает.

Завали дыры, Затвори ворота, Затупи острые края, Развяжи узлы, Смири сияние, Уподобься праху. Вот что зовется «сокровенным подобием».

Посему нельзя его обрести и быть ему родным; Нельзя его обрести и быть ему далеким. Нельзя его обрести и ему угодить; Нельзя его обрести и ему навредить. Нельзя его обрести и его возвеличить, Нельзя его обрести и его унизить. Вот чем оно ценно в мире.

Лао-цзы любит скрывать свою мудрость за чередой парадоксов, смахивающих на литературную игру, но иногда он откровенно изрекает оглушительную правду: если хотеть что-то понять в этой жизни, закройте глаза и заткните уши, устранитесь из мира до полной неприметности и, следовательно, наполните мир собой, станьте миром *сами*. Вот лучший способ обеспечить свою безопасность. Как это сделать? Очень просто: отбросить все лишнее,

вернуться к истоку существования. Перестаньте быть кем-то, чтобы открыть себе все возможности, все жизненные пути. Станьте как новорожденный младенец, который не имеет своего разума, зато чуток к бессознательному разуму самой жизни. Теперь Лао-цзы добавляет новый штрих: мудрый «не говорит» или. лучше сказать, он потому и мудр, что умеет говорить, не говоря, или попросту не-говорить. Будем помнить, что для Лао-цзы речь есть прежде всего приказ. В действительности знаменитая максима даосского патриарха означает лишь то, что слово мудрого, облекаясь в плоть письмен и звуков, тотчас освобождается от своего общепонятного значения, как бы рассеивается и тает, выявляя неисповедимую глубину осмысленной речи. В этом состоит утонченность его речи. Слово Пути есть пустота – смысл как самое зияние бытия. В нем все развеивается. Поистине, осмысленная речь есть среда «благорастворения воздухов». Как часто отмечали китайские комментаторы, эта речь обнаруживается там, где «и говорение, и молчание исчерпывают себя». Если верить Клоделю, подчеркивавшему безличный характер китайского письма, то надо признать, что классическая китайская словесность отлично усвоила наставления Лао-цзы (или Лао-цзы отлично усвоил природу китайского письменного текста). Мудрый с большой радостью «погребает себя в миру», ибо не просто отдается мощи жизни, но именно раскрывает ее, дает ей путь.

Государством управляй прямо, На войне применяй хитрость. Посредством же бездействия завладевай Поднебесной.

Отчего мне известно, что это так?

Вот отчего:

Чем больше в мире запретов, тем люди беднее.

Чем больше народ соображает, тем больше в царстве смуты.

Чем больше в народе мастерства и сноровки, тем больше безделиц.

Чем больше в стране законов и указов, тем больше разбойников.

Посему премудрые люди говорили:

Я не действую, а люди сами становятся лучше,

Я привержен покою, а люди сами себя выправляют,

Я не вмешиваюсь в дела, а люди сами богатеют,

Я не имею желаний, а люди сами привержены простоте.

Человеческая деятельность всегда включает в себя как нормативные, предписанные правилами или обычаями действия, так и действия неординарные, новаторские, не освященные авторитетом традиции, но эффективные. В кругу своих людей лучше следовать принятым нормам, в противоборстве с врагом допустимо и даже необходимо применять хитрость и обман. Притом честность неизбежно порождает хитрость. Но мудрость Лао-цзы — это действие «в свете всеединства сущего», своего рода «тотальная практика», которая превосходит противопоставление правила и новаторства

и вообще несводима к тому или иному предметному действию. Ее принцип – предоставить каждому пространство его жизненного произрастания, позволить всему сущему претворить себя. Еще короче: не делать, а быть. Эта «бытийная» и потому неизбывная, вечносущая деятельность не имеет ни субъекта, ни объекта; она есть непроизвольный процесс, неконтролируемое свершение, всеобщая соотнесенность и чистая сообщительность, в которой все передается, но никто никому ничего не передает. Даосская традиция утверждает, что мудрость «безделья» взращивается долгими годами медитации.

Когда власть беспечна, Народ благоденствует. Когда власть придирчива, Страна в запустении.

Беда — вот где счастья опора, Счастье — вот источник беды. Кто знает, где их предел?

Нет ничего навек «правильного».
Правильное станет неправильным,
Доброе станет худым,
И люди пребывают в заблуждении с давних пор.

Вот почему премудрый человек Непреклонен, а ничего не задевает, Отточен, а никого не ранит, Прям, а не идет напролом, Ярко сияет, а никого не слепит.

В круговороте событий нет такой позиции, которая открывала бы единственно правильный взгляд на мир. Значит ли это, что в жизни нет ничего достоверного? Людские мнения, как легко убедиться, не обязаны соответствовать действительности. Но в вечной карусели жизни есть какое-то подспудное течение, некий сокровенный исток вещей — то, что делает правильное воистину правильным. Такую

правду как раз невозможно предъявить всем в виде объективной и доказательной истины. Видимая неразумность может оказаться глубочайшей мудростью, а с виду убедительное мнение – хорошо замаскированным предрассудком. Есть прямота более глубокая и действенная, чем внешняя честность. Чуждый условностям благочестия, мудрец внушает миру благоговение перед праведностью. потому что его совершенство пронизывает всю толшу жизни и служит не ему лично, а всем людям, ведь он сумел изжить в себе свое корыстное «я». Он держится внутреннего средоточия круговорота бытия и каждое мгновение возвращается, и притом непроизвольно. к правде своей жизни. В наследовании Неизбывному мудрый покоен, доволен и непринужденно радушен. Восприимчивый к незапа*мятной* древности, он способен жить *забытым будущим* и предвосхищать явления мира. Оттого же он не отделяет смерть от жизни: он принимает величие того и другого. Он несгибаемо тверд в своей позиции, но ему внятно все, и он с каждым умеет быть вместе. А теперь поставим рядом с ним более привычную нам фигуру моралиста-администратора, который мечтает насадить (по-другому он не умеет) в обществе добрые нравы и преданность государству. Можно не сомневаться, что результат будет прямо противоположен ожидаемому. Одна истина в мире не знает исключений: невозможно насильно сделать человека свободным и добрым. И чем настойчивее власти внедряют в общество добродетели, тем слабее общественная мораль. Чем больше в государстве законов, тем больше в нем преступлений. Государство просто неспособно воспитать в людях мораль. Не тот инструмент, не та сила. Мертвое не может повелевать живым. Бесполезно бороться со злом законами, потому что законы всегда можно обойти. На то они и законы.

Итак, серьезная мудрость Лао-цзы оборачивается веселыми парадоксами политики: результат действий правительства никогда не совпадет с поставленными целями, а сплошь и рядом оказывается прямо противоположным желаемому. Одного этого достаточно для того, чтобы учредить в государстве «недеяние»... если бы только это было можно сделать законодательным путем!

В управлении людьми и служении Небу
Нет ничего лучше, чем быть бережливым.
Кто умеет беречь, тот первым изготовится.
Изготовиться первым означает копить Совершенство.
Кто умеет копить Совершенство, тот все превзойдет.
Кто все превзойдет, явит всем беспредельность.
Кто живет беспредельным, достоин царством владеть.
А кто владеет матерью царства, тот будет жить долго.

Вот что такое «глубокий корень, прочная основа», Это Путь вечной жизни и долгого взгляда.

Наблюдения над трудом земледельца подарили Лао-цзы один из самых самобытных, емких и глубоких образов его книги: образ сбережения жизни ради ее роста и продолжения. Подобно тому, как бережливое отношение крестьянина к семенам и посевам, приносит богатый урожай, бережное отношение к собственным жизненным силам, непрерывное бодрствование духа — начало всякой морали, но также высший плод любой религии — вознаграждается долгой и счастливой жизнью.

Этот целиком рифмованный пассаж, уже по форме своей предстающий как бы образом одного неистощимого духовного порыва, сообщает о непрерывном накоплении добродетели, т.е. духовном постоянстве мудрого, которое устремлено к всеединству бытия и потому не имеет пределов. Для идущего Великим Путем вся жизнь — как один день: она пронизана одним чувством, одним стремлением, одним дыханием, одним безотчетным, но вечно памятуемым и потому вечно

предвосхищаемым порывом. Этим постоянством «длинной воли» вырабатывается наш характер, наша неповторимая индивидуальность, даже наш облик и манеры. В нем – вся наша цельность и ценность, проистекающие из толщи самой жизни. Да, жизнь вырастает из нее самой: это факт не только биологии, но и духовного опыта. А корень жизни в нас – наша всеобщность «сокровенного подобия». Первостепенное значение для нас имеют наши связи и отношения с другими людьми, а лучшим в себе мы обязаны дружбе и любви. До того. как стать «индивидом». Мы уже вовлекаемся в стихию всеобщей сообщительности. Мудрый живет ею и бережет ее, ведь она – питательная среда нашей духовности. Такого человека следует назвать мудрым потому, что способность выделывать, выращивать себя посредством общения с миром нельзя приобрести в один присест простым усилием воли — ее надо накапливать по капле, день ото дня, одновременно теряя – тоже по капле – свою себялюбие и гордыню. Накопление без накопления – вот имя для постижения вечнопреемственного, извечно возобновляемого в нашей душе. Такое возделывание себя в самом деле подобно хозяйствованию на земле: труд тяжелый, а плоды его появляются нескоро и часто скудны. Но только такой труд доподлинно соединяет людей, только благодаря ему человек может приобрести истинный авторитет. В этом всеобщем «сбережении» («сбережение Пути» – традиционное название главы) больше всего нужно остерегаться отождествления своего дела с каким бы то ни было предметным занятием. Жить «бережно» означает не скопидомство, а способность не иметь ничего лишнего, сберегать одно истинносущее, т.е. открываться бездне самоотсутствия в себе. Вспомним одно из предыдущих изречений Лао-цзы: тот, кто хорошо стоит, живет не сам в себе, а в благочестии своих потомков и более того: в изобилии родовой жизни. Оттого же он обретает способность предвосхищения событий. Вот подвижничество, благодаря которому мы прикасаемся к вечности и преображаем тяжелый земной труд в небесную радость «недеяния». Благодаря ему мы приобретаем всеобщее уважение, потому что, живя доподлинно вместе с другими, открываем для всех перспективы творческих метаморфоз и сами благодаря другим людям этим перспективам открываемся.

Управлять большим царством – все равно, что варить мелкую рыбку.

Если мир упорядочивать посредством Пути, Злые духи лишатся власти над душами. Не то, чтобы в них не было духовной силы, Но их сила не сможет больше вредить людям. И не только их сила не будет вредить людям, Но и премудрый человек не будет вредить им. Коль эти оба не будут причинять вред, Их совершенства сойдутся и в себе упокоятся.

Чем больше мы стараемся свести разнообразие жизни к одному всеобщему порядку, чем настойчивее ищем формальное единство вещей, тем более чуждым и враждебным кажется нам окружающий мир. Мы хотим быть в безопасности и точно знать, кто мы такие, а ради этого отворачиваемся от всего непонятного и странного в нашей душе только для того, чтобы в конце этого пути к разумной жизни обнаружить, что мы окружены сонмом устрашающих призраков. Верно заметил Честертон: «Безумен не тот, кто лишился разума, а тот, кто лишился всего кроме разума». Безумие и бесовщина таятся внутри самоуверенно-благодушной рациональности. Странно, но факт: разумность, такая понятная в частностях, в масштабах целого создает нечто совершенно неудопонимаемое и даже чудовищное. Но как раз поэтому нет ничего удивительного в том, что современная цивилизация — этот настоящий триумф технико-административного разума — выпустила на свет полчища демонических сил, преследующих и даже, можно

сказать, терроризирующих «цивилизованное человечество», питаюших его многочисленные фобии. В таком обличье возвращается к людям действительность их психики, изгнанная в область неразумного и запретного «иного». Лао-цзы напоминает – и его напоминание более чем когда-либо уместно сегодня – о том. что подлинное единство бытия есть полнота разнообразия. Хороший политик должен прежде всего уметь, как врач, не навредить. Его мудрость заключена в его мягкости. Он умеет примирять людей и демонов - демонов их сознания - посредством великого смирения и деликатной уступчивости, которые составляют два измерения – внутреннее и внешнее – «сбережения сущего». Предоставляя свободу естественному течению событий и не позволяя вмешиваться в него другим, он дает всему быть и тем самым, как ни странно, указывает каждой вещи ее действительное место. Поистине, мы становимся теми, кто мы есть, лишь находясь в гармонии – по сути, неизмеримой – с другими. Не будет счастья там, где люди неспособны увидеть в другом человеке брата и сподвижника. В своей несоизмеримости с другими мы живем одновременно сами по себе и вместе с миром. Счастье дается, и притом полной мерой, или всем, или никому. Всеобщая же мера добродетели есть умиротворенность и смирение. Оно же жизнь в мире с миром. И кто сможет, да и просто будет пытаться тогда отличить небес-ное от земного, ангельское от человеческого?

Большое царство — как низина, куда стремятся воды: Средостение мира, Сокровенная Родительница мира. Самка всегда одолеет самца покоем, и, покоясь, пребывает внизу.

Посему большое царство возьмет малое, если будет ниже него, Малое царство все получит от большого, когда поместит себя ниже его. Вот так себя ставят ниже, чтобы взять, И, стоя ниже, все получают.

Большое царство хочет только объединить и пестовать других, Малое царство хочет только примкнуть к другим и им послужить. Чтобы те и другие смогли получить то, что хотят, Большому царству подобает быть внизу.

Глава примечательна очень убедительным, органичным согласованием понятий из области природного мира, метафизики и дипломатии: стремление воды вниз и к состоянию равновесия соответствует способности самки доминировать в любовных отношениях, находясь ниже него (речь может идти одновременно о любовном соитии и совместной жизни), а подобное сцепление в свою очередь соответствует природе Великого Пути и может служить основой межгосударственных отношений. Несомненно, в этой главе мы встречаем отклик на политическую обстановку в конце царствования Чжоу — эпоху обострившегося соперничества между отдельными царствами, что сопровождалось поглощением более слабых и мелких уделов их могущественными соседями. От такого мысли-

теля-отшельника как Лао-цзы менее всего можно было бы ожидать интереса к дипломатии. И тем не менее патриарх даосизма выступает в качестве автора оригинальной и потенциально очень эффективной концепции дипломатии, согласно которой суверенитет государства обеспечивается его способностью к адекватному взаимодействию с другими государствами. Позиция Лао-цзы предлагает преобразить жестокий мир Realpolitik. где государства оцениваются исключительно по их силе. в состояние «вечного мира». Для этого нужно воспользоваться только естественной потребностью человека в сообщительности, которая, помимо прочего, предстает игрой, игровым отношением к действительности. Дипломатия и сама носит характер игры: она основывается на взаимном обмене жестами уважения. Лао-цзы предлагает сделать этот обмен реальным, подкрепив его и тем, что сегодня называют символическим капиталом социальности и, собственно, материальными ресурсами. Таково значение политики и прежде всего в ее межгосударственном измерении.

Самоумаление, проповедуемое в данном фрагменте, есть необходимое условие человеческого общежития, нравственно ценной жизни. Оно составляет сущность социальных ритуалов. Хотя исповедуемый Лао-цзы принцип отношений между силами разной величины действует единым для всех случаев способом – церемониальной учтивостью, избеганием конфронтации, его реальная подоплека может быть разной. Большому царству он позволяет «брать» самому, а маленькому – «получать от других», пользуясь их расположением. Для этого есть только одно и притом совершенно реалистическое условие: политика должна определяться существующей иерархией сил. Если, согласно Лао-цзы, бытие есть событие и в конечном счете сама событийность вещей, а жизнь, по своей сути, - это чистая сообщительность, причем то и другое обладает осью возрастания качества или различными ступенями совершенства, то даже союзы государств, как и союзы людей, вполне естественны и служат интересам как сильных, так и слабых партнеров. Обратим внимание, что Лао-цзы предлагает способ приведения межгосударственных отношений к некоему устойчивому равновесию, к всеобъемлющей гармонии, определяющей «экологическую нишу» каждого существа (государства). Здесь снова становится ощутимой соматическая и даже биологическая подоплека его рассуждений. Не удивительно, что в собственно даосской традиции данная глава толковалась как руководство по взращиванию эликсира вечной жизни: «течение вод вниз» отождествлялось с собиранием жизненной энергии в нижнем Киноварном Поле, взаимная конвертация дружбы и силы между большими и малыми царствами соотносилось с отдельными моментами циркуляции жизненной энергии в организме и т.д.

Путь для всех вместилище царское. Добрым – сокровищница, недобрым – убежище.

Красивое слово можно продать. Славный поступок заслужит похвалу. Если кто-то недобр — зачем его отвергать?

Посему, когда восходит Сын Неба или жалуют Трех Князей, Не подносите им жезлы из яшмы, четверки коней. Лучше, покой блюдя, вручите им этот Путь.

Древние ценили этот Путь — что же он такое? Разве не сказано: «Кто ищет с ним, тот обрящет, Кто провинился, тот, имея его, уцелеет»? Вот почему его ценили в мире.

Хотя эта глава выглядит несколько невнятной, и ее текст, возможно, испорчен, некоторые важные мотивы извлечь из нее нетрудно. Лао-цзы в очередной раз утверждает, что Путь и без долгих объяснений интимно внятен и понятен каждому, ибо он есть точка притяжения всего сущего, тайное упование всех людей. Этот путь — царский и потому способный облагодетельствовать каждого человека. Для стяжавших духовное разумение он — подлинное богатство их жизни, а безрассудным он приносит как бы чудесное спасение. А все потому, что он и есть внутренняя разумность жизни, которая никогда не оставляет даже самого злого и заблудше-

го человека. Поэтому его нельзя не чтить, как чтут общего предка рода, и, как общий предок, он вмещает в себя жизнь всех его членов или, точнее, дарует им эту жизнь, ибо предваряет, предвосхищает все на свете. Он любезен каждому, потому что в нем мы живем вместе, не будучи связаны правилами и обязательствами. Недаром в китайской традиции прозрение сравнивается с тем, как мы «встречаем отца на людной улице: нет нужды спрашивать других, не обознались ли мы». Поистине, даже самый отъявленный злодей имеет родителей, которые не перестанут любить его. Выраженный в слове или воплощенный в поступке, Великий Путь без уговоров и посулов привлекает к себе весь мир. Обретаемый даром, он несравненно более ценен, чем дорогостоящие регалии и церемонии, удостоверяющие власть, ибо он делает мудрого правителем всех, даже самых недостойных людей, позволяет каждому быть на своем месте и никого не отвергает.

Итак, наследующий истине жизни не отвернется даже от негодяя, и тот же негодяй, как бы ни упивался он своим злодейством, не сможет отойти от всеобщности Пути (в оригинале оба этих суждения блестяще высказаны одной фразой). Лао-цзы — великий проповедник абсолютного добра: он говорит о любви, которая присутствует даже там, где царит рознь и ненависть. И поступает так Лао-цзы не потому, что он «верит в человека» и претендует на звание великого гуманиста. Освобожденное проистечение событий само все искупляет, в нем даже все чрезмерное и ошибочное не несет наказания, а только «удерживается» в полноте своего бытия. Зато отсутствие мести гасит ненависть.

Действуй, ничего не делая. Занимайся без занятости. Ищи вкус в том, что вкуса не имеет. Находи большое в маленьком и многое в малом.

На зло отвечай доблестью.
Готовься к трудностям, пока легко,
Предвидь великое в крошечном.
Все трудное в мире происходит из легкого,
Все великое в мире происходит из крошечного.
Посему премудрый человек никогда не стремится к величию —
И оттого может стать великим.

Кто легко дает клятвы, не стяжает доверия. Кто многое считает легким, будет иметь много трудностей. Вот почему премудрый человек все считает трудным — И вовек не ведает трудностей.

Гений Лао-цзы всего ярче раскрывается в тех пассажах, где его речь каскадом эффектных, дразнящих афоризмов внушает присутствие чего-то в высшей степени обыденного, безыскусного, непритязательного. Самое простое как раз более всего баснословно. Парадоксальные суждения Лао-цзы уводят в неприметное, недостижимо-глубокое течение жизни, но в конце концов рассеиваются в пустоте жизненной безмятежности. Вот, поистине, глашатай великой мудрости, которая настолько полезна и важна нам каж-

дое мгновение жизни, что ее невозможно применить в каком-либо отдельном деле! Не беда: грубость земных дел побеждается тонкостью человеческого разумения. Претворяющий Путь, конечно, не бездельничает. Он всегда действует и трудится, не имея дел и не обременяя себя трудом. Он практикует чистую работу, не оставляющую следов. Его труд есть бодрствование духа, и поэтому он всегда начеку и даже «изготавливается прежде других», ибо видит мельчайшие семена событий, познает явления прежде, чем они обретут внешнюю форму, предвосхищает... весь мир. Его добродетель покоряет мир не силой жертвенности и тем более принуждением, а просто потому, что, слившаяся с первозданной мощью самой жизни, она предупреждает всякое насилие, рассеивает агрессивность до того, как она станет осознанной силой.

Люди в мире почитают все «великое» и презирают все «ничтожное». Великий парадоксалист Лао-цзы не упускает случая посмеяться над тшетой людских притязаний на роль разного рода «деятелей» – притязаний, которые, кажется, не имеют под собой никакой почвы, кроме умственной лени. Но он предлагает не «переоценивать ценности», а превзойти их или, точнее сказать, вник-НУТЬ В НИХ, ВЕРНУТЬСЯ К ИХ ИСТОКУ: ТОТ, КТО УМЕЕТ ВИДЕТЬ ВЕЛИКОЕ в малом, развивает в себе ту необыкновенную духовную чувствительность, то «упреждающее понимание», ту цельность сознания, без которых не может быть и «бережного», можно даже сказать, нежного отношения к бытию. Храня всеобъемлющее беспристрастие и покой сердца, а потому не имея узнаваемых свойств, своего ограниченного мнения. мудрый доходит до постижения изначальных, непостижимо малых *завязей* вещей и... становится ни на кого не похожим, никому не понятным господином мира. Так он обеспечивает свою безопасность в мире именно потому, что способен ответить на зло, т.е. агрессию, насилие, даже прежде, чем они проявятся. Вместо сентиментальной жертвенности перед нами, скорее, стратегический расчет, но расчет, движимый любовью и пониманием.

Мудрец Лао-цзы вовсе не примитивен: его «пресное» присутствие знаменует на самом деле предчувствие, обещание всякого аромата. Гурман бежит от крепких запахов, а меломан — от громких звуков. Наибольшее удовольствие доставляют предельно-тонкие, недоступные профану ощущения. Оберегая неизмеримое, мудрый следует безмерности любви и не высчитывает меры своего отношения к миру, не имеет критериев для оценки поступков. Внутреннее совершенство — вот его единственная, и абсолютная, этическая мера. Это мера работы, врабатывания, скрупулезного вникания в состав своего опыта. Мудрый умеет проследить генеалогию чувств и представлений. Он присутствует при рождении мира и знает, как завязывается и развертывается цепь явлений.

Наследование как прослеживание: работа удержания силы жизни, делающая существование в мире подлинно радостным. Лао-цзы не был бы китайским патриархом, если бы не прославлял добродетель труда в его высшей форме: как внутреннего, вечно незавершенного погружения сознания в себя. А результат этой Одиссеи — опознание в каждом мгновении существования, в каждом превращении бытия единства всего сущего. Найти смысл — значит смысл потерять, забыть все различия людских понятий ради одной вездесущей исключительности.

Что покоится, то легко удержать. Что еще не проявилось, то легко обойти. Что хрупко, то легко разбить. Что мелко, то легко рассеять.

Действуй там, где еще ничего не видно. Наводи порядок там, где еще нет расстройства. Дерево толщиной в обхват вырастает из крошечного ростка. Башня в девять этажей поднимается от горсти земли. Путь в тысячу ли начинается под ногами.

Тот, кто хочет исправить это, разрушит его. Тот, кто держится за это, потеряет его.

Вот почему премудрый человек не исправляет и ничего не разрушает, Ни за что не держится — и ничего не теряет.

Когда успех уже близок, люди часто теряют все. Кто в конце так же осмотрителен, как в начале, не будет знать неудачи.

Посему премудрый человек желает нежелания и не ценит редкие в мире товары. Он учится не быть ученым и возвращает к тому, что люди упустили. Он во всех вещах поспешествует тому, что таково само по себе, — и ничего не делает.

Эта глава, как подсказывают археологические находки, складывалась в течение долгого времени и в ее традиционном виде действительно представляет собой как бы маленькую симфонию, чья внутренняя законченность создается переплетением очень разных мотивов. В ней получает новое развитие тема «упреждающего понимания», главенствующая в нескольких предыдущих главах. Всегда полезно не спешить, развивать в себе оптику внутреннего взгляда, «увидеть малое как большое» и вникнуть в исток того, что происходит в самом себе, расширившимся до размеров мира. Такова практическая, и всем понятная, сторона мудрости Лао-цзы. Это вглядывание во «множество чудес» бытия, в саму жизненность жизни воспитывает особенную чувствительность духа, извечно бодрствующее или, точнее, непрестанно пробуждающееся сознание, каковое есть именно предельная полнота опыта, «жизнь преизобильная».

В этой внутренней просветленности сознания – секрет творческого потенциала духа. За видимым «неделанием», «незнанием», «отсутствием желаний» подвижника Пути таятся и особое действие, и особое знание, и первозданное, не испорченное субъективностью Желание (Чжуан-цзы говорил в этой связи об «одухотворенном желании»). Речь идет об особом усилии, даже, можно сказать, сверхусилии, которое в традиции определяется как «удержание мельчайшего». Мудрый не просто стоит на пороге бытия, но смыкается С МИРОМ, НЕОПРЕДЕЛЕННО, НО ПРОЧНО СООТНОСИТСЯ С НИМ В ЭТОМ ВЕЧно нарождающемся начале. Он поступает так из соображений скорее практических. Ибо правильно начать и, следовательно, направить ход событий и предвосхитить грядущее – значит обеспечить успех дела. «Хорошее начало полдела откачало». Дорога длиной в десять тысяч верст действительно начинается под ногами, но еще важнее понять, что она, по сути, там же и завершается. Один правильный шаг стоит всех странствий. Одно безупречное движение души выправляет целый мир.

Наш духовный путь состоит не в чем ином, как в возвращении к простейшему и мельчайшему: «Царство Божие внутри нас». Ошеломляющая истина Лао-цзы заключается в том, что всякое видимое, конечное, т.е. ограниченное, действие — это всегда ошибка, промах, и долг ответственного мыслителя — вернуться к началу всех деяний, претворить в себе, даже воплотить собой архетипический жест, держаться прототипа всех движений и наследовать ему (едва ли «схватить» его). В этом прадвижении, действенном недействии мы настолько же едины с другими, насколько отличны от них. Истинно моральная позиция. И ее мудрый «накапливает бережно». Он наращивает опыт для того, чтобы прийти к «последней простоте» вещей и понять, что вся мудрость мира — это только одна мысль, одно чувство, одно движение. Нужно прожить жизнь — не физически, конечно, а именно в реально-символическом смысле, — чтобы понять: вся вечность сходится в одном мгновении.

Наше подлинное богатство — пустота, вмещающая в себя нашу жизнь. Оттого же истинное творчество более всего чуждо торопливости и не позволяет смешивать желаемое с действительным. Все свершается «само собой», но благодаря творческому самовозрастанию духа. Вот почему «премудрый человек» Лао-цзы оказывается порукой всего сущего и даже исправления людских заблуждений. Ни за что не держась, он ничего не теряет в этом мире. А потому им держится решительно все в мире, хотя он отсутствует в любой точке пространства и в любой момент времени. Странный, но бесспорно объективный факт совершенно в парадоксальном духе даосской мудрости: опережает, «изготавливается прежде других» как раз тот, кто торопится меньше всех. Но мудрый не просто возвращается к истоку всего происходящего в мире, но и позволяет всему спонтанно «выправиться» и «идти своим чередом».

В целом глава является прекрасной иллюстрацией идеи символической матрицы существования, предвосхищающей все сущее. Тот, кто постиг этот исток жизни — эту абсолютную «таковость» бытия, — способен жить в сообщительности со всем сущим в мире, то

есть, как говорит Лао-цзы: «Соотноситься с тем, что таково само по себе в других». Чем больше мы отличаемся друг от друга, тем больше мы друг другу подобны. Поэтому мы можем дать другим свободу, именно будучи вместе с ними, живя с ними *наравне*: еще одно важное определение совершенства добродетели по Лао-цзы. Таковость как чистое событие всегда неотвратимо грядет, предвосхищается с бесспорной, оглушительной несомненностью. Но оно также есть нечто свершающееся и уже свершившееся, всегда уходящее. Событие дается нам, говоря языком даосской традиции, как собственная голова и хвост, альфа и омега. Вот почему надо быть особенно тщательным в завершении всякого дела.

В древности претворявшие Путь, Не желали с его помощью просветить людей, А применяли его так, чтобы сделать людей простодушными. Ибо людьми трудно управлять из-за их многознайства.

А потому, кто знанием управляет царством, тот вор царства. А кто незнанием управляет царством, тот благодетель царства. Кто знает эти две истины, тот для всех образец. Всегда знать образец называется «сокровенным совершенством». Сокровенное совершенство так глубоко! Простирается так далеко! Милует всех движением вспять, И так достигает Великого Пособления.

Великие умы всегда неудобны для толпы. Их безукоризненная приверженность истине пугает посредственность. Не каждый решится так твердо настаивать на том, что человечество не сможет жить счастливо до тех пор, пока не перестанет искать опору в своем инструментальном разуме и не поймет, что изощренность ума только уводит нас от истины, поскольку равнозначна забвению того, что «бытийствует в бытии». Мудрец в высшем смысле простодушен. Он позволяет сознанию вернуться к началу всякого существования, к первозданной полноте бытия и этим оказывает великую милость всему сущему. Он учит открывать нашу совместность с другими людьми как раз в том, чем не владеет никто. Разделяя с миром это «необладание», он восстанавливает в себе «чистое совершенство» (тема данной главы, согласно традиции).

Чистота исцеляет: это аскетическое лекарство возвращает людям, если они решатся его принять, радость цельной жизни духа. Жизнь в Великом Пособлении не знает утрат. Она всегда приносит успех, потому что дает возможность схватить начало явлений и превзойти раздвоенность воли. В даосской гимнастике Тайцзицюань этим словом обозначается умение следовать «глубинному импульсу» поединка, предупреждать физические движения таким образом, чтобы без видимого усилия владеть стратегическим преимуществом, действовать гладко и заставлять противника все время ошибаться.

Тот, кто постиг мудрость всеобщего «пособления». безотчетно воспроизводит символическую матрицу мира, «держит великий образ». Это означает, помимо прочего, что мы на самом деле сообщаемся по своему незнанию и не можем договориться об условиях нашего общения. Общественный договор, о котором мечтал Руссо, есть не более, чем фикция. Не потому, что он плох сам по себе: просто он никому по-настоящему не интересен. А трогает людские сердца как раз то, о чем нельзя договориться. Не надо себя обманывать: незнание для власти – что вода для рыбы. Политика – искусство не столько возможного, сколько неведомого. Но успешная политика всегда выявляет нечто интимно-внятное. Такое незнание не имеет ничего общего с темнотой и дикостью. Бодрствующее сердце (никогда не частное, всегда родовое, всеобщее) дает Пути свершиться, как мать позволяет ребенку родиться. Жизнь в Пути – это духовная синергия, сотрудничество душ. В нем есть, конечно, рефлексивное начало, некое первозданное, доиндивидуальное сознание самой жизни. Лао-цзы, знающий, что грань между добрым и недобрым нестираема, все же обращается к людям с проповедью, хотя и «бессловесной». Имеющий сердце да услышит.

Реки и моря потому могут быть господином всем горным ручьям, Что они находятся ниже всего.

Вот так они могут властвовать над всеми ручьями.

Посему, премудрый человек, желая быть над людьми,

Должен в речах своих быть ниже них.

А, желая быть прежде людей,

Должен в поступках своих быть позади них.

Вот почему премудрый человек стоит над людьми, а людям не тяжело.

Он стоит впереди всех, а людям нет ущерба.

Вот почему весь свет восхваляет его без пресыщения.

Он ни с кем не соперничает, и потому мир не может соперничать с ним.

Простая истина для каждого руководителя: не выказывать свое тщеславие, не демонстрировать свое превосходство над окружающими и тем более не унижать их даже безобидным с виду апломбом, ибо так неминуемо оттолкнешь людей от себя. Амбиции начальника — тяжкое бремя для его подчиненных. Мудрый руководитель ничего не навязывает, а просто устраняет преграды для естественного, а значит, радушного и творческого общения в коллективе. Но это означает также, что он должен уметь быть всегда другим и хотеть того, о чем ни толпа людей, ни каждый человек в отдельности даже не догадывается. По видимости уступая, он оказывается и выше, и впереди всех. Он во всяком случае живет

не для себя, кем бы он себя ни считал. Напомним: мудрый всегда мыслит и думает «наоборот». Поскольку он реально, а не на словах живет «для человечества», он делает свое дело неприметно для других. Ведь он делает не так, как хочет (ведь он «хочет не хотеть»!), а как нужно на самом деле, как нельзя не делать, поступает не по правилам, а правильно. Такое действие даже не отличается от естественного хода вешей. Но благодаря своему духовному бодрствованию, он способен всегда опережать других и возвращаться к началу всякого события. Поэтому он всегда успевает, имеет успех. Его отказ от соперничества – не скромность или робость, тем более не поза, а состояние внутреннего бдения, равнозначное забвению всего внешнего и предметного, но вовлекающее в сообщительность человеческих сердец. Не иметь своего частного взгляда, своего корыстного «я» – значит быть безбрежным, все вмещать в себя, подобно океану. Еще один самобытный и очень удачный образ Лао-цзы. Океан не только вбирает в себя все потоки (читай: все устремления) мира, но и, собирая в себе энергию мироздания, определяет мировую «погоду», весь ход мировых событий. Он, подобно самке в любовных отношениях, в своем величественном покое приводит к согласию жизненные силы. «устраивает отношения» и обеспечивает продолжение жизни. Уподобиться океану и значит жить в истине, т.е.: не принуждать, а бодрствовать, проницать действительность «вечносущим взглядом». Итак, мудрый дает всем жить так, как им живется, и поэтому способен сплотить людей, не навязывая им отвлеченных принципов и правил общежития.

Все говорят, что мой Путь велик, да как будто ни на что не годен. Да, велик – и оттого как будто ни на что не годен! Будь он на всякое годен, давно бы измельчал.

Три сокровища я бережно храню в себе:

Первое – любовь,

Второе – бережливость,

Третье – нежелание быть первым в мире.

Благодаря любви я могу быть отважен.

Благодаря бережливости, я могу быть щедр.

Благодаря нежеланию быть первым, я могу главенствовать в мире.

А быть отважным, презрев любовь,

Быть щедрым, забыв бережливость,

Быть впереди, не умея быть позади, -

Это верная гибель.

Ибо любовь приносит победу тому, кто нападает,

И оберегает того, кто защищается.

Кому Небо желает помочь, Того окружает любовью, словно прочной стеной.

Мудрость не вмещается в мнения света, великая истина так часто кажется обывателям чем-то невероятным, «несусветным». Не каждому дано понять, что нет ничего более фантастического, чем глубочайшая правда человека. Даос — именно странный, сторонний человек. Но им держится мир. Почему? Потому что поклонник

Великого Пути достаточно безумен, чтобы мир любить. Да, без безуминки нельзя жить по-настоящему. Поступки, идущие от ума и субъективных чувств, безжизненны и с какой-то неотвратимой фатальностью делают человека несчастным. У всех мыслей и действий должен быть общий корень, который делает и красивым, и успешным всякий поступок, пусть даже по виду очень странный и неразумный. Чтобы открыть в себе этот корень, нужно отречься от себялюбия и научиться любить. Любовь – двигатель праведного Пути, мать удачи и счастья. Лао-цзы – великий проповедник абсолютной любви. не знающей градаций симпатии и влияния обстоятельств, и, в сущности, лишенной сентиментальности. Это любовь, счастливо слитая со справедливостью. Самое же примечательное заключается в том. что отказ от себялюбия делает человека подлинно уникальным и притом «великим» в том смысле, что он основан на приверженности абсолютной мере нравственности. Любовь позволяет отказаться от соперничества и принять каждого в полноте его жизненных свойств. И, как мудро замечает Лао-цзы, настоящая любовь как раз и требует высшего мужества. Та же любовь, как особенно подчеркивает даосский патриарх, является подлинным основанием общественности. В ней и благодаря ей происходит все лучшее. что мы переживаем и совершаем в этой жизни. Лао-цзы говорит об обществе любви, которое, как ласковая мать, позволяет нам развивать и совершенствовать наши таланты.

Умеющий воевать не воинствен.
Умеющий сражаться не дает волю гневу.
Умеющий побеждать не выходит на бой.
Умеющий управлять, ставит себя ниже других.
Вот что значит совершенство миролюбия.
Вот что значит уметь быть с людьми.
Вот что значит сподобиться Небу, вершина древности!

Быть мудрым – значит внимать беззвучному гласу высшей гармонии, позволяя раскрываться внутреннему совершенству каждой вещи Совершенство мудрого подобно благотворному воздействию природных сил, которое незаметно, но непрестанно питает все живое и одолевает всякую вражду. Ключевое слово этой главы – «сподобиться Небу». Речь идет о возвышающей причастности всеединству, каковая делает возможными и великое смирение, и великую любовь. Все это означает одну простую вещь: мудрый руководитель ничего не навязывает подчиненным, а напротив, предоставляет им все возможности сполна раскрыть свои таланты. Если они одержимы какой-то идеей, он открывает перед ним новые горизонты. Он любовью одолевает противоборство и притом так, что всегда оказывается в выигрыше. Он не просто разрешает всем быть, но всех разрешает. Соединение нравственной проповеди и гарантии успеха, союз духовного бодрствования и стратегической прозорливости выглядят, по меньшей мере, странно с западной точки зрения. И, однако же, то и другое совершенно органично для мировоззрения даосского патриарха.

У знатоков военного дела есть суждение:

«Не смею быть хозяином, лучше буду гостем. Не смею продвинуться на вершок, лучше отступлю на шаг» Это называется: «выступать, не выступая»,

- «Закатывать рукав, не показывая руки».
- «Держать в покорности, не применяя войск».
- «Побеждать, не воюя».

Нет большего несчастья, чем презирать противника Кто презирает противника, тот разбрасывает мои сокровища.

Посему, когда сошлись равные по силе рати, Кто скорбит, тот одержит победу.

Не нужно забывать, что Лао-цзы — один из патриархов китайской военной стратегии. Но это, без сомнения, самый мудрый и даже, как ни странно, самый практичный патриарх, которого интересуют не военные триумфы и даже не техника достижения военной победы, а загадочные, даже парадоксальные законы противоборства, приносящие победу тому, кто знает о «трех сокровищах» жизни, а потому умеет уступать, сдерживать себя и... любить. Любить даже своего врага и притом не из каких-либо метафизических или сентиментальных, а в своем роде совершенно практических соображений. Интересно, что для Лао-цзы относиться к противнику как к противнику означает всегда недооценивать его. Почему? Не потому ли, что конфронтация неизбежно предполагает и самолюбование, стремление, пусть бессознательное, принять же-

лаемое за действительное? Надо признать, что позиция Лао-цзы резко противоречит европейским привычкам ведения войны. Но справедливость суждений даосского мудреца даже и для реального противоборства подтверждается, помимо прочего, старинной поговоркой китайских мастеров кулачного боя, гласящей: «Наноси удар так, словно целуешь женщину». Во всех случаях победит тот, кто более чувствителен. А тот, кто чувствителен в делах войны, не может не скорбеть. Но откуда же появляется эта чувствительность? Из особого отношения к миру, которое у Лао-цзы обозначается термином «отсутствие», «небытие» (у), а по сути требует обостренного бодрствования или, если угодно, любовного внимания к происходящему вокруг. Речь идет о способности целостного и бодрствующего, т.е. трансцендирующего сознания к своеобразному распредмечиванию, развоплощению всех форм и понятий. Говоря языком даосских мастеров боевого искусства, нужно достичь состояния, когда «Я — не Я, а ОН — не ОН». В этой несчислимой символической глубине, лежащей между вещью от не-вещью, мудрый обретает возможность предвосхищать явления и быть в безопасности. Его победа куется в бытийственной «утонченности», в истоке бесконечно-малого различения в своем роде вездесущего.

Позиция Лао-цзы станет для нас яснее, если мы будем различать действие и то, что можно условно назвать чистой практикой. Действие субъективно, предметно, доступно объективации и классификации, но возводит непреодолимую границу между нашим «я» и миром и потому в конечном счете делает человеческую жизнь трагедией. Чистая практика, как уже говорилось, распредмечивает мир, растворена в чистой текучести опыта и обращена на «мельчайшее», т.е. чистое различие, в нашем восприятии. Действие и практика несоизмеримы. Герой, живущий действием и жаждущий победы, никогда не будет соперником для мудреца, предающегося безначальной и бесконечной практике, каковая и есть Великий Путь мироздания.

Мои слова очень легко понять И очень легко исполнить. Но никто в мире не может их понять, Не может их исполнить.

Мои слова имеют предка, Мои дела имеют государя. И оттого, что люди этого не понимают, Они не понимают и меня.

Если тех, кто понимает меня, мало, Значит, во мне есть что ценить. Вот почему «премудрый накрывается рубищем, но хранит яшму на груди».

Эта странная глава помогает разгадать загадку анонимности Лао-цзы и других древних даосских учителей. Дело в том, что мудрость Дао не требует «системы мировоззрения» с сопутствующим ей формальным знанием, понятийным аппаратом, методами аргументации и т.п. Лао-цзы учит руководствоваться самым непосредственным и естественным, а значит, самым простым, что есть в нашей жизни: таковостью существования — тем, что «таково само по себе». Этим он отличается от всех других философов, и в этом уникальность его речей, которые непонятны свету не потому, что слишком сложны, а, напротив, — потому, что указывают на простейшую, самоочевидную данность нашего суще-

ствования. В самом деле, что может быть более родного, интимно понятного и всем доступного, более очевидного и живого, чем первозданная данность, извечная заданность нашему знанию самой жизни? Что может быть проще и практичнее совета: предоставить всему быть тем. что — или. скорее, как — оно есть «само по себе»? Увы, истина Лао-цзы слишком проста и обыденна для обычных людей, толпы посредственностей, вечно ишуших чего-то новенького, остренького и заумного, с шизофреническим жаром морочащих себе и другим голову, вечно что-то выдумывающих про себя и других, одним словом, падких до всего, что льстит самолюбию субъективистского, самоизолирующегося «я». Принять истину Лао-цзы способен лишь тот, кто понимает, что слова могут быть чем-то несравненно более весомым и грандиозным, нежели орудие самоутверждающегося интеллекта: они способны приобщать к творческой силе бытия – нашему общему предку. Но великая сила слов неотличима от стихии обыденной речи, ею никто не может владеть.

Лао-цзы мог бы сказать о себе словами одного художника: «Я не ищу. Я нахожу». Даосский мудрец в особенности не ищет Архимедовой точки опоры, которая позволяет перевернуть мир. Его философия «самооставления» не несет в себе ничего предметного, но подобна смазке, позволяющей радостно скользить в радужном океане жизни как в своей родной, открытой любовному узрению среде, переживая свою сопричастность к бездне творческих метаморфоз мира. Вспышка духовного просветления высвечивает вечность, выявляя единственность прозревшего. В конце концов неважно, сколько людей сподобились причаститься этой преемственности духовного света. Она на самом деле составляет Единственного — высшего прародителя не людей даже, а единого человечества. Поистине, в мире достаточно одного пробужденного, чтобы он стал действительно миром, вечностью покоя.

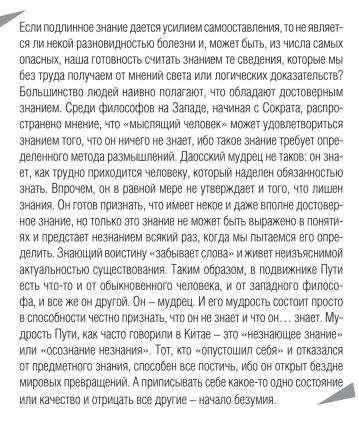
Знать, а казаться незнающим, – вот совершенство.

Не знать, а думать, что знаешь, – это болезнь.

Только тот, кто знает свою болезнь, способен не быть больным.

Премудрый человек не имеет болезни.

Он знает, что такое болезнь, и потому не болен.

Когда в народе не страшатся грозной власти, Придет великая гроза.

Не утесняй людских жилищ. Не угнетай того, чем человек живет. Только когда людей не угнетают, Они не будут угнетать других.

А посему премудрый человек знает себя, но не любуется собой, Любит себя, но не гордится собой. Итак. он отбрасывает то и берет себе это.

Лао-цзы — мыслитель практичный. Он знает, что людям свойственно инстинктивно страшиться власти. Но он задумывается о причинах этого страха. Не в том ли дело, что бодрствующее сердце знает «вечно иное», несет в себе смертную память, а потому живет в страхе и трепете? В таком случае просветленный человек непременно почитает власть, ибо знает, что жить — значит наследовать, идти по следам Безусловного. На почве страха знающий и невежда могут отлично ладить друг с другом. Позиция Лао-цзы состоит в том, чтобы держаться «середины» в отношениях между властью и подданными. Лучше всего оставить народ при его непроизвольном почтении к власти, не пытаясь давить на него. В таком случае можно даже сохранить в обществе радушную, добросердечную атмосферу. Неповиновение власти — это уже крайность, признак неустройства в мире. Тут все зависит от властей предержащих. Мудрый правитель знает правду смирения и живет вместе

с народом в общем священном страхе. Великодушие — вот истинная примета власти. Но корыстный притеснитель народа как раз лишает людей страха перед властью и наказанием, даже самым суровым. И власти предержащие сами готовят себе гибель. Ибо так уж устроен человек: если ему досаждать и причинять неприятности, он обязательно ответит тем же. Мудрый в этом мире неприметен или, точнее сказать, прозрачен, как само небо: сквозь него просвечивает небесная правда жизни.

Ключевая фраза этой главы, давшая ей название, — «сущая в себе любовь». Это мудрая любовь, которая не требует ценить себя. Но слова о «великом страхе», вселяющем в человечество смутную тревогу, возможно, напоминают о том, как трудно исполнить простой завет любви. Немногим дано принять тот «сиятельный мрак», в котором кроется разгадка смысла человеческого существования. Но мудрый правитель умеет жить правдой «опустошения себя»: сам давая миру быть, он незаметно для своих подданных позволяет им самим претворить — но ни в коем случае не «учит», не «просвещает» их! — их природное смирение. Он живет самим естеством жизни, непосредственно переживаемым, и не ищет опоры в том, что выходит за рамки этой жизненной непосредственности. Он не нуждается в «объективном» знании и даже презирает его, ибо это знание разделяет людей.

Что же такое «великий страх», о котором говорит Лао-цзы? Большинство китайских комментаторов полагают, что речь идет о Небе как силе морального воздаяния. Потеря «малого страха» знаменует явление «великого страха», который очистительной грозой проносится над миром, неся кару и озлобленным бунтарям, и жестоким правителям. Потом в мире снова воцаряется Срединный Путь. Ибо Путь, утверждает Лао-цзы, не оставит мир. Это люди оставляют его.

А может быть, прав учитель Цао Синьи, и исчезновение власти означает приход истинной, спонтанно осуществляемой власти без государства? От косности до анархии один шаг.

Тот, кто смеет быть смелым, погибнет. Тот, кто смеет не быть смелым, уцелеет.

Одно и то же может быть полезным или вредным. Коли Небо чего-то не любит, как знать этому причину? Даже премудрый здесь затруднится с ответом.

Путь Неба: не борется, зато искусно побеждает, Не говорит, зато искусно откликается, Не ведает приказаний, а сам является, Не утруждает себя размышлениями, а точно рассчитывает.

Небесная Сеть так широка, так просторна! Но из нее ничего не ускользает.

Всегда полезно «смягчить свое сияние», ослабить хватку сознания и «уподобиться своему праху», ведь действительность не обязана соответствовать нашим представлениям и желаниям. Зато мир, отпущенный на волю, тем охотнее раскроет нам свою красоту и правду. Не нужно обманывать себя — сочинять, фантазировать, стараться кому-то понравиться. Короче, нужно перестать думать о реальности и научиться жить ею. Находить свой ответ на все вопросы. Вообще не искать ответы, а только находить их. Есть в этих рекомендациях очевидная моральная подоплека: Лао-цзы учит мужеству смирения. Есть и положительный идеал: тот, кто примет «простые советы» даосского учителя, сможет явить через

свой покой то, что каждому не просто дано, а задано: свою судьбу, неповторимый узор своей жизни. Не обременяя себя заботами, он позволит всему сущему встать на свое место и каждому получить по заслугам. Мудрый «берет жизнь от Неба». И так обретает свою свободу, которая есть только открытость несотворенному зиянию бытия. В отличие от обыкновенных людей, которые не думают о смерти и даже презирают ее, он благодаря бодрствованию духа остро переживает конечность своего существования, свою смертность. В этом смысле он внутренне «любит себя».

Композиция этой главы хорошо иллюстрирует типичный для «Дао-Дэ цзина» ход размышления. Она открывается зачином в стиле народной поговорки, формулирующим, казалось бы, неразрешимую проблему нравственной ценности наших представлений и поступков. В средней части главы та же парадоксальная форма суждений переводится в метафизическую плоскость и приобретает вид положительных тезисов, после чего следует заключение, в котором видимое несоответствие действительности моральным ценностям объясняется несовершенством обыденного знания. Ограниченность человеческого видения дает основание утверждать, что подлинная смелость заключается в кажущейся робости, точность расчета — в видимой беспечности, истинная прямота – в гибкости и т.д. Подобно Ницше, утверждавшему, что отдаленнейшее есть мера сегодняшнего дня, Лао-цзы учит ме-рить преходящее вечным.

Если люди привыкли не бояться смерти, Как можно запугать их казнями?

Если сделать так, чтобы люди всегда жили в страхе перед смертью, А мы непременно хватали бы шальных и предавали казни — Кто бы посмел злодействовать?

Если бы люди всегда жили в страхе перед смертью, На них нашелся бы главный палач. Но казнить людей вместо главного палача Все равно, что рубить деревья вместо старшего дровосека. Из тех, кто возьмется за топор вместо старшего дровосека, Мало кто не поранит себе руку!

Лао-цзы развивает свое парадоксальное — как будто утопичное, а на самом деле очень практичное — учение о наведении порядка... посредством «недеяния». На сей раз, согласно традиции, речь идет о «сдерживании соблазнов». Прежде всего — соблазна скрепить общество кодексами и регламентами, поправить дело наказаниями. Очередная простая истина: даже самые суровые наказания не удержат людей от преступления. Значит ли это, что согласия в мире достичь вообще невозможно? Нет, отвечает Лао-цзы. Задача правителя — восстановить естественный порядок жизни, который будет сам регулировать себя и устранять всех «дурных людей», которые ему противодействуют. И пусть кому-то кажется, что какая-то высшая сила карает этих смутьянов за их безрассудство. Мудрый правитель не станет возражать против этого мнения...

Важно увидеть в этой главе очередную вариацию темы прозрения премудрым «сокровенно-утонченных» превращений бытия. а равным образом прозрения «сокровенного единения» людей. Именно прозрение тончайших «семян» явлений делает мудреца правителем, который управляет (как бы) от имени самого Неба – совершенно органично, безупречно справедливо и без насилия. Для простых людей, неспособных постичь «утонченную» истину бытия (а она заключается, помимо прочего, в неразличимости жизни и смерти!). главной регулирующей инстанцией является страх смерти, смертная память – отправная точка на пути к прозрению. Этим страхом обусловлено безотчетное согласие, единение народа и правителя, причем последний, постигнув тайну смерти, как раз и может выступать перед народом в виде «главного палача», устрашающего вестника смерти. Нет даже оснований говорить, что Лао-цзы имеет в виду формальное наказание. Люди, верные смертной памяти, безотчетно выправляют себя сами еще до внешних действий. А что касается трескучей, внешне доказательной и непременно оправдывающей насилие идеологии, пусть даже и «гуманной» закваски, то это - «топорная» работа, от которой не поздоровится самим ее создателям.

Отсюда напрашивается еще один интересный вывод. Чем покойнее и зажиточнее живут люди, тем более они склонны к развитию своей духовной чувствительности и, как следствие, тем с большим вниманием относятся к смерти. Авторитет власти, таким образом, напрямую зависит от уровня благосостояния народа и притом по глубоким психологическим причинам! Только состоятельные и чувствительные к внутреннему опыту люди могут быть благонравными подданными. А власть внушает наибольшее почтение к себе именно тогда, когда не представляет угрозы обществу. Тем не менее ответственность за свое поведение лежит на самих людях, и Лао-цзы в принципе не отрицает узаконенное лишение жизни. Более того, правитель, постигший Небесный путь (что подразумевает, помимо прочего, его неприметность в мире), может выступить в роли «главного палача» по уже известным нам причинам.

Люди голодают оттого, что верхи забирают себе зерно. Вот почему голодают люди.

Людьми трудно управлять оттого, что верхи понукают ими. Вот почему ими трудно управлять.

Люди ни во что не ставят смерть оттого, что верхи слишком любят удовольствия жизни. Вот почему люди ни во что не ставят смерть.

Поистине, те, кто не живет с мыслью о жизни, умнее тех, кто ценит жизнь.

Лао-цзы в очередной раз напоминает о том, что ответственность за смуту в государстве и плачевное состояние нравственности в народе несут власти предержащие. Он самым резким образом предостерегает хозяев этой жизни от упоения властью и могуществом. Предостерегает в первую очередь по соображениям практической политики: гармония между верхами и низами жизненно необходима государству. Но в этом напоминании есть и куда более глубокий практицизм: корень важнее верхушки, покой души важнее самой громкой славы. Воистину живет тот, кто ничем не дорожит в этой жизни, кроме... собственной жизни. Мудрость — это умение отнестись к себе серьезно. Уважения других добьется только тот, кто научился уважать себя. Управлять другими способен лишь тот, кто умеет управлять собой.

Человек рождается мягким и щуплым. А, умерев, делается жестким и твердым. Когда все вещи, трава и деревья, живут, они мягки и гибки. Умерев, они становятся сухими и жесткими.

Посему, жесткость и твердость — спутники смерти, Мягкость и слабость — спутники жизни. Вот почему крепкие доспехи мешают победить, А крепкому дереву не устоять.

Сильному да крупному быть внизу. Мягкому и слабому быть вверху.

Лао-цзы — на редкость вдумчивый наблюдатель жизни. Общеизвестные вещи служат ему поводом для раскрытия глубоких истин, о которых большинство людей не догадывается. Мягкость и слабость не ценят в мире, где в чести сила и твердость. Но мягкость и слабость юной жизни навевают китайскому мудрецу мысль о внутренней расслабленности и некоей абсолютной уступчивости, в которых воплощается высшая полнота и гармония бытия, и, следовательно, вечное движение, свобода — не столько даже жизнь, сколько сама жизненность духа. Это вечное ускользание живой жизни, подобное мягкому, но неостановимому течению вод, и есть наша самая прочная основа. Основа наших творческих сил: то, что надежнее всего, способно дать самые неожиданные результаты. Мы ближе всего к себе как раз тогда, когда мы необычнее, даже фантастичнее всего. Путь

к «обретению себя» посредством «оставления себя» нужно начинать с простого совета: воистину силен тот, кто знает бессилие насилия. И это означает, что Великий Путь, как неоднократно заявляет Лао-цзы, начинается с безусловного, безупречного доверия к себе. Тогда мы узнаем, что искренность веры движет горами.

Небесный Путь — как натягивание на лук тетивы: Верхний край надо нагнуть, Нижний край надо поднять. Если слишком длинно, укоротить, Если слишком коротко, удлинить. Вот каков Путь Небес: отнимает лишнее и прибавляет недостающее.

Путь же людей не таков: Отнимают недостающее и добавляют к тому, что в избытке. Кто способен, имея излишек, отдать его миру? Только человек Пути.

Вот почему Премудрый человек Действует — и не держится за сделанное, Имеет успехи — и не привязан к ним. Он не имеет желания показывать свою мудрость.

Не бывает мудрости без сокровенной *глубины открытости* сердца. Здесь эта глубина предстает как несходство «Небесного Пути» и «путей людских». Работа Небес заключается в том, чтобы уравновешивать противоположности и устранять все излишнее; в ней воплощается, как мы уже знаем, *путь центрированности*. Поэтому тот, кто следует Небу, во всех вещах прозревает нечто *иное*. Человеческая же правда — это произвол и, следовательно, всегда означает нечто крайнее и чрезмерное: прибавление к тому, чего и так

имеется с избытком, и уменьшение того, чего не хватает. Мудрый укореняется в Небесной истине и потому способен отдавать все лишнее (а лишнее в действительности — это все, что имеется). «Потеряв себя», он становится свободным от путей людских. Поскольку он не предпринимает субъективных действий, он, разумеется, не отождествляет себя с содеянным. Таков секрет «удержания срединности» в политике. Для его претворения нужно только открыться безусловной «таковости» своего существования и, значит, «оставить все» и... предоставить всему свободу быть.

Глава 78

В целом мире нет ничего мягче и слабее воды, Но вода легче всего побеждает то, что прочно и твердо. Ибо ничто не может ее изменить.

То, что слабое одолеет сильное, а мягкое — твердое, Знает весь мир, а исполнить никто не может. Вот почему премудрые люди говорили: Кто берет на себя грязь царства, Тот может быть господином его алтарей. Кто берет на себя несчастья царства, Тот может быть повелителем мира.

В прямых речах все говорится как будто наоборот.

Лао-цзы снова возвращается к своей любимой теме добродетелей воды, но предъявляет ее новую грань: вода, будучи самой мягкой, уступчивой стихией, одолеет самые прочные преграды. Вы хотите быть сильным? Научитесь быть слабым. Вы хотите победить? Умейте уступать. Почему? Объяснений нет. Поживите — узнаете сами. Учит не расчет, а сама жизнь.

Так легко ли осуществить «простые истины» Лао-цзы? Не труднее, чем воде течь туда, куда она стремится сама собой, обтачивая по дороге массивные валуны, подмывая скалы, просачиваясь сквозь самую твердую породу. Вода, кроме того, — образец непреклонной воли и неистощимого терпения, которые делают такой сильной слабую во всех других отношениях женщину. Существует

только одно, но для подавляющего большинства людей совершенно непреодолимое препятствие для того, чтобы мы могли перенять мудрость воды: наша гордыня. Почему я должен делать эту грязную работу? Почему я должен отвечать за неустройство окружающей жизни? Но все-таки не нужно обладать мудростью Лао-цзы для того, чтобы понять простую истину: только тот, кто умеет быть внизу, кто познал в себе самого ничтожного человека в мире, достоин быть господином мира. Ибо он свободен от оков себялюбия.

Не существует никакой «настоящей» пустоты: истинная пустота наполнена всем, что есть в мире. Нет никакого одиночества в нарочитом одиночестве: истинное одиночество познает тот, кто умеет быть в мире с миром. Не существует никакого явного унижения: истинное унижение таится в славе мира. Таковы же и речи Лао-цзы, всегда сообщающие о чем-то «ином», содержащие в себе «поворот» смысла. Всегда — иносказание, иное сказание о чем-то вечно ином. Понять его нельзя, остается ему довериться. И — о, чудо! — там, где мы все оставили, нам все дается.

Глава 79

Когда мирятся после большой ссоры, Непременно остается обида. Как можно счесть это благом?

Вот почему премудрый человек держит левую часть договора И ничего не требует от других. Человек совершенства блюдет договор, Человек без совершенства взыскивает подати.

«Небесный Путь не имеет пристрастий, Но всегда жалует сведущего человека».

> Люди ссорятся и мирятся, спешат помочь другому, а потом... сожалеют об этом. Но нельзя впадать и в другую крайность: если ограничиваться пассивной реакцией на происходящее и пытаться уладить конфликты лишь после того, как они примут открытую форму, невозможно будет ни достичь мира, ни сделать доброе дело. Лао-цзы советует не торопиться, но и не медлить. Мудрый умеет быть активным, не притесняя других. Будучи свободным от себялюбия, он способен тонко чувствовать ход событий и разрешает все конфликты до того, как они станут заметны другим. Почему? Потому что он безупречно доверяет самому истоку жизни и ничего не хочет для себя. Он «держит левую часть договора», т.е. ту его часть, где записывался долг. Такому порукой станет само Небо — не потому, что оно выказывает ему особое благоволение,

а просто потому, что мудрец пожинает то, что сам сеет. Спонтанное и счастливое совпадение человеческого и небесного — вариация главной темы древнего даосизма: отдай — и все получишь; отдай все — и получишь еще больше. Земное же выражение совершенства мудреца есть безупречное доверие, которое он внушает всем людям. Премудрый человек у Лао-цзы не просто следует нравственному закону, он — порука полноты всего сущего, по определению благой.

Глава 80

Лучше царству быть маленьким, а населению редким.

Пусть на каждого приходится десяток и сотня орудий, Пользы от них искать не нужно. Пусть люди чтут свою кончину и не удаляются от дома. Даже если есть лодки и повозки, пусть на них не ездят. Даже если есть пики и стрелы, пусть никто не берет их в руки. Пусть люди завязывают узелки вместо письма. Пусть люди наслаждаются едой и любуются своей одеждой, Имеют покой в своем жилище и радуются своим обычаям.

Пусть соседние селения будут в пределах видимости, И будут слышны лай собак и крик петухов в них, А люди до самой старости и смерти не будут знаться друг с другом.

«Правдивые слова кажутся своей противоположностью». Лаоцзы как будто нарочно опрокидывает все истины здравого смысла и «реальной политики». Правители и их ученые советники меряют силу государства его территорией и населением, численностью войска и прогрессом техники. И вдруг нам объявляют, что лучше все устроить наоборот: государству лучше быть маленьким, населению редким, войско распустить, а технические устройства сложить на складах на случай какого-нибудь аврала — люди от них счастливее все равно не станут. Немногие отважатся признать в этой картине идеального общества реально выполнимый проект общественного устройства. Считать ли даосскую «утопию» полемической альтернативой существующим порядкам? Все, что мы зна-

ем о Лао-цзы, не дает оснований полагать так. Но есть еще одна версия: принять эту поэтическую утопию за свидетельствование о покое и радости просветленного, т.е. целомудренного духа. Речь идет о гармонии человеческого сознания и бытия или даже, точнее, быта, когда в обществе нет почвы для соперничества и, следовательно, в нем нет ни злобы, ни насилия, ни меланхолии. Конкретные, но глубокомысленные черты этого мира имеют природу «утонченного присутствия» — как бы отблеска чистой текучести Пути. Жители идеальной страны не пользуются орудиями, ибо хранят цельное отношение к действительности и настолько удовлетворены своей жизнью, что не имеют желания поехать в соседнюю деревню. Их не гонит в странствия смутная тревога в душе. Но их удовлетворенность не лишает их смертной памяти, и это значит, что их дух бодрствует и сознает себя стоящим на краю жизни.

Невозможно стереть грань между сознанием прозревшим и суетным, устранить дистанцию, отделяющую мудрого от простых людей, ибо невозможно увидеть со стороны глубину духовного бодрствования. Мир никогда не поймет старого историографа. Ничего страшного. Автор «Дао-Дэ цзина», кажется, впервые в человеческой истории находит утешение в эстетическом созерцании жизни, «как она есть». Ему радостно, что люди радуются жизни без всякой умной причины. Он увидел серый быт простонародья окрашенным в яркие цвета праздника, потому что в своей самоуглубленности. в сокровенном «движении вспять» придал ему статус тени, декорума, пустой, но многокрасочной, как фейерверк, явленности бытия. Мир расцветает в пустыне одинокого сердца. Все богатства мира даются нам буквально за ничто – за миг нашего самоотсутствия. Этот опыт нравственной отстраненности или, как выражался Чжуан-цзы, «Небесной освобожденности», формирует язык выразительного безмолвия: люди, живущие так, «не знаются друг с другом» (Лао-цзы), «не угождают друг другу» (Чжуан-цзы), ибо живут несоизмеримым: они полны в себе и потому пребывают вне отношений обмена. Они могут только «оставлять», бескорыстно дарить.

Перед нами как будто бы утопия в ее исконном значении идеальной страны, которой нигде нет. Но «нигде нет» смыкается с «везде есть». Вот мир, который, как сам Путь жизни, существует «между наличием и отсутствием». Совершенно неутопичная утопия, реалистическая до последнего нюанса, подобно «лаю собак и крику петухов» (ставшая традиционной в китайской литературе примета счастливого быта). Тайна несказанной сообщительности: недаром, согласно некоторым спискам, жители утопии Лао-цзы, не желая «знаться друг с другом», в равной мере «никогда не прощаются друг с другом».

Этой главе традиция дала название «Одинокое бытие»: таков принцип разделывающей все формы общества, рассоциализирующей социальности Лао-цзы. Даосский патриарх свидетельствует об опыте общественности за пределами общества — о чем-то, заданном с предельной несомненностью в самом факте своей невозможности. И сам Лао-цзы, уходя из мира, возвращается в него, наполняет его опытом возобновления непреходящего.

Глава 81

Правдивые слова не угодливы. В угодливых речах нет правды.

Добрый человек не любит спорить. Ловкий спорщик не добр.

Знающий человек не имеет много знаний. Многознающий не знает.

Премудрый человек не накапливает. Чем больше он помогает другим, тем больше имеет сам. Чем больше он дает другим, тем больше получает сам.

Путь Неба — приносить пользу и ничему не вредить. Путь мудрого — действовать и не препятствовать другим.

В этой заключительной главе как будто суммируется самое существенное в учении Лао-цзы. Вопрос поставлен резко: вы хотите жить или делать вид, что живете? Хотите реально идти к совершенству или играете в игры, предлагаемые обществом? Если вы все-таки хотите быть, а не только казаться, тогда учитесь давать миру. Вот самая большая ставка в игре этой жизни. И, как в пари Паскаля, беспроигрышная. Вы всегда получите гораздо больше, чем отдали. Потому что наградой за ваше бескорыстие будет реальное переживание жизни — наше самое большое богатство. Ибо в жизни есть нечто реальное и подлинное, скрытое за всеми ус-

ловностями человеческих мнений. Есть понимание, которое предшествует всем понятиям, и есть бесконечная действенность, без которой не бывает ни одного действия. О чем бы ни говорил Лао-цзы, он ведет речь о *первых* вещах, которые всего дают с избытком тому, кто все оставил. Он говорит о пространстве духовного свершения, где эффект есть мгновенно возвращающийся к себе и потому дарящей полное довольство аффект, где рассеивание есть собирание и где поэтому все отдается, но никто ничего не присваивает. Совершенен тот, кто сумел претворить в себе извечно возвращающегося высшего предка.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«лао-цзы» из годяня

Предисловие переводчика

Наверное, филологи всех стран так и продолжали бы копаться в текстологических нюансах «Дао-Дэ цзина» и выдвигать все новые предположения о его первоначальном виде, если бы не два археологических открытия, буквально перевернувшие наши представления о ранней истории главного даосского канона.

Первое из них относится к 1973 г. Тогда близ деревни Мавандуй (пров. Хунань, что в центральном Китае) было раскопано погребение, датируемое 168 г. до н.э., и из этого захоронения извлекли несколько рукописей, в том числе два списка «Дао-Дэ цзина» на шелке. Правда, «Дао-Дэ цзину» не повезло: значительная часть его текста оказалась испорченной и не поддается прочтению. Но и сохранившиеся фрагменты – а они составляют большую часть памятника – дают много ценной информации о формировании этого памятника. Более ранний из этих списков – так называемый список A – специалисты датируют рубежом III-II вв. до н.э. Он записан бытовавшим до эпохи Хань письмом «малый устав» (сяо чжуань). Примечательно, что в мавандуйских текстах отсутствует разделение на отдельные главы, хотя в тексте А местами встречается знак пунктуации, отмечающий начало главы. В целом композиция мавандуй-СКИХ СПИСКОВ ПОЧТИ СОВПАДАЕТ С ТРАДИЦИОННЫМ ТЕКСТОМ КАНОНА, ХОТЯ их лексика и стилистика имеют свои особенности. Нынешней второй части «Дао-Дэ цзина» там отводится первое место, что, возможно, не является случайностью ввиду того, что первый в китайской истории толкователь этой книги, философ Хань Фэй-цзы (середина III в. до н.э), начинает цитировать текст Лао-цзы как раз с первого изречения второй части.

Главное же — в найденных списках имеются заметные расхождения, обусловленные их неоднократным копированием, и это обстоятельство позволяет отнести появление первоначального списка книги, по крайней мере, к началу III в. до н.э.

Но главным событием в современной истории изучения текста «Дао-Дэ цзина» стала, несомненно, находка в 1993 г. в селении Годянь (пров. Хубэй, центральный Китай), расположенном на месте столицы древнего южнокитайского царства Чу, еще более древних фрагментов книги Лао-цзы. Эти фрагменты, записанные на семи десятках бамбуковых планок, были обнаружены в могиле некоего аристократа, но сравнительно незнатного.

Захоронение относится к концу IV в. до н.э. Найденные же тексты, по общему мнению специалистов, являются копиями с более древнего прототипа и притом не в первый раз снятой. Поэтому можно с уверенностью предположить, что книга Лао-цзы в том или ином виде уже имела хождение, по крайней мере, с середины IV в. до н.э., а может быть, и более раннего времени.

Правда, композиция и текстологические особенности списков из погребения в Годяне задают исследователям немало загадок. Начать с того, что уже по своему внешнему виду они даже отдаленно не производят впечатления цельной или хотя бы сколько-нибудь отредактированной книги: одна из глав, например, повторяется дважды, а планки разной длины, на которых записаны фрагменты будущего «Дао-Дэ цзина», составляют три связки (их принято называть Лао-цзы А, Лао-цзы В и Лао-цзы С). Связка А по объему намного больше двух остальных: она насчитывает 1072 знака, тогда как в связке В — 380 знаков, а в связке С — 259. В одной из этих связок (Лао-цзы С) фрагменты «Дао-Дэ цзина» дополнены отдельным сочинением на космогонические темы, но концептуально близким даосскому учению.

Мы не знаем, обладает ли тот порядок, в котором записаны изречения Лао-цзы (годяньский корпус текстов принято условно называть «Лао-цзы»), нормативностью или он случаен. Во всяком случае, с традиционной композицией «Дао-Дэ цзина» он, судя по всему, не имеет никакой связи. Можно с уверенностью говорить о последовательности повествования там, где текст в начале таблички непосредственно продолжает текст, представленный на другой табличке. Такие цельные фрагменты публикаторы назвали «группами».

Интересной особенностью годяньских текстов является то. что в них часто встречаются различные знаки пунктуации, что, вообще говоря, китайской письменной традиции не свойственно. Знак, напоминающий прямоугольник, китайские текстологи считают знаком окончания отдельной главы. Одиночная черта в конце отдельных строк толкуется публикаторами как знак разделения отдельных пассажей внутри глав. Две параллельные черты, напоминающие знак равенства, обозначают повторение знака. В связке Лао-цзы А в конце глав 9 и 57 стоит знак, напоминающий латинскую букву Z. По мнению китайского ученого Ван Бо, он указывал на окончание отдельной группы глав (то. что в древности называлось бянь). Заметим. что в мавандуйском списке А лишь изредка встречается одна разновидность разделительного знака, а в списке В и во всех позднейших изданиях «Дао-Дэ цзина» какие-либо знаки препинания вообще отсутствуют. Это может означать, что к началу II в. до н.э. «Дао-Дэ цзина» приобрела более или менее стабильный вид, и знаки препинания оказались не нужны. Но тому, кто записывал годяньские тексты, композицию текста приходилось помечать особо. Правда, мотивы расстановки знаков в годяньским списке не всегда понятны.

Соотношение годяньского и традиционного списков весьма неоднозначно. Можно выделить несколько типов такой связи:

1. В целом ряде случаев наблюдается довольное точное соответствие отдельных глав в обоих списках.

- 2. Некоторые главы годяньского списка длиннее соответствующих глав в позднейших изданиях.
- 3. Пассажи, ставшие частями отдельных глав традиционной версии.
- 4. В двух случаях это касается глав 66 и 46, а также 17 и 18 две главы традиционного списка соответствуют, по-видимому, одной главе в годяньских текстах, хотя этого нельзя утверждать с полной уверенностью.

Один предварительный вывод из этого краткого обзора совпадений и различий между традиционным и годяньским списками можно сделать уже сейчас. Формирование текста «Дао-Дэ цзина» шло двумя параллельными путями: первоначальные краткие изречения постепенно дополнялись пояснениями, выводами и прочими суждениями, развивающими «ядро» главы, причем нередко самостоятельные высказывания сводились воедино. Одновременно те же начальные изречения подвергались редактированию и литературной обработке, что придавало им больший лаконизм и усиливало их, так сказать, смысловой потенциал.

Несмотря на то, что порядок фрагментов в этом собрании (напомним еще раз — безымянном и потому условно называемом «Лао-цзы») не соответствует традиционной нумерации глав, исследователи полагают, что тексты внутри каждой связки были подобраны по определенному тематическому признаку: почти все фрагменты в связке «Лао-цзы А» касаются искусства управления государством, а фрагменты в связке В имеют отношение, главным образом, к телесно-духовному совершенствованию мудреца. Впрочем, все схемы тематической классификации годяньских текстов

остаются крайне условными и не имеют под собой вполне объективных свидетельств.

В идейном отношении к числу наиболее заметных особенностей годяньских фрагментов можно отнести следующие:

- 1. В годяньских текстах нет явных выпадов против конфуцианского учения, а те пассажи, где в современном издании такая критика присутствует, не имеют откровенной антиконфуцианской направленности. Примечательно, что текст «Лао-цзы» был положен в могилу вместе с текстами конфуцианской школы.
- 2. Бросается в глаза отсутствие в годяньских текстах высказываний на метафизические темы, которые вызывают как раз наибольший интерес у западных читателей. Ряд исследователей делает на этом основании вывод о том, что годяньский «Лао-цзы» представляет собой первоначальное ядро даосской традиции, имевшее отношение к, так сказать, житейской мудрости и искусству управления.

Вероятно, легкого и однозначного решения вопроса о формировании «Дао-Дэ цзина» никогда и не будет. Но годяньские тексты заставляют по-новому осмыслить мудрость основоположника даосизма, и это гораздо важнее знания отдельных эмпирических фактов.

Владимир Малявин

Лао-цзы А

Первая группа

1 (ДДЦ, 19; МВД, 63)

Устраните хитроумие, отриньте различения, И польза людям будет стократная. Устраните ловкость, отриньте выгоду, И не станет ни воров, ни разбойников. Устраните расчеты, отриньте размышления, И люди будут как малые дети.

Три этих суждения еще не составляют должного наставления, К ним надобно прибавить такие указания: Будь безыскусен, храни первозданную цельность; Будь меньше себялюбив, сдерживай желания.

Данная глава явно соответствует 19-й главе традиционного текста, хотя по сравнению с последним в ней переставлены местами 3-4 и 5-6 строки. Но есть и более существенные отличия. Вместо «мудрости» (шэн), приписываемой в конфуцианской традиции идеальным правителям, в 1-й строке говорится о «хитроумии», и даже, точнее, рационально организованном знании» (у Суньцзы данное понятие определяется как «то, что согласуется в знании»). Эта способность к рациональной организации знания и, следовательно, расчетам, составлению планов занимает послед-

нее место в перечне конфуцианских добродетелей. В 5-й строке вместо конфуцианских добродетелей «человечности» и «справедливости» упоминаются гораздо более нейтральные «расчеты» и «размышления». Пэн Хао трактует знак «расчеты» как «лицемерие», что кажется слишком радикальным толкованием: речь идет всего лишь о «планомерных», «нарочитых» действиях. Тем не менее, это толкование развивают Дин Юаньчжи и Чэнь Сиюн, которые предлагают такое чтение фразы: «Устраните притворство, отриньте нарочитые действия». В любом случае мы должны констатировать, что, как отметил еще Цуй Жэньи, в данной главе отсутствует антиконфуцианская полемика, которая очевидна в традиционном списке.

2 (ДДЦ 66; МВД, 29)

Реки и моря потому являются господином всем горным ручьям, Что они могут находиться ниже всех ручьев. Вот так они могут властвовать над всеми ручьями.

Премудрый человек стоит впереди людей, потому что он позади всех. Он выше людей потому, что в речах ниже их. Но, хотя он стоит над людьми, а людям не тяжело. Хотя он стоит перед людьми, а людям не страшно.

Весь свет восхваляет его без пресыщения.

Он ни с кем не соперничает,

и потому мир не может соперничать с ним.

Годяньский список содержит ряд незначительных лексических и синтаксических разночтений с традиционным текстом. Все они отражены в настоящем переводе. Традиционная версия текста кажется в целом лучше отредактированной, в нем устранены некоторые длинноты, имеющиеся в годяньском фрагменте. Здесь отсутствуют вводные слова «следовательно», присутствующие в 4-й и 6-й строках. Кроме того, в позднейшей версии говорится о том, что мудрый «желает» быть «выше людей», что придает этой фразе оттенок долженствования.

3 (ДДЦ, 46; МВД, 9)

Нет большего преступления, чем иметь слишком много желаний. Нет большего порока, чем потакать вожделению. Нет большей беды, чем не знать, что имеешь довольно. Быть довольным тем, что знаешь, что имеешь довольно, — Вот неизбывное довольство.

В традиционном издании данный фрагмент в целом соответствует второй части 46-й главы. Он находится на этом месте уже в мавандуйском списке, хотя еще отделен от предшествующего пассажа разделительным знаком. Кроме того, в традиционной версии строки 2 и 3 переставлены местами, но композиция годяньского выглядит более логичной.

4 (ДДЦ, 30; МВД, 74)

Тот, кто берет Путь в услужение господину людей, Не желает оружием насильно распространить его в свете...

Тот, кто в этом искусен, ценит только плод, И не пользуется случаем, чтобы стать сильнее. Одержав победу, не кичится; Одержав победу, не гордится; Одержав победу, не бахвалится...

Это называется: «Одержать победу, а не хвастаться силой». Тогда дело его продлится вовеки.

Данный пассаж соответствует началу 30-й главы традиционной версии. Во 2-й строке добавлено слово «желает», отсутствующее во всех прочих известных списках. Между 2-й и 3-й строками в современных изданиях присутствуют три фразы, разъясняющие начальное суждение. Ввиду отсутствия этих фраз в данном тексте упоминание об «искусном» муже не выглядит явным указанием на знатока военной стратегии.

5 (ДДЦ, 15; МВД, 59)

Те, кто в глубокой древности были искусны в мудрости, Были всегда неприметны и утонченны, сокровенно всего достигали.

Столь глубоки они были, что познать их нельзя.

Вот почему их восхваляют:

Сосредоточенные! Словно переходят реку в зимнюю пору.

Осторожные! Словно опасаются беспокоить соседей.

Сдержанные! Словно находятся в гостях.

Податливые! Словно лед, который тает на солнце.

Безыскусные! Словно один цельный ствол.

Все вбирают в себя, словно мутные воды.

Кто может быть мутным,

но благодаря покою постепенно проясниться?

Кто может быть покойным,

но благодаря движению постепенно ожить?

Кто хранит этот путь, не желает

попусту обнаруживать себя.

Данный текст соответствует 15-й главе «Дао-Дэ цзина», но производит впечатление ее необработанного первоначального наброска. Лексически он существенно отличается от традиционного текста, но употребленные в нем знаки довольно точно соответствуют иероглифам традиционной версии. В нем также отсутствует ряд фраз, имеющихся в традиционной версии. Особенно примечательна несколько громоздкая вопросительная форма суждений в 11-й и 12-й строках. Кроме того, в годяньском тексте отсутствуют две последние строки традиционного издания.

6 (ДДЦ, 64; МВД, 27)

Тот, кто воздействует на это, разрушит его. Тот, кто крепко держится за это, потеряет его. Вот почему премудрый человек ничего не предпринимает и потому не терпит урона,

Ни за что не держится – и ничего не теряет.

Во всех делах общее правило таково:

Если будешь в конце столь же осмотрительным, как в начале, Тогда не будешь знать неудачи.

Премудрый человек желает нежелания и не ценит редкие в мире товары.

Он наставляет без наставлений

и сторонится людских заблуждений.

Вот почему премудрый человек во всех вещах соприкасается с тем, что таково само по себе.

Но этого нельзя сделать нарочно.

Данный пассаж соответствует второй части 64-й главы традиционного издания «Дао-Дэ цзина», причем первая часть той же главы встречается в другом месте данного корпуса текстов (см. А14). Это обстоятельство свидетельствует о том, что 64-я глава составлена из двух первоначально самостоятельных пассажей. Смысл 1-4 строк совпадает с традиционной версией, хотя в годяньском тексте, как обычно, употреблены другие иероглифы или те же иероглифы в нестандартном написании. А вот 5-я строка не имеет аналога в традиционной версии.

7 (ДДЦ, 37; МВД, 81)

Путь вечно в недеянии...

Если князья и цари смогут блюсти его, Все само пойдет своим чередом. Если в своем естественном бытии

они возжелают самовольничать,

Их следует умиротворить безымянной простотой. Надобно знать, когда ты имеешь довольно, Ибо, имея такое знание, сможешь сдержать себя. Тогда все в мире само обретет прочное положение.

Несмотря на то, что в мавандуйских списках 1-я строка выглядит иначе («Путь вечно не имеет имени»), данная формулировка, соответствующая традиционной, должна считаться истинной, поскольку знак «недеяние» рифмуется со словом «претворят» и к тому же лучше соответствует контексту. Это прочтение принимается большинство толкователей. Впрочем, Чэнь Сиюн настаивает, что истинна именно мавандуйская версия. Заметим, что, как и в мавандуйских текстах, здесь отсутствует вторая часть известной формулы «недеяния».

8 (ДДЦ, 63; МВД, 26)

Действуй, ничего не делая.

Трудись, ничем не занимаясь. Вкушай, не ощущая вкуса.

В великом постигай малое... Кто многое считает легким, тот будет иметь много трудностей.

Вот почему премудрый человек все считает трудным — И вовек не имеет трудностей.

Данный пассаж странным образом соответствует трем начальным и трем заключительным строкам 63-й главы. Означает ли это, что остальная часть главы была дописана в качестве своеобразного комментария позднейшими преемниками Лао-цзы?

9 (ДДЦ, 2; МВД, 46)

Когда в мире узнают, что прекрасное — прекрасно, тотчас появляется уродство.

Когда в мире узнают, что доброе – добро, появляется зло.

Наличное и отсутствующее друг друга порождают.

Трудное и легкое друг друга создают.

Длинное и короткое друг друга выявляют.

Высокое и низкое друг друга устанавливают.

Музыка и голос друг другу откликаются.

Предыдущее и последующее друг за другом следуют.

Посему премудрый человек предается делу недеяния

И претворяет бессловесное учение. Десять тысяч вещей созидают — и он ничего не отвергает...

Всему дает свершиться — и ни за что не держится. Успехи приходят — и не присваивает их себе. И потому, что он ни в чем не пребывает, От него ничего не уходит!

10 (ДДЦ, 32; МВД, 76)

Путь вечно безымянен; Первозданное Древо хотя и мелко, В мире над ним никто не властен. Если бы князья и цари могли держаться его, Все вещи покорились бы им сами собой.

Небо и Земля в согласии соединятся и породят сладкую росу, И люди без приказания Неба будут равно умиротворены.

Где есть порядок, есть имена. Но когда являются имена, Надобно знать, где в знании остановиться. Кто знает, где остановиться в знании, Тот сможет избежать большой беды.

Великий Путь для мира

Вторая группа

11 (ДДЦ, 25; МВД, 69)

Есть нечто, в смешении всего завершенное,

Прежде Неба и Земли рожденное.

Покойное! Безбрежное!

Само в себе пребывает и не меняется.

Растекается повсюду и не знает преград.

Можно считать это Матерью Поднебесной.

Я не знаю, как называть его,

Давая ему прозвание, скажу: «Путь».

Если придется дать ему имя, скажу: «Великий».

- «Великое» значит «распространяющееся повсюду».
- «Распространяться повсюду» значит «уходить далеко»,
- «Уходить далеко» значит «возвращаться».

Путь велик,

Небо велико,

Земля велика

И Господин человека тоже велик.

Во вселенной есть четыре великих,

и Господин человека – один из них.

Человеку образец – Земля.

Земле образец – Небо.

Небу образец – Путь.

А Пути образец – то, что таково само по себе.

12 (ДДЦ, 5, МВД, 49)

Пространство между Небом и Землей Подобно кузнечным мехам: Пустое — а нельзя его устранить, Надави на него — и из него выйдет еще больше.

Третья группа

13 (ДДЦ, 16; МВД, 60)

Достижение пустоты – вот постоянство. Удержание срединности – вот тщание.

Все вещи в мире возникают в великой цельности, Сидя в покое, прозреваешь их возврат. Небесный Путь все свершает в круговороте, И все возвращается к своему корню.

В начальной строке последний иероглиф означает «постоянство», что делает возможным предложенный здесь перевод, который следует прочтению китайских комментаторов. Вместе с тем по начертанию этот знак в древности был почти неотличим от знака «предел», и, начиная с мавандуйских списков, здесь фигурирует именно это слово.

Во 2-й строке имеется важное отличие от традиционного списка: вместо знака «покой» употреблен знак «середина», что невозможно объяснить фонетическим или графическим сходством.

В 3-й строке тоже имеется заметное отличие от традиционного списка: вместо слова «совместно» (бин) употреблен знак фан (квадрат, но в данном случае — великий), тогда как в мавандуйских списках фигурирует знак пан, который тоже означает «великий», «всеобъятный». Итак, речь идет о «величии» творческой метаморфозы, обуславливающей единство бытия. В традиционном тексте акцент перенесен на природу события как множественного бытия.

В 4-й строке в современном издании говорится: «Я так прозреваю их возврат». Годяньский текст явно говорит о «сидении в покое», что указывает на некое медитативное состояние (правда, слова «я» и «сидеть в покое» сходны по начертанию). Отметим, что в годяньском списке отсутствует слово «созерцать», «прозревать».

В 5-й строке вместо слова «вещи», фигурирующего в традиционном списке, говорится о «небесном пути». Своего рода переходный вариант зафиксирован в мавандуйских текстах, где речь идет о «небесных вещах». Продублированный в строке знак юань некоторые китайские комментаторы отождествляют с движением по кругу, знаменующим в древних даосских текстах завершенность, полноту бытия. Предлагаемый перевод учитывает оба значения.

14 (ДДЦ, 64; МВД, 27)

Что покоится, то легко удержать. Что еще не проявилось, то легко подавить. Что тонко, то легко разорвать. Что мелко, то легко рассеять.

Действуй, когда ничего нет. Упорядочивай там, где еще нет расстройства.

Дерево толщиной в обхват *вырастает из крошечного* ростка, Башня в девять этажей поднимается *от комка земли.*Высота в восемь сотен шагов начинается под ногами.

15 (ДДЦ, 56; МВД, 19)

Тот, кто это знает, не говорит, Тот, кто говорит, не знает.

Затвори дыры, Закрой ворота, Смири сияние, Уподобься праху, Загладь сумятицу, Развяжи узлы, Вот что зовется «сокровенным уподоблением».

Посему невозможно быть ему родным, Невозможно быть ему далеким. Невозможно ему угодить, Невозможно ему навредить. Невозможно его возвысить, Невозможно его унизить. Вот чем оно ценно в мире.

В 7-й строке фигурируют неидентифицированные иероглифы. Большинство комментаторов считают ее аналогичной традиционному тексту, где сказано: «срезай острые края». Однако Дин Юаньчжи предполагает, что последний знак в ней означает «смута», «расстройство». Перевод основан на этом предположении.

16 (ДДЦ, 57; МВД, 20)

Государством управляй прямо, На войне применяй хитрость. И посредством бездействия завладевай Поднебесной. Отчего мне известно, что это так?..

Чем больше в мире запретов, тем больше люди бунтуют. Чем больше народ знает о выгоде царства,

тем больше в нем смуты.

Чем больше в народе знаний, тем больше вокруг безделиц. Чем больше в стране законов, тем больше вокруг разбойников. Посему премудрые люди говорили:

Я ни о чем не радею, а люди сами по себе благоденствуют. Я как бы ничего не делаю,

а люди сами собой становятся лучше.

Я люблю покой, а люди сами себя выправляют.

Я желаю не иметь желаний, а люди сами хранят безыскусность.

Четвертая группа

17 (ДДЦ, 55; МВД, 18)

Тот, кто хранит в себе глубину совершенства, Подобен новорожденному младенцу: Ни гады, ни скорпионы, ни насекомые,

ни змеи его не ужалят,

Хищные птицы н дикие звери на него не нападут. Его кости мягки, мышцы нежны, а хватка крепка, О соитии полов не ведает, а мужская сила в нем есть — Ибо семя в нем пребывает сполна. Целый день кричит, а не хрипнет — Ибо согласие в нем не имеет изъяна.

Быть в согласии — значит блюсти постоянство. Знать согласие — значит быть просветленным. Прибавлять что-то к жизни — зловещий знак. Когда ум повелевает жизненной силой — это насилие.

В ком есть избыток сил, тот скоро одряхлеет: Вот что значит противиться Пути.

18 (ДДЦ, 44; МВД, 7)

Слава или жизнь — что дороже? Жизнь или богатство — что важнее?

Иметь или потерять — что хуже? Кто сильно любит, тот многого лишится, А у кого великие запасы,

тот будет иметь много убытков.

Если знаешь, как быть довольным,

не изведаешь позора.

Если знаешь, когда остановиться, избегнешь опасности И сможешь жить долго.

19 (ДДЦ, 40; МВД, 4)

Возвращение — это действие Пути. Слабость — это применение Пути.

Вещи в мире исходят из сущего, Исходят из несущего.

20 (ДДЦ, 9; МВД, 53)

Чем оберегать наполненное до краев, Лучше вовремя остановиться. Кто накопил доверху, Не сбережет накопленное долго.

Когда яшмой и золотом набит дом, Невозможно будет их уберечь. Кто кичится богатством и знатностью, Навлечет на себя беду.

Подвиг сверши, а сам уйди — Вот Путь Небесный.

Лао-цзы В

Первая группа

1 (ДДЦ, 59; МВД, 22)

В управлении людьми и служении Небу Нет ничего лучше, чем быть бережливым. Только бережливость! Благодаря ей изготовишься заранее.

Благодаря этому изготовиться заранее означает *копить Совершенство*.

Кто умеет копить Совершенство, тот все превзойдет. Если он все превзойдет, никто не будет знать, где его предел. Кто не имеет предела, тот может владеть миром. А кто владеет матерью мира, тот будет долго жить. Вот что такое «глубокий корень, прочная основа», Это Путь вечной жизни и покойного взгляда.

2 (ДДЦ, 48; МВД, 11)

Тот, кто учится, каждый день приобретает. Тот, кто претворяет Путь, каждый день теряет. Потеряй и еще потеряй — так дойдешь до недеяния. Ничего не будешь делать — и не будет ничего несделанного...

3 (ДДЦ, 20; МВД, 64)

Отбрось ученость – и не будет печалей.

«Чего изволите?» и «Чего тебе?» — далеко ли отстоят друг от друга? Красота и уродство — что их разделяет?

Кого страшатся люди, тоже нельзя по той же причине не страшиться.

4 (ДДЦ, 13; МВД, 57)

Милость позорит: ее остерегайся. Беду же цени как себя самого.

Что значит «милость позорит: ее опасайся»? Милость для нас — униженье. Бойся, когда ее получаешь, Бойся, когда ее теряешь. Вот что значит «милость позорит: ее опасайся».

Что значит «цени беду как себя самого»? Моя великая беда в том, что У меня есть «я». Коли не будет моего «я», откуда взяться беде?

Тому, кто ценит заботу о себе больше мира, Можно вверить весь мир. Тому, кто любит себя, как любит мир, Можно вручить весь мир.

Вторая группа

5 (ДДЦ, 41; МВД, 3)

Высшие люди, прослышав о Пути, Являют усердие, чтобы быть способным как можно лучше претворить его.

Обыкновенные люди, прослышав о Пути, Как будто слышали о нем, как будто нет. Низшие люди, услышав о Пути, Громко смеются над ним. Если б они не смеялись громко, то это не был бы Путь.

Вот почему заповедано так:
Пресветлый Путь кажется мраком.
Ровный Путь самый труднопроходимый.
Путь, ведущий вперед, кажется отступлением.
Высшее Совершенство подобно долине.
Великая чистота кажется позором.
Беспредельное совершенство кажется ущербностью.
Незыблемое совершенство кажется потворством.
Настоящая искренность кажется притворством.

Великий квадрат не имеет углов. Великий сосуд делается всего дольше.

Великая музыка слышна всего меньше. Небесный образ не имеет формы.

Путь сокрыт и безымянен. Только Путь благ в зачинании и благ в завершении.

Третья группа

6 (ДДЦ, 52; МВД, 15)

......

Затвори свои ворота, Завали свои дыры — И до конца жизни не будешь знать забот. Раскрой свои дыры, Займи себя делами — До конца жизни не вернешься к истине...

7 (ДДЦ, 45; МВД, 8)

Великое достижение кажется ущербным, Но польза его беспредельна. Великая наполненность кажется пустотой, Но польза ее неистощима.

Великое искусство кажется неумением. Великое изобилие как будто имеет изъян. Великая прямота кажется искривленностью.

Быстрые движения одолеют холод, Но покой одолеет жару. Чистое-чистое приведет к покою мир.

8 (ДДЦ, 54; МВД, 17)

Того, кто хорошо стоит, нельзя столкнуть. У того, кто хорошо хранит, нельзя отнять: Тому потомки не перестанут жертвы приносить.

У того, кто это пестует в себе, совершенство будет подлинным. У того, кто это пестует в семье, совершенство будет в избытке. У того, кто это пестует в селении, совершенство будет долгим. У того, кто это пестует в царстве.

совершенство будет неизбывным.

У того, кто это пестует в мире,

совершенство будет всеобъемлющим...

(В семье прозревай все семьи), В селении прозревай все селения. В уделе прозревай все уделы. В мире прозревай все, что есть мир.

Откуда я знаю, что мир таков? Благодаря этому.

Лао-цзы С

Первая группа

1 (ДДЦ, 17; МВД, 61)

С наивысшими было так: низы знали, что они есть. Ниже стояли те, кого любили как родного, прославляли. Еще ниже стояли те, кого боялись, А ниже всех — те, кого презирали. Если сам не имеешь достаточно доверия, то и тебе доверия не окажут.

Нерешительный! Вот так он ценит слова. Добьется успеха, сделает дело, А люди говорят: «У нас все получилось само собой».

2 (ДДЦ, 18; МВД, 62)

Итак, когда Великий Путь в упадке, оттого являются «человечность» и «долг»... Когда среди родичей нет согласия, оттого являются почтительность и любовь. Когда государство во мраке и в смуте, оттого являются «преданные подданные».

Вторая группа

3 (ДДЦ, 35; МВД, 79)

Держись Великого Образа, И Поднебесная к тебе придет, Придет и знать не будет зла, Всюду будет царить великий мир.

Где музыка звучит и яства на столе, Там путник мимо не пройдет Поэтому *слово, которое исходит от* Пути, Так блекло! Различишь его едва ли.

Всмотришься в него — не можешь его видеть. Вслушиваешься в него — не можешь его слышать. Невозможно его исчерпать.

Третья группа

4 (ДДЦ, 31; МВД, 75)

Благой государь в своем доме чтит левое, А, идя войной, чтит правое. Посему сказано: оружие — зловещее орудие...

Применяют его, только если к тому принудят, И применять его лучше сдержанно и бесстрастно. Никогда не любуйся им. Кто любуется им, тот радуется убийству. А кто радуется убийству, тот не преуспеет в мире.

Поэтому в счастливых обрядах ценится левое, В скорбных обрядах ценится правое. Младший полководец стоит слева, Старший полководец стоит справа: Значит, они стоят, как на похоронах.

Поэтому на убийство *множества людей* откликайся скорбным плачем, Если победил в войне, тогда справляй траурный обряд.

Четвертая группа

5 (ДДЦ, 64; МВД, 27)

Тот, кто воздействует на это, разрушит его. Тот, кто крепко держится за это, потеряет его. Премудрый человек ничего не предпринимает и потому не терпит урона, Ни за что не держится — и ничего не теряет.

Если будешь в конце столь же осмотрительным, как в начале, Тогда не будешь знать неудачи.

Поди тордат научали отгого, ито рео портат.

Люди терпят неудачу оттого, что все портят,

когда дело близко к завершению.

Посему премудрый человек желает нежелания и не ценит редкие в мире товары.

Онучится *не быть ученым и сторонится* людских заблуждений. Вот почему он во всех вещах поддерживает то,

что таково само по себе,

И не смеет действовать произвольно.

словарь основных терминов

Бытие (ω) — это понятие обозначает отнюдь не онтологическую реальность, не сущее в той или иной трактовке, а всего лишь присутствующее или наличное, которое противопоставляется в этом качестве «отсутствующему», или «небытию». Будучи условным и ограниченным, «бытие» в даосской мысли считалось производным от «небытия». (См. **Небытие**).

Вечное (*цзю, чан*), долгое, неизбывное — один из плодов «претворения Пути» у Лао-цзы, противопоставляемый возбуждению, волнению, суетности, истощающим силы. Это качество, разумеется, очень близко идеалу покоя, женственности, младенческой цельности духа и в своей основе совпадает с вечнопреемственностью Пути.

Cm. 5:2, 6:4, 7:1, 16:18, 23:2, 33:3, 44:5, 54:2, 59:3-4.

Вещь, (у), Тьма (букв. «десять тысяч вещей») вещей (вань у) — одно из обозначений онтологической реальности в даосской мысли. Общепринятое в китайской мысли определение феноменального мира как «десяти тысяч вещей» лишний раз напоминает об отсутствии в китайской мысли метафизики самотождественной сущности: реальность для Лао-цзы есть именно всеединство (недоступное измерению) всего происходящего в мире, и самое понятие вещи рассматривается под знаком естественного процесса развития, созревания и завершения, предполагающий и субъективный аспект. В древних текстах оно часто имеет значение «люди». В гл. 16 и 37 говорится о том, что «все вещи возникают совместно» и «все вещи изменяются сами по себе»

(В даосском каноне «Чжуан-цзы» часто встречается выражение «превращение вещей» или «вещественное превращение»). Таким образом, даосское понятие вещи обозначает также некое событие, актуализацию реальности и в этом смысле близко старорусскому слову «явление». В гл. 25 понятие «вещи хаотически завершенной» обозначает предельную реальность Пути. В ряде мест слово «вещи» соответствует его общепринятому употреблению: Лао-цзы называет абсолютную реальность «матерью вещей» и говорит о «возвращении туда, где нет вещей». Смешение общепринятого и философского значений слов — характерная черта китайской традиции.

Cm. 1:3-4, 2:12-13, 5:2, 8:2, 5:8, 16:3, 25:1, 27:6, 34:3, 7, 11, 37:4, 39:6, 13, 42:4, 51:2-3, 64:18, 76:3.

Вода — распространенное в даосской литературе метафорическое обозначение природы Великого Пути, поскольку вода способна «побеждать мягкостью», принимает любую форму, не имея собственной, всегда стремится вниз и, будучи предоставленной самой себе, тотчас приходит к покою. Наконец, та же вода является жизнепорождающей стихией.

См. 8:1-4, 15:11-14, 78:1-3.

Возвращение, Возвратный ход (фань, фу) — способ осуществления Пути или, можно сказать, бытийствования бытия как возобновления непреходящего. В даосской традиции обозначает процесс инволюции, возвращения к эмбриональному состоянию, обеспечивающего вечную жизнь. Такова же природа «силы обсто-

ятельств» или «потенциала ситуации» (ши), действие которых всегда противоположно видимым тенденциям, но дает стратегическую инициативу. То же «обратное» движение или «движение наоборот» определяет особенности по видимости парадоксального языка Лао-цзы, где слова часто употребляются в значении противоположном общепринятому.

См. 16:4, 6,8-9, 25:12, 40:1, 65:10, 78:11.

Доверие (синь) — высшая точка духовного совершенствования и одно из обозначений предельной реальности, свойство Великого Пути, которое есть связь несвязуемого, соотнесенность, сама по себе безмерная, существующая прежде всякой сущности. Как таковое, указывает на виртуальный, чисто символический характер все и вся предвосхищающей реальности Пути.

См. 8:8. 17:5. 21:6. 23:13-14. 49:6-7. 63:12. 81:1-2.

Единое (и) — термин, обозначающий у Лао-цзы не логическую самотождественность сущности, а всеединство бытия, как неопределимая полнота и цельность мира в его неисчерпаемой разнообразии и единстве противоположностей, например, «единстве света и праха». В этом качестве нередко именуется в даосской литературе «великим единством» или «утонченным единством» (мяо и). Такое единство указывает, строго говоря, не на идентичность вещи, а на внутренний принцип ее превращений — то, благодаря чему она становится тем, что она есть. В одном месте (гл. 14) Е. определяется как единство трех начал, не поддающихся различению в понятиях. В даосской традиции нередко отождествляет-

ся с «изначальным *ци*» или «тончайшей эссенцией *ци*». Единое, согласно, Лао-цзы, недоступно познанию, его следует «хранить», «оберегать» или, по-другому, «держаться него».

См. 10:1-2, 14:4-5, 22:7, 39:1-8, 42:1.

Женственное (пинь, цы) — одно из качеств реальности, относящееся, как всегда у Лао-цзы, одновременно к природе бытия и просветленному сознанию. Женственное выражает идею всепокоряющей слабости и мягкости, покоя и сокровенности, а также животворной пустоты материнской утробы. Образ матери в ДДЦ выступает в связке с образом младенца и даже эмбриона в женском теле, указывая на первичное состояние сознания, предшествующее индивидуальному существованию.

См. 6:1-2, 10:1, 28:1, 61:2-3.

Знание (чжи) — чистое, беспредметное знание как внутренняя уверенность в подлинности своего существования. Оно проистекает из чистого аффекта текучести бытия, тесно связано с интуитивным знанием полноты и самодостаточности бытия и, ввиду недоступности для рационального обоснования, предстает, скорее, не-знанием или, точнее, положительным незнанием (у-чжи). Истинное знание, по Лао-цзы, означает «знать, что имеешь достатлочно», и «знать, когда остановиться». Такое знание следует отличать от знания предметного, построенного на расчете и изучении «объективных фактов» и предстающего, в сущности, как хитроумие, многознайство, видимость знания или даже общепринятое мнение, опирающиеся на до-

мыслы, а не реальный опыт. Впрочем, разделение этих двух видов знания проводится не очень четко, и нередко они являются взаимозаменяемыми.

Cm. 3:12, 10:12, 14:15, 16:10, 12, 28:1,6, 32:10-12, 33:1,2,5, 44:6-7, 47:1-3, 52:3-4, 55:10-11, 56:1-2, 65:5-8, 71:1-2, 81:3-4.

Имя (мин) — свойство языка именовать реальность, относяшееся также к личным заслугам и славе. В ДДЦ, как и большинство других центральных понятий, отличается двусмысленностью. Имя является вредной иллюзией, если оно считается обозначением той или иной сущности, ибо в этом качестве затемняет изначальную открытость смысла. Но оно приемлемо и даже необходимо как средство коммуникации и сообщения о текучей, не поддающейся расчленению и потому неконцептуализируемой. В этом качестве оно предстает в качестве «не-именующей», по сути, иносказательной и метафорической речи, в которой все говорится «наоборот». «Неназывание» есть, по Лао-цзы, подлинно осмысленная речь. «безымянность» — одно из важнейших свойств реальности. Вот почему Лао-цзы говорит так сбивчиво и противоречиво. всегда говорит «против воли», наугад, даже неверно, постоянно дезавуируя сказанное. Но его «речь наоборот», по-своему очень последовательная и очень точная, возвращает к бытийственному истоку языка.

См. 1:2, 14:3, 25:7-8, 32:1, 37:6

Мельчайшее (*вэй*) — свойство реальности как бесконечно малого различения и одновременно бодрствующего сознания. Неко-

торыми комментаторами трактовалась как «функция» *утонченности*, соответствующей «субстанции» Пути.

См. 14:3, 15:2, 36:9, 64:4.

Матерь (*му*) — метафорическое обозначение предельной реальности, а равным образом состояния просветленности. Этот образ выражает природу Пути как порождающего и всевмещающего начала мира, его наполненную пустотность.

См. 1:4, 20:22, 52:1, 59:8.

Небо (*тянь*) – верховное божество в идеологии раннего периода правления Чжоу, постепенно приобретшее значение безличной этической силы. В учении Лао-цзы (как и других классических школ Китая) это понятие уже утратило свой архаический религиозный смысл и обозначает просто «праведный путь», внутреннюю правду жизни, реализующуяся в естественном движении мира. Р. Эймс даже оставляет его без перевода, чтобы избежать ассоциаций с представлением о небе в западном монотеизме. Прозрачная бездонность небес выступает в даосской традиции прообразом самоотсутствующей, символической глубины опыта и, как имманентная реальность, созвучная понятию «таковости» вещей. В этом качестве Небо составляет как бы исток, сокровенную основу человеческой природы: в позднейшей даосской литературе появляется понятие «небесного импульса» (тянь изи), обозначающее имманентный исток, движительную силу мировых метаморфоз. Небо есть, так сказать, проточеловеческая реальность, противостоящая искусственности человеческой цивилизации, но и преемственная человеческой практике в ее спонтанности. Человек, по китайским понятиям, призван «завершать работу Неба». Лао-цзы называет «Небесным путем» неприметность мудрого в свершениях мира, которые происходят как бы сами по себе, без постороннего вмешательства. Человеческое и небесное друг друга определяют. Но, хотя Небо не отделено от мира вещей, оно не совпадает с природным и тем более материальным бытием в современном смысле слова, оставаясь реальностью, по сути, символической.

Cm. 5:1-2, 6:2, 7:1, 9:2, 10:1, 16:5, 25:1, 26:1, 32:2, 59:1, 62:5, 68:2, 73:3, 77:1.

Небытие (у) — фундаментальное свойство реальности в даосизме, которая пребывает в постоянном превращении и поэтому в каждый момент времени «отсутствует в себе». Как большинство основных понятий Лао-цзы, оно обозначает одновременно состояние и действие. В первом значении оно может быть гипостазировано в качестве «постоянного отсутствия наличия» (чан у ю) или так называемого «небытия», из которого происходит все сущее или, точнее сказать, которое делает возможным все явления мира. Соответственно. «небытие» указывает на трансцендирование как саму природу сознания и является важнейшей категорией духовной практики и познания в даосской традиции. Но речь идет об имманентном свойстве отстраняться от своего содержания, «хранить свою цельность». Лао-цзы говорит о «не-сознавании» (V-CИНЬ). «Не-желании» (V-ЮЙ). «Не-знании» (V-YЖИ). «Не-вмешательстве» (у-ши), «не-делании» (у-вэй), «не-борении» (у-чжэн) как свойствах просветленного сознания. Речь идет в действительности о беспредметном знании, внесубъективном, чистом желании

и т.д. Позднее в даосской мысли появляется также понятие «нея» (у-во), а самое понятие «небытия» получает углубленное метафизическое осмысление.

См. 1:5. 11:9. 40:2. 43:1.

Недеяние (*у вэй*) — способ бытования Пути как сохранения первозданной цельности и полноты бытия, бесконечная действенность, присутствующая в конечном действии, условие и возможность всякого свершения. В этом качестве н. может рассматриваться как символ всякого действия и даже принимать гипостазированную форму чистого, беспредметного действия. Даосское н. открывает перспективу восстановления полноты человеческого присутствия в человеческой практике. В тексте ДДЦ систематически подчеркивается его неотделимость от действий и может характеризоваться как действие, не имеющее предметных результатов.

См. 10:8, 2:14, 37:1, 63:1, 64:12.

Образ (сян) — обозначение первозданной цельности бытия (в этом качестве именумой в ДДЦ «великим образом») и вместе с тем предельной конкретности внутреннего видения, предела опыта, бесконечно малого различения, которое лежит в истоке сознания и постижение которого культивировали даосы. В последнем качестве, как «образ без образа», предвосхищающий все формы, соотносится с работой воли и «утонченностью» реальности. Может быть истолкован также как первичный фантом или марево мира.

См. 4:10, 14:9, 21:3, 35:1.

Первозданное Древо (*пу*) — оригинальная философема Лао-цзы, обозначающая природу реальности как живой, органической цельности, еще не расчлененной в понятиях. В комментаторской традиции обычно определяется как «полнота жизни». Отсюда принятый в некоторых контекстах перевод этой философемы: «полнота первородства».

См. 15:10, 19:9, 28:15-16, 32:2. 37:6, 57:15.

Покой (*цзин*) — одно из главных свойств духовного идеала даосизма, оказывающее, подобно «внутреннему совершенству», неотразимое воздействие на окружающий мир. Покой не противостоит движению, но обозначает его условие и внутренний предел. Он есть бесконечная действенность как символ всякого действия.

См. 15:13, 16:2,7, 37:8, 45:9-10, 57:12, 61:3.

Польза (юн) — свойство реальности, определяемые обычным для Лао-цзы парадоксальным образом: как неисчерпаемая полезность отсутствующего. Речь идет о пустоте, делающей возможным неисчислимые жизненные превращения. В этом качестве иногда именуется в даосской литературе Великой Пользой. В ряде мест ДДЦ противопоставляется ограниченной, предметной «выгоде», но одно не исключает другое: бесконечная польза присутствует во всяком конечном действии и оправдывает самодостаточность любого момента существования в его сообщительности с вечнопреемством Пути.

См. 4:2, 6:6, 11:2-9, 28:17, 35:12, 40:2, 45:2-4.

Прародитель $(\mu 3 y H, \phi y)$ — смысл и одновременно природа реальности как «всеохватывающая предустановленность» осмысленной речи, «темный предшественник» (термин Ж. Делёза), посредующий между разными смысловыми рядами и в этом качестве выступающий как принцип множественности.

См. 4:3, 21:8-9, 70:5.

Превращение (*хуа*) — традиционное для китайской мысли обозначение истинной событийности, свершающей на уровне микроперемен, и вместе с тем воспитания, цивилизующего воздействия культуры. У Лао-цзы имеет специфический смысл предоставления мудрецом-правителем жизненной свободы всем существам и употребляется с приставкой «сам», т.е. речь идет о переменах, которые совершаются сами по себе. Речь идет, таким образом, о непроизвольном течении жизни, предоставленной самой себе. Этому понятию близки понятия «таковости» и «само-выправления».

См. 37: 4; 57:11.

Пустота (сюй) — широко употребительное в даосской литературе обозначение природы реальности и духовного постижения как «постоянного самоотсутствия». В этом качестве входит в словосочетание сюйу («пустота и небытие»), являющееся, пожалуй, наиболее известным определением реальности в даосизме. Само по себе понятие пустоты очень удачно выражает смысл Пути как самопревращения: пустота, чтобы быть сама собой, должна «опустошиться» и стать... пределом наполненности. Пустота в даосской мысли — это не-сущее, как все несущее в себе и притом де-

лающее возможным гармонизацию мировых сил. Тем не менее, она первичнее всего наличного и сущего, поскольку является условием того и другого.

См. 4:1, 5:6-7, 11:1-4, 16:1, 22:3, 42:6, 45:3-4.

Путь (дао) — абсолютная реальность, не являющаяся, однако. метафизической сущностью, субстанцией или идеей и недоступная определению в понятиях. Общепринятый термин в западных переводах, часто заменяемый транскрипцией. Также основополагающее понятие всей китайской мысли, давшее одновременно название даосской школе. У Лао-цзы (что в значительной степени характерно для всей китайской традиции) понятие Пути имеет как объективное, так и субъективное измерения, определяя одновременно духовные и бытийственные основания существования. В ДДЦ употребляется и в глагольном значении, обозначая в этом качестве правильный путь действия или суждение о таком пути. Общий исток все значений дао – представление о бытии как превращении, потоке перемен. Пребывание в пути предполагает опыт метанойи, переворота сознания, внутреннего обновления. Соответственно, путь, часто именуемый даосами как Великий Путь или Небесный Путь, представляет собой условие и предел всякого существования, а также единство всего сущего по пределу его существования, как выражено в традиционной даоссакой формуле: «так мал, что не имеет ничего внутри себя, и так велик, что не имеет ничего вовне себя». Путь, согласно Лао-цзы, есть одновременно «мельчайшее» и «вместилище всего сущего», и он не действует отдельно от вешей. По сути своей путь есть «утонченное пространство совершенной сообщительности» (определение Чэн

Сюаньина). Путь есть принцип множественности, который «порождает единое». Он не имеет длительности и протяженности и воплошает чистую качественность существования, саму бытийственность бытия. В этом смысле Небесный Путь представляет собой бесконечно малое, чисто символическое средоточие мира, где актуальные и виртуальные измерения бытия, присутствие и отсутствие мгновенно переходят друг в друга и друг на друга накладываются до полной неразличимости. Мир вещей – тень этого ускользающе быстрого круговращения. Как сила самопревращения, постоянного уклонения от себя, сама по себе неуклонная, Небесный Путь предопределяет присутствие в мире правильного пути жизни и праведного правления, цель которого состоит в том, чтобы предоставить свободу благотворной спонтанности пути. Будучи неотделимым от устремлений. путь неотделим и от человеческой речи. У каждой вещи есть свой Путь, т.е. способ раскрытия ее жизненных свойств. включая уместный момент этого раскрытия. присущий ему ритм и т.д. Этот опыт может быть зафиксирован в понятии, но такая объективированная истина несопоставима с бесконечностью «предвечного пути».

Cm. 1:1, 4:1, 8:1, 9:2, 14: 5-6, 16:5, 18:1, 21:1-2, 23:3, 24:3, 25:2-4, 30:1,5, 32:1,4, 34:1, 35:2, 37:1, 40:1, 41: 1-4, 42:1, 44:1, 48:1, 51:1-3, 52:1, 53:1,3,6, 55:5, 63:1, 65:1, 73:5, 77:1-2.

Ребенок - часто встречающийся в ДДЦ метафорический образ идеального духовного состояния, наделенный целым веером смыслов. Он обозначает и первозданную, не поврежденную понятийным знанием цельность мировосприятия, приобщенность к реальности как матери-кормилице и безотчетное доверие к ней,

совершенную душевную искренность, естественную полноту жизненных сил.

См. 10:4, 20:8, 22, 28:5, 49:12, 55:2-9, 76:1.

Свет, Просветленность (мин) — подлинное знание, соответствующее в даосской мысли духовной просветленности. В ДДЦ сопряжено с мотивами «узрения мельчайшего» и сокровенного преемствования истины, поскольку предполагает постижение именно предела всякого существования, погружение во «внутреннюю клеть сердца», открытие мира без горизонтов.

См. 10:7, 16:10, 22:9, 24:3, 27:8, 33:2, 36:9.

Семя (цзин) — природа Пути как силы жизненных метаморфоз и прикровенно-завершенного образа реальности, предваряющего внешние образы действительности. Это понятие стоит в одном ряду с понятиями «утонченного», «мельчайшего», «доверия». Познание «семян» вещей составляет сущность даосского прозрения.

См. 21:5-6, 55:8.

Сердце (синь) — многозначное понятие, которое относится и к сознанию, и к разуму, и к воле, и к эмоции. Употребление именно этого термина для обозначения сознания свидетельствует о нераздельности в китайской мысли чувственного и умственного аспектов человеческой жизни. Речь идет о некоем единстве того и другого, о «сердечном сознании» или «чувственном разуме». Самое же понятие «сердца» употребляется в ДДЦ с замеча-

тельной двусмысленностью: подлинное сознание пребывает вне себя и соответствует «не-сознанию», «не-уму» (у-синь). Истинная природа сознания — «забытье» безбрежных метаморфоз бытия, которое равнозначно предельной пустотности и покою духа. В нем высшая просветленность, предельная ясность покойного духа неотличимы от помрачения.

См. 3:8, 8:6, 12:4, 20:12, 49:1-2, 10, 55:13.

Совершенство, (дэ) — внутреннее совершенство всего сущего. точка реализация Пути, или «фокус» (определение Р.Эймса и Д. Холла) Пути как «поля». Согласно Чэн Сюаньину. дэ относится к дао как наличное к отсутствующему. Изначально этот термин относился к неодолимой силе жизненного роста, и для Лао-цзы оно остается началом, «вскармливающим вещи». Ко времени Лао-цзы это понятие приобрело также значение нравственно оправданного, самодостаточного поведения, напоминающего античный идеал эвдемонии. В западных переводах обычно именуется «добродетелью» (с учетом его латинской этимологии virrtus- мужественность. мужская сила) или «естественной силой» (А. Уэйли). Другие варианты перевода этого на редкость многозначного термина – потенция, свойство, благо, благодать и даже виртуозность. $Д \mathfrak{I}$ есть именно усваиваемая мудрым связь, сообщительность вещей и в своей высшей форме соответствует «высшему», «неизбывному» или «сокровенному» совершенству (шан дэ, чан дэ, сюань дэ), собирающему все сущее. Его усваивают по мере преодоления себялюбия. Интегрирующая сила дэ, однако, неотделима от конкретности момента и не может быть выражена в общих понятиях. Пестование дэ предполагает ритуальный социум, которому присуща символическая коммуникация. Совершенство имеет разные ступени и стадии, но недоступно определению. Дэ — атрибут господина и власти в той мере, в какой нестяжательство и милосердие даруют авторитет и влияние в обществе. В своей высшей точке д равнозначно абсолютной милости, которая предполагает доброе отношение даже к недобрым. Д — главное качество мудрого правителя, делающее возможным отсутствие корысти и искреннее радушие в отношениях между людьми. В этом качестве оно выражает благой этос общества и сливается с имманентностью жизни.

Cm. 10:2, 21:1, 23:3, 28:4, 38:1-4, 41:3, 49:2, 51:1-4, 54:2, 55:1, 59:2, 60:4, 61:2, 63:3, 65:4-5, 79:3.

Согласие (x3) — одно из обозначений идеально-органического состояния бытия и духа в ДДЦ, которое соматически соотносится с состоянием младенца, а ментально — с успокоенностью, ясностью и пустотностью сознания. Согласие удачно выражает и другие качества мудрого: абсолютную уступчивость и необладание вещами, следование имманентному источнику жизни Оно же относится и к идеальному состоянию социума. Бытие также отличается спонтанным тяготением к всеобщему согласию, отчасти наделенному у Лао-цзы чертами предустановленной гармонии. В западных переводах этот термин обычно переводится словом «гармония».

См. 4:3, 42:3, 55:2-3, 56:3, 65:5.

Сокровенное (*сюань*) — основное свойство реальности, указывающее одновременно на ее сокрытость и на способность связывать внешнее и внутреннее, поименованное и непоименованное измерения бытия. Входит в устойчивые словосочетания «сокровенное

совершенство» (*сюань дэ*), «сокровенная сообщительность» (*сюань тун*), «сокровенная родительница» (*сюань пин*), «сокровенное видение» (*сюань лань*), «сокровенное подобие» (*сюань тун*). В 1-й главе ДДЦ употребляется, скорее, в глагольном значении: пределом сокрытия названо здесь «начало утонченности» как возможности всякого существования.

См. 1:8-9, 6:2-3, 10:5, 17, 15:2, 51:13, 56:9, 65:8-9.

Сокровенное Зеркало (*сюань цзянь*) — несколько загадочное обозначение внутреннего видения, соответствующего символическому пространству всеобщей сообщительности, «семян» вещей. Противопоставляется внешнему, физическому видению. Обладает качеством предвосхищения того, что является вовне.

См. 10:5-6.

Сообщительность (*сюань тун*) — понятие, употребляемое в ДДЦ только один раз, но в позднейшей традиции ставшее одним из самых популярных определений Пути. У Лао-цзы обозначает вза-имопроникновение всего сущего в символическом пространстве «сокровенного», предвосхищающей мир форм. Сходное понятие — «сокровенное подобие» (*сюань тун*).

См. 15:2.

Срединность (*чжун*) — одно из качеств духовного состояния премудрого в ДДЦ, соответствующее твердой приверженности всеединству Пути и незыблемому покою духа. Имеет несколько важных

коннотаций, как-то: всевмещающая пустота, сосредоточенность на внутреннем фокусе духовной жизни, способность быть верным «тяжелой» основе существования. Находки фрагментов ДДЦ в Годяне дают основание говорить об изначальной близости даосской «срединности» аналогичному понятию в конфуцианстве.

См. 4:1, 5:10, 26:1-4, Годяньские тексты, С1.

Страх $(B \ni H)$ — свойство духовной просветленности, сопутствующее опознанию реальности перемен как внутреннего предела и конечности существования. Условие духовной освобожденности H морального действия.

См. 15:7, 20:4, 53:2, 72:1-2, 74:3-5.

Таковость (цзы жань) — оригинальное понятие Лао-цзы, обозначающее природу реальности. Буквально оно означает: «сам (собою) таков». Это значение ясно указывает на то, что природа реальности у Лао-цзы есть различие в единстве, отличие в тавтологии или связь в прерывности. «Таковость» отнюдь не равнозначна естественности в ее современном понимании законов и состояния природного мира, хотя в современном китайском языке оно употребляется чаще всего именно в этом значении. «Таковость» есть одновременно безусловная единичность и столь же абсолютное единство бытия, самодостаточность Начала и способ его существования как наследования, возвращения к себе. В ДДЦ (гл. 27) встречается выражение «все превосходящая таковость», каковая, надо полагать соответствует абсолютной единичности трансцендентного бытия. В комментаторской традиции она определяется как то, что «одиноко возно-

сится над вещами». В то же время «таковость» соответствует чистой конкретности существования, внутреннему пределу всего сущего. Ею обусловлена взаимосвязь и взаимопроникновение всех вещей и. в частности, внутренняя связь человека и мира. Речь идет о реальности динамической, которая не просто есть, но непрерывно происходит, становится, *приходит*, неотделима от случайности. «Таковость», по определению Дэцина, есть «то, отчего все сущее превращается в действительное». У Лао-цзы она в равной мере относится к спонтанности жизни и к уместности, видимой естественности действия. определяемой обстоятельствами или даже обычаем. Ей невозможно приписать только натуралистическую или только метафизическую природу, «Таковость» – беспредельное поле рассеивания, самого по себе всеобъятно-цельного: в ее свете «нет повелений, но все извечно таково само по себе». Речь идет не просто о спонтанности актуального существования, а о реальности вне и прежде всяких оппозиций, соответствующей состоянию сокрытия сокрытости. символической глубине бытия. В то же время «таковость» служит обозначением спонтанности общественной жизни, дающей свободу реализации творческих потенций человечества и, как следствие, мудрого правления. Этому понятию близки встречающиеся в ДДЦ выражения «само-превращение» (изы хуа), «само-выправление» (изы чжэн). «само-выравнивание» (цзы цзюнь).

См. 7:8, 23:1, 25:22, 51:5, 57:11-12, 64:18.

Утонченность (*мяо*) — свойство предельной реальности, его познание соответствует высшей стадии духовного совершенствования в даосизме. Обозначает символическую глубину опыта как сущность жизненных метаморфоз. Указывает на неисчерпаемую,

невыразимую в слове конкретность существования и поэтому связано с мотивом «бесчисленного множества» моментов существований, как это выражено в словосочетаниях «множество утонченностей», «отец множеств». Уже в тексте «Дао-Дэ цзина», и особенно в комментаторской традиции, обозначает главное свойство учения Лао-цзы и, в частности, двуединство истины Пути, охватывающей как просветленное. так и обыденное сознание.

См. 1:5, 10, 15:2, 27:13.

Ци — чрезвычайно трудный для перевода термин, чаще всего именуемый в современной западной литературе «энергетической конфигурацией» (М. Поркерт) или, проще говоря, «энергией», а также дыханием, эфиром, духом, жизненной силой и даже «пневмой». Этимологически восходит к образу (живительных) испарений. Речь идет о мировой субстанции, равно психической и физической, одновременно субъекте и объекте мирового процесса, едином источнике мировых метаморфоз, из которого происходят все явления мира. Отсюда распространенное словосочетание: «единое *ци*». Жизнь трактовалась древними даосами как скопление *ци*, смерть — как ее рассеяние.

См. 10:3, 42:6, 55:13.

Зто (*цы*) — специфически даосский термин, указывающий на непосредственно переживаемую подлинность существования, превосходящую эмпирическую данность. В этом качестве противопоставляется «тому» — некоему абстрактному, внешнему, объективированному бытию.

См. 12:8, 21:10, 38:20, 54:15, 62:8, 72:9.

Содержание

Владимир Малявин. Предисловие переводчика	
Канон пути	
Глава 1	21
Глава 2	25
Глава 3	27
Глава 4	29
Глава 5	31
Глава 6	33
Глава 7	35
Глава 8	37
Глава 9	39
Глава 10	41
Глава 11	44
Глава 12	45
Глава 13	46
Глава 14	48
Глава 15	50
Глава 16	53
Глава 17	55
Глава 18	57
Глава 19	58
Глава 20	59
Глава 21	61
Глава 22	63
Глава 23	66
Глава 24	68
Глава 25	70

3

Глава 26	72
Глава 27	74
Глава 28	77
Глава 29	79
Глава 30	81
Глава 31	83
Глава 32	85
Глава 33	87
Глава 34	88
Глава 35	90
Глава 36	92
Глава 37	94
Канон совершенства	0.7
Глава 38	97
Глава 39	99
Глава 40	101
Глава 41	103
Глава 42	105
Глава 43	107
Глава 44	109
Глава 45	110
Глава 46	112
Глава 47	114
Глава 48	115
Глава 49	117
Глава 50	121
Глава 51	123

Глава 52	125
Глава 53	127
Глава 54	129
Глава 55	132
Глава 56	135
Глава 57	137
Глава 58	139
Глава 59	141
Глава 60	143
Глава 61	145
Глава 62	148
Глава 63	150
Глава 64	153
Глава 65	157
Глава 66	159
Глава 67	161
Глава 68	163
Глава 69	164
Глава 70	166
Глава 71	168
Глава 72	169
Глава 73	171
Глава 74	173
Глава 75	175
Глава 76	176
Глава 77	178
Глава 78	180
Глава 79	182
Глава 80	184
Глава 81	187

Прило	жение
# E 2 O	1101.1%

«лао-цзы» из годяня	
Владимир Малявин. Предисловие переводчика	191
Лао-цзы А	196
Лао-цзы В	214
Лао-цзы С	221
Словарь основных терминов	225

Научно-популярное издание Серия «Исключительная книга мудрости» 12+

Лао-цзы книга о пути жизни (дао-дэ цзин)

Редактор *Н.Э. Гусейнова* Корректор *Л.Ф. Машковцева* Дизайн обложки *Д.А. Бабешко* Верстка *А.Б. Филатов*

Подписано в печать 02.07.18. Формат 76х100/32. Усл. печ. л. 11,12. Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

000 «Издательство АСТ» 129085, РФ, г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, стр. 1, ком. 39 Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген 000

129085, қ. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, уй 21, 1 құрылым, 39 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию

в республике Казахстан:

ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор

және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8(727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Серия «Исключительная книга мудрости»

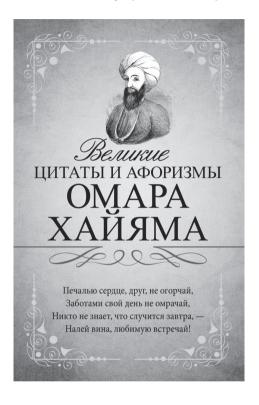
В эту серию входят работы знаменитых и выдающихся личностей мировой истории.

Книги исполнены в мягкой обложке, удобный формат позволяет с легкостью носить книгу в дамской сумочке.

Вашему вниманию издательство АСТ представляет самые яркие книги этой серии!

Великие цитаты и афоризмы Омара Хайяма!

Эта книга собрала в себе самые мудрые притчи и афоризмы великого поэта Востока и одного из самых известных мудрецов и философов. Высказывания Омара Хайяма, передающиеся от поколения к поколению, наполнены глубоким смыслом, яркостью образа и изяществом ритма. С присущим Хайяму остроумием и саркастичностью он создал изречения, которые поражают своим юмором и лукавством. Они дают силы в трудную минуту, помогают справиться с нахлынувшими проблемами, отвлекают от неприятностей, заставляют думать и рассуждать.

Притчи и высказывания великих мужчин!

Вы заметили, что великие мира сего – в основном, мужчины? Именно среди них – знаменитые философы, ученые, писатели, поэты, политики. Конечно, история знает немало ученых дам, но мудрецов среди мужчин все-таки большинство. Да и само слово «мудрец» – мужского рода. Прочитайте эту книгу – сами убедитесь, какие умники представители сильного пола!

В сборнике вы найдете афоризмы, цитаты, высказывания, притчи великих мыслителей от древности до наших дней: Аристотеля, Платона, Эпикура, Авиценны, Фомы Аквинского, Макиавелли, Вольтера, Руссо, Дидро, Гете, Шопенгауэра, Достоевского, Соловьева, Розанова, Фрейда, Вернадского, Флоренского и многих других.

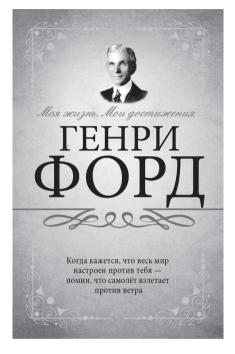
Самые великие притчи мира!

В этот уникальный сборник вошли притчи разных стран и эпох. Мы уверены, что подобная книга должна быть у каждого читателя. Накопленная мудрость многих поколений попадает прямо в сердце

и помогает человеку принять правильное решение в самых непростых ситуациях и с уверенностью двигаться вперед. Именно притча пробуждает самые светлые и благородные чувства, позволяет расслабиться и быть в гармонии с самим собой. В этом сборнике собраны африканские, библейские, дзэнские, греческие, еврейские, индийские притчи и многие другие.

Генри Форд. Моя жизнь. Мои достижения!

Мемуары выдающегося менеджера XX века «Моя жизнь. Мои достижения» — одна из самых известных настольных книг предпринимателей, в которой содержится богатейший материал, посвященный вопросам организации деятельности. Выдержав более ста изданий в десятках стран мира, автобиография Генри Форда не потеряла своей актуальности для многих современных экономистов, инженеров, конструкторов и руководителей. За плечами отца-основателя автомобильной промышленности Генри Форда — опыт создания производства, небывалого по своим масштабам и организации. Снискав славу гениального неуча-слесаря, величайший промышленник XX столетия долгое время хранил молчание, не выступая в прессе. И только к шестидесяти годам известный миллиардер написал книгу, в которой соединены достижения науки двадцатого века с его собственными изобретениями и достижениями в области техники, коммерции и менеджмента.